

Отъ Графа Николая
Сергеевича Толстого.

в Москве
сентя, 30 дек. 1857.

81
С/М
195

ЗАВОЛЖСКАЯ ЧАСТЬ

МАГАРЬЕВСКОГО УЪЗДА,

НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Графа П. С. Толстого.

I.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1857.

УНИВЕРСИТЕТ

21242-0

2007338973

ЗАВОЛЖСКАЯ ЧАСТЬ МАКАРЬЕВСКАГО
УЪЗДА, НИЖЕГОРОДСКОЙ ГУБЕРНИИ.

Во время составленія кадастровъ Нижегородской губерніи, я жилъ въ Заволжской части Макарьевского уѣзда, и какъ единственный помѣщикъ этого края, занимавшійся хлѣбопашествомъ и слѣдившій за промыслами, получилъ лично на свое имя приглашеніе уѣзднаго предводителя, доставить свѣдѣнія, входящія въ составъ поземельной описи этого края и собственно вотчины, въ которой я жилъ.

Сообщаю ниже, въ статьѣ о кадастрахъ, способъ составленія ихъ въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мѣ мѣстностяхъ, ибо я принялъ предложеніе заняться этимъ дѣломъ, и кромѣ имѣнія жены, въ которомъ жилъ, обещалъ дать кой-какія общія свѣдѣнія о нашемъ краѣ, называемомъ въ губерискомъ городѣ Нижегородской Сибирью.

Не считая занимательными для читателей подробные кадастры, я решился напечатать тѣ изъ доставленных мною свѣдѣній, которыя могутъ имѣть общій интересъ, какъ всякое описаніе малоизвѣстной мѣстности, съ ея нравами, обычаями, торговлей и т. п.; къ этому я прибавилъ нѣкоторыя замѣчанія, ге входящія въ составъ кадастровъ, но весьма интересныя.

Если не красно будетъ мое изложеніе, то пускай вняты мою неспытность: я пожилой помѣщикъ и человѣкъ военный, учившійся больше шагистикѣ, чѣмъ краснорѣчію; но ссылаюсь, въ оправданіе своей рѣшимости, на общественную пользу *правдивыхъ* описаній. Я пишу лишь то, что видѣлъ самъ, на мѣстѣ, и за чѣмъ слѣдилъ не изъ простаго любопытства, но какъ помѣщикъ, слывшій, по обстоятельствамъ и убѣжденію, въ интересы свои съ интересами сельскаго сословія.

Да не сочтуть вырѣженіе это приступомъ къ защитѣ стариннаго быта и патриархальныхъ отношеній. Нѣтъ, идилліи меня не увлекаютъ, себялюбіе тоже; но обстоятельства дѣйствительно такъ устроились, что по понятіямъ моимъ, грѣшно противъ совѣсти и челоуѣчества жить, какъ многіе, безо всякаго дѣла, и пренебрегать обязанностями помѣщика.

БЫТЬ ОБЫВАТЕЛЕЙ.

Та часть уѣзда нашего, которая называется Ветлужскою, или Заволжскою, отброшена въ самый сѣверо-восточный уголъ Нижегородской губерніи и по огромности своей граничитъ съ губерніями: Костромской, Вятской и Казанской. Но нѣсколько тысячъ душъ, въ томъ числѣ имѣніе жены моей, поселены на западной сторонѣ своего уѣзда и приближаются къ уѣздному городу и селу Лыскову на 60 верстѣ.

Лысково составляетъ пунктъ всѣхъ надеждъ, всѣхъ желаній всего Ветлужскаго края. Это обѣтованная земля крестьянъ нашихъ!.. Прямое, ближайшее съ нимъ сообщеніе есть верхъ благополучія, ими воображаемаго, и въ зимнее время они отстоятъ отъ него на 60, 70 и до 100 верстъ; но въ лѣтнее и осеннее, покуда не совершенно промерзли болота, они отъ него удаляются въ обратномъ отношеніи къ своей зимней близости, т. е. кто отстоитъ на 60 верстъ зимой, тотъ долженъ сдѣлать иногда 180, никогда менѣе 160 въ другое время года; а кто зимой отдаленъ на 100, тотъ лѣтомъ дѣлаетъ 140 и менѣе. Это происходитъ отъ того, что лѣтомъ дѣлаютъ огромные объѣзды, а зимою есть прямая дорога, назы-

ваемая на Ялокшу, известная земской полиции по одному названию, которая сообщает весь уголь нашъ прямымъ путемъ отъ села Воскресенскаго съ селомъ Лысковымъ. Эта дорога лѣтомъ и осенью не проѣзжима, по причинѣ обширныхъ и вязкихъ болотъ. Болота находятся на казенной землѣ и всѣ поросли лѣсомъ, не имѣющимъ никакой цѣнности по дальности своей отъ сплавныхъ рѣкъ и по свойствамъ самаго грунта, не допускающаго хорошей растительности: (лѣсъ по болоту растетъ приземистый, суковатый, крупнослонный и, поднявшись сажени двѣ, много три, отъ земли, начинаетъ сохнуть). Употребить этотъ лѣсъ на мосты и валежные гати на тѣхъ же болотахъ, было бы дѣломъ крайне полезнымъ. А я слыхалъ не отъ одной сотни мужиковъ, что еслибъ было позволено замостить болото по Ялокшинскому тракту, какъ они его называютъ, то нашлось бы много рукъ, которыя пошли бы *натурой* для общепользнаго дѣла! Не стану указывать возможности и затрудненія въ производствѣ этой дороги: мое дѣло было указать ея выгоды и готовность народа для вспоможенія *натурой*, да еще уже дѣло правительства, которое лучше знаетъ средства свои и возможности, а я лишь прибавлю, что тотъ, кто уладилъ бы это дѣло, заслужилъ бы благословенія не одной тысячи себѣ подобныхъ.

Говоря о пользахъ этой дороги, не могу не рассказывать легенду, дающую поводъ къ устройству ея. Да и почему не почитать па-

мять благодѣтельнаго челоуѣка, хотя и низкаго происхожденія...

Давно тому дѣлу, какъ жилъ въ Сельскомъ Мазѣ (15 верстъ отъ Макарья) одинъ крестьянинъ, занимавшійся разной торговлей и имѣвшій частую нужду быть на Ветлугѣ. Крестьянинъ былъ смѣливъ и попуту времени не тратилъ. По солнцу, по звѣздамъ, по разнымъ примѣтамъ, пробилъ онъ прямую тропу на Ветлугу и сталъ очерчивать всѣхъ прочихъ торговцевъ. За смѣливость и стараніе Богъ награждалъ его барышами, — разбогатѣлъ нашъ крестьянинъ. Наконецъ сталъ умирать нашъ крестьянинъ. Собралъ семью; собралъ весь міръ, и заповѣдалъ на сходкѣ, чтобъ дѣти его чрезъ всѣ болота набили сваекъ и на нихъ намостили ходни выше воды, и давалъ на то денегъ. Я де нажилъ лѣсною тропою, пускай и люди по ней ходятъ и меня поминаютъ!.. И долгу поминали его люди! Миръ его праху!... Съ тѣхъ поръ открылась дорога.

Не знаю какъ для другихъ, а для меня этотъ подвигъ простодушнаго заслуживаетъ болѣе благодарности, нежели сооруженіе колодець въ Мусульманскихъ стѣнкахъ, хотя строители ихъ и уважаются тамъ какъ святые. Но тамъ это дѣло подстрекается фанатизмомъ, а тутъ темный крестьянинъ, безъ надежды на славу, заповѣдуетъ деньги на общую пользу, тогда какъ деньги часто у нихъ зарываються въ землю.

О невыгодахъ мѣстности нашей въ отно-

шеніи религіозномъ скажу, что расколы, старообрядства, лѣсные скиты или скимы и наконецъ совершенное безвѣріе, замѣняемое странными повѣрьями, предрасудками, и даже чѣмъ-то похожимъ на идолопоклонство, все происходитъ отъ мѣстности, не позволяющей наблюдать за паствою.

Такъ, въ смертныхъ случаяхъ, душа умирающаго жаждетъ утѣшенія духовнаго, успокоенія совѣсти! А — рѣки разлились! — А церковь за 40 верствъ! Болота распустились!.. Дороги непроходимы!.. Духовника не будетъ!.. Прѣчастія тоже!.. Пронестъ его нѣтъ никакой возможности, — и больной умираетъ безъ покаянія душевнаго! — Оно часто замѣняется какими вибудъ нащентываніями и другими странностями; отсюда вкравшіяся злоупотребленія и обряды домашніе.

Здѣшній народъ, какъ и всѣ обитатели лѣсовъ, склоненъ къ таинственности, и потому всякая религіозная пропаганда, прикрытая неизвѣстностію и сравнительнымъ видомъ, распространяется чрезвычайно быстро, выходитъ адъ птовъ и сообщается изъ кельи въ келью, изъ деревни въ деревню, почти мгновенно и такъ скрытно, что развѣ чрезъ весьма долгое время удастся услышать сбивчивые рассказы о проходившемъ будто бы святомъ челоѣкѣ.

По этому поводу позволю себѣ высказать ѣсколько мыслей, основанныхъ на личныхъ моихъ наблюденіяхъ:

Пропаганда, по мнѣнію моему, можетъ быть отражена лишь пропагандою, — т. е.

противъ распространителей раскола могутъ дѣйствовать распространители православія, или миссіонеры. Раскольники-пропагандисты дѣйствуютъ на мѣстныхъ жителей болѣе наружнымъ благочестіемъ таинственнаго появленія, сравнительнымъ видомъ и убійствомъ плоти, чѣмъ силою убѣжденія. Но нѣтъ сомнѣнія, что распространители православія, движимые силою вѣры, строго соблюдающіе уставы религіозные, привычныя къ лишеніямъ и готовые на всякую жертву ради православія, могутъ побѣдить лжеучителей.

Зная характеръ, развитую фантазію и вообще поэтическую натуру лѣсныхъ обитателей, я убѣжденъ, что миссіонерство обяательно подѣйствуетъ на эти свѣжія, воспріимчивыя души, и будетъ вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ органомъ правительства противъ раскола.

Прежде всего необходимо поколебать и обращать женщинъ, ибо во всѣхъ мѣстностяхъ, зараженныхъ расколомъ, всегда встрѣтишь гораздо болѣе грамотныхъ женщинъ, чѣмъ мужчинъ, что и показываетъ тонкое чутье раскольниковъ, скоро понявшихъ, что женщина, въ простомъ быту, несравненно сильнѣе вліяетъ на молодое поколѣніе, чѣмъ мужчина, озабоченный добываніемъ пищи тѣлесной, а не душевной, и что женщина, не отлучаясь отъ очага своего, дѣйствуетъ на новыя воспріимчивыя натуры дѣтей и подростковъ постоянно до вступленія ихъ въ рабочій возрастъ, когда нравственное об-

разованіе уже мало подвигается ду простолюдина. Но и тогда, въ часы досуга, она поддерживает ихъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Вотъ почему, во всѣхъ старовѣрческихъ или раскольничьихъ селеніяхъ, на одбого грамотнаго мужика сыщешь дѣлать грамотныхъ бабъ или старицъ, знающихъ одну церковную грамоту и всегда вооруженныхъ нужными книгами.

Теперь раскажу нѣсколько примѣровъ удивительнаго спокойствія здѣшнихъ обитателей передъ смертію.

Разъ зашелъ я къ умирающему, но богатому, но хорошему крестьянину. — При немъ были семья его и родственники, пришедшіе проститься. Между ними находился старикъ, ровесникъ отходящаго, который полусутливымъ, полусерьознымъ тономъ обратился ко мнѣ: Вотъ я батюшка, Николай Сергѣевичъ, старичку-то пѣняю! — Эку онъ нуду семьѣ-то дѣлать! — То-ли бо дѣло, какъ покуда мочь-то была, добрался-бъ до села, да въ загородѣ-бъ (на кладбищѣ) и скончался; — а то шутка-ли дѣла! пора рабочья, въ лѣсу-то сокъ, а тутъ везитка его за 40 верстѣ; да и гдѣ по немъ цѣльную гробовину сыскать — что ни есть саму лучшую колоду конну потратить — придется; вѣдь онъ самъ знаешь ты какой, лѣшнему подѣстать, лошаденку-то замаеть, а кабъ, до поры, до время меня послушалъ — такъ теперь бы безъ сухоты, ужъ на мѣстѣ былъ; такъ вѣтъ, батъ, подожду, поспѣю — вотъ и по пѣлъ. Ужъ видно безтолковый, безтол-

ковый и есть!» — Весь этотъ разказъ шелъ подлѣ умирающаго, который сердился не за самый упрекъ, но за то, что далъ право упрекать себя.

Въ другой разъ случилось мнѣ тоже зайти къ умирающему. — Этотъ отходилъ въ банѣ на полкѣ, и вся деревня приходила прощаться къ нему. Онъ лежалъ на боку, лицомъ къ приходящимъ, и мощная натура его, неволью поразила меня. Жена сидѣла подлѣ него и, покачиваясь, голосила источнымъ голосомъ съ приговорами на раскѣвъ.

Нѣкоторые изъ родныхъ начали уговаривать старуху, чтобъ неубивалась, но одинъ изъ родственниковъ, старикъ лѣтъ 65, еще бодрый и балагуръ, перебилъ ихъ такими словами: «Ну полно вамъ пустяки то баять! Какъ по экой натурѣ не убиваться — гдѣ она эку другу добудеть. — Вѣдь чѣмъ и жизнь-то ея красна была? — Не токмо она, самъ я на его-то натуру мѣнка бѣ сдѣлалъ, да осмину гороху придачи бѣ далъ. — Вотъ што!» И всѣ присутствовавшіе, не исключая старухи жены и самого умирающаго, — сибялись и улыбались, весьма довольные шуткой, какъ будто подобная шутка совершенно умѣстна.

А чрезъ нѣсколько часовъ послѣ переданныхъ мною разговоровъ, — обоихъ умирающихъ, перваго и втораго уже не стало.

II.

СОБРАНИЕ СТАТИСТИЧЕСКИХ И ДРУГИХ
СВѢДѢНІЙ.

Многіе, не живавшіе въ имѣньяхъ своихъ и имѣющіе часто о сельскомъ бытѣ какое-то сказочное, туманное понятіе, вѣрятъ отъ души, что всѣ статистическія и другія свѣдѣнія, собираемыя на мѣстѣ, приблизительно вѣрны, и что по нимъ, безобидно и удовлетворительно опредѣлятся и уравниются всѣ земскія и другія повинности.

Есть много скрытыхъ, задушевныхъ интересовъ, руководящихъ этимъ фантастическимъ описаніемъ, нерѣдко превращающимъ доли въ горы, а дуга въ болота! Да и правду сказать, много ли у насъ специалистовъ, дѣльныхъ, трудолюбивыхъ и безкорыстныхъ, чтобъ описать и разъяснить, на примѣръ, кадастръ? Дѣло огромное, новое, почти лишнее пособіи, противное невѣжеству, да грѣшнымъ дѣламъ и себялюбивому образованію, не всегда желающему, вредной для себя, пользы общественной!

Не стану входить въ подробности причинъ противодействующихъ: смысленный чловѣкъ иное и самъ смекнетъ; но представлю два, три примѣра какъ началось это дѣло въ глуши лѣсовъ Заволожской Россіи: «Сіжу я въ кабинетѣ своемъ,» рассказывалъ одинъ пріятель мой, «и собираюсь толковать со

старостой о новыхъ поземельныхъ описяхъ, какъ вдругъ доложили, что старосту требуется въ станъ господинъ, составляющій эти описи. Староста мужикъ *спрый*, но умный и бывалый, тотчасъ же началъ забрасывать обиняками: «А какъ, батюшка, обойтись намъ съ нимъ-то? вѣдь ему воля! того напишетъ, что потомъ повинностей и не оплатишь: на базарѣ прошла молвь, что съ угодій плата-то будетъ? такъ тутъ какъ?» «Правда, братецъ, съ угодій, отвѣчалъ я; но что-жъ за бѣда? Вѣдь не напишетъ же онъ, чего нѣтъ?» «Какъ, батюшка, не написать; кто его повѣрять-то станетъ? вѣстимо, что хошь напишетъ! Да у него слышно (сказалъ онъ таинственно), становой писарь всѣмъ дѣломъ-то орудуетъ. Такъ у шабровъ (у сосѣдей) у Стружечкиныхъ и собрали съ міру три золотыя, да и поклонились писарю-то; онъ имъ и написалъ, да такъ слышь ты, написалъ, что мы только съ дива дались! — Всю вотчину въ болото преобразилъ!... И пашня-то, у нихъ, будто все вымочка; и дуга-то кислотникъ, и лѣсъ-то корявый. Сказываютъ, за то съ нихъ больно уже мало спросовъ-то въ казну поступитъ, по ихъ убожеству. Такъ и намъ, батюшка, не прикажешь-ли ужъ поклониться тамъ писарю-то? завѣдомо худого не выдетъ! А я самъ, своимъ ушамъ, слышалъ отъ земскаго, какъ баринъ-отъ, Стружечкинъ, наказывалъ писарю подпустить въ описяхъ такого жучка, чтобъ вся

вотчина стала, ровно опакочена; а то, бать (баеть) съ дуру-то высказывай имъ, а другіе-прочіе затаятъ! такъ тебѣ и раздѣвлять? И будешь платить за другихъ! Понимаешь! Инъ вѣрнѣй, по добру, по здорову! Ужъ дошлый баринъ, одно слово дошлый! Такъ заключилъ мой староста; я подумалъ, подумалъ, и приказалъ дѣлать какъ знаетъ.

Самая поспѣшность, съ которою часто производили эти описи люди, совершенно неспеціальныя, хотя и честныя, была естественной помѣхой ихъ вѣрности и отчетливости.

Расскажу тоже случай въ подтвержденіе этого: къ одному помѣщику лѣснаго уѣзда, почти единственному на огромномъ пространствѣ лѣснаго края, пріѣхалъ тоже г. N., по тому же дѣлу. Баринъ, соскучившійся въ захолустѣ своемъ, радъ былъ не только человѣку болѣе или менѣе образованному, но даже и комиссару по конокрадству, хотя визиты эти нерѣдко окупались кражею лошадей, въ доказательство дѣятельности его и страха, навидимаго конокрадамъ.

Г-на N тотчасъ приняли, подали вечерній чай, а между тѣмъ баринъ прочелъ письмо предводителя. Предводитель просилъ его, какъ единственнаго дворянина, проживающаго въ этомъ малоизвѣстномъ краю и знакомаго съ мѣстностію и промышленями, пособить г-ну N въ ихъ описаніи. Помѣщикъ согласился и спросилъ, много-ли

предметовъ для описанія? Г. N показалъ ему цѣлую тетрадь съ разными ухищреніями по всѣмъ хозяйственнымъ отраслямъ, со статистическимъ, геогностическимъ, ботаническимъ и другими взглядами, и на вопросъ, долго ли онъ намерѣнъ пожить у него для совокупныхъ занятій и разрѣшенія всѣхъ этихъ премудростей, простодушно отвѣчалъ, что если можетъ надѣяться на пособіе хозяина, то готовъ остаться до завтрашняго утра! Что тутъ было дѣлать помѣщику? Онъ подивился бойкости гостя, далъ нѣсколько отвѣтовъ на вопросы его; прикомандировалъ къ нему для пособія, старосту; приказалъ давать ужинать и легъ спать; а къ утреннему чаю, всеобъемлющій и быстрый геній гостя порѣшилъ всѣ вопросы удовлетворительно!

Помѣщикъ умилился и счелъ полезнымъ рассказать ему весьма назидательный случай на Екатеринбургскихъ казенныхъ заводахъ, доказывающій, что бываютъ описанія еще оригинальнѣе:

Въ тридцатыхъ годахъ, началъ онъ, случилось мнѣ сопровождать одного ученаго по хребту Уральскому и всѣмъ сѣверо-восточнымъ заводамъ Россіи. Зоологъ какъ чловѣкъ ученый и снабженный инструкціями и предписаніями, всюду принимался съ уваженіемъ и радушіемъ, которое впрочемъ, оказывается въ томъ гостепріимномъ краю, всѣмъ пріѣзжающимъ. На одномъ небольшомъ казенномъ заводѣ, ученый принять былъ, какъ и всегда, прекрасно; но замѣт-

но было, по заботливому виду и частым отлучкам управляющего, что тут происходит что-то необыкновенное.

Ученый, не желая быть в тягость хозяину, просил его не церемониться и заняться без отрывов дѣломъ, по видимому, не терпящим отлагательства. Управляющий не заставил повторять приглашеніе и отправился покончить спѣшное дѣло. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся съ видомъ самодовольствія и съ бумагой въ рукахъ, и тутъ, изъ разговоровъ его, мы увидѣли, что онъ чаловѣкъ былъ старинный, знавшій все дѣло рутинно, привыкшій къ точной и строгой исполнительности и не пускавшійся въ разсужденія о возможности и невозможности требованій или запросовъ, но считавшій, что коли запросъ здѣланъ, то стало быть и возможно, а неисполненъ по одному нерадѣнію или упущенію. Но, какъ одинъ Богъ безъ грѣха, то каждый, проштрафившись, обязанъ былъ, по его мнѣнію изыскивать средства, чтобъ скрыть упущеніе, родъ ереднаго соблазну въ нерадѣніи и для безостановочнаго очищенія бумагъ; коли этимъ не озаботился, то подлежалъ строжайшей отвѣтственности.

И такъ, вотъ съ какимъ чаловѣкомъ случился рассказываемый казусъ, который онъ намъ и объяснилъ:

Пришли, съ почты, запросы отъ какаго-то общества, что-ли, или непомяну отъ куда, но только спрашивали, чрезъ начальство: какія древесныя породы произрастаютъ

на управляемомъ имъ заводѣ? Вопросъ бы самъ по себѣ, старика не затруднялъ: онъ наперечетъ зналъ всѣ лѣсныя породы своего управления, но вотъ бѣда! въ циркулярномъ запросѣ, назначенномъ для всей Россіи, отъ Ледовитаго океана до пламенной Колхиды включительно, выставлены такія деревья, о которыхъ онъ и не слыхивалъ! Какъ тутъ быть? Сказать, что *таковыхъ те имьется*, пожалуй взыщутъ за нерадѣніе (да и примѣръ дурной)! Думалъ, думалъ, разсчитывалъ, разсчитывалъ, и наконецъ, рѣшился выставить всего понемногу, а что поизвѣстнѣе, того и побольше; такимъ образомъ оказалось, что въ лѣсахъ сѣверной части Пермской губерніи при заводѣ N персики, абрикосы, лимоны и апельсины разведены въ достаточномъ, для обывателей, количествѣ, а другія не столь извѣстныя хотя и есть, но поддерживаются такъ только, по обязанности, однимъ радѣніемъ.

Просмотрѣвъ списокъ древесной растительности, и увидавъ, что въ заводскихъ лѣсахъ разведено почти все, что растеть подъ тропиками, ученый сначала разинудъ ротъ. Потомъ опомнившись, началъ всматриваться въ старика, считая его за сумасшедшаго; но увѣрившись въ его нормальности принялся увѣщевать, доказывая, что подобный отвѣтъ можетъ быть предосудительнымъ для него какъ явно ложный и незбыточный. Каковожъ было его удивленіе, когда тотъ, съ самолюбивой увѣренностію и убѣжденіемъ опыт-

ности, на всё доводы возражалъ слѣдующее: «Нѣтъ, батюшка, извините, ужъ въ чемъ другомъ, вамъ и книги въ руки, вы чело-вѣкъ ученый; а ужъ что касается по служеб-ной части, такъ ужъ слуга покорный; я самъ, батюшка, на ней зубы съѣлъ: пять-десять лѣтъ Богъ миловалъ; ученаго учить, только портить, видали виды! Скажи-ка имъ, что вотъ моль, того-то нѣтъ, да дру-гое не выросло, такъ тутъ тебѣ ревизора, да слѣдствие, да и пошла писать; пропа-дешь ни за-денежку; а тутъ, вотъ, хоть и не по многу, да все же есть, значить не даромъ хлѣбъ ѣлъ, думалъ о чемъ нибудь, заботился! А потомъ, можно написать, что, моль, по случаю жестокихъ морозовъ тамъ, или засухи какой, или росы медвяной, не вытерпѣли — ну! и вся недолга, а раченіе было! Тѣмъ старикъ и покончилъ.

Хотя расказъ помѣщика былъ и не со-всѣмъ кстати, но показалъ смѣшленому г-ну N., что онъ еще не первый мастеръ по фантастическимъ описаніямъ, что есть люди, которые, одною рутинною опытно-стью, доходятъ до результатовъ истинно диковинныхъ!

Расказавъ нѣсколько случаевъ, я хотѣлъ показать только нѣкоторые изъ видовъ и пренятствій, мѣшающихъ составленію вся-каго рода описаній, которыя никому въ сущности не грозятъ уменьшеніемъ доходовъ или увеличеніемъ налоговъ, чего иные на-ивно ожидаютъ отъ кадастровъ.

III.

Промышленность.

Рогожная промышленность, хотя занимаетъ въ нашемъ краю огромное количество рукъ, но на чужеуздномъ матеріалѣ, съ тѣмъ только различіемъ, что иные покупаютъ его на базарахъ, а другіе ходятъ сами мочить мочало въ казенныя или помѣщичьи дачи.

Въ нашемъ и сосѣднемъ, Семеновскомъ, уздахъ мочало почти не существуетъ; но крайней мѣрѣ каза (мѣстное выраже-ніе) рѣдко допускаетъ мочальный промы-сель въ этихъ уздахъ; но здѣшній народъ обыкновенно ходилъ за нимъ въ Вятскую и Казанскую губерніи; нынѣ же и тамъ рѣд-ко бываетъ удача, т. е. или совсѣмъ не пу-скаютъ, или отводятъ такія урочища, ко-торыя народъ находитъ невыгодными. При-чина тому двоякая: или недостаточность ли-поваго лѣса, или дурное качество воды, въ которыхъ должно мочить мочало; а мочить его по тяжести сыраго матеріала необходи-мо на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снимаютъ; дурная же вода дѣлаетъ его синимъ, и оно теряетъ всю цѣнность.

Въ послѣдніе годы всё, кто желаетъ самъ мочить мочало, весьма рѣдко ходитъ въ ка-зну, но почти всё обратились къ Присур-скимъ уздамъ Нижегородской, Казанской и Симбирской губерній, и частію въ Книги-нинскій и Лукояновскій, которые всё изо-

билуютъ липняками, и помѣщики сдаютъ ихъ по-десятинно; но скоро, кажется, и этотъ источникъ изсякнетъ, потому что туземцы переняли промыселъ, и здѣшнимъ мужикамъ уже нельзя съ ними соперничать по дальности провоза. Такимъ образомъ Порѣцковская рогожа, и изъ многихъ другихъ небольшихъ деревень сказанныхъ уѣздовъ, начинается въ Лысковѣ сбивать цѣну у нашихъ промышленниковъ такъ, что этотъ промыселъ, кажется, близокъ къ паденію, если въ Вятскихъ и Казанскихъ лѣсахъ не станутъ допускать его, и заставляютъ помышлять о разчисткѣ земель для хлѣбопашства.

Расскажу, для примѣра, о рогожной промышленности въ двухъ деревняхъ жены моей. Это можетъ быть мѣриломъ для всѣхъ рогожниковъ края на низшій сортъ рогожи. Въ тѣхъ деревняхъ, нѣсколько удаленныхъ отъ лѣсу, все народонаселеніе исключительно занимается выдѣлкою рогожъ низшаго сорта изъ мочала, покупаемаго на базарахъ села Воскресенскаго, находящагося верстахъ въ 8-ми отъ этихъ деревень. Сухое мочало обходится около 60 к. сер. за пудъ, а сырое много дешевле. Рогожъ выходитъ слишкомъ 20 изъ пуда сухаго, а изъ сыраго меньше. Цѣны бывають отъ 3½ до 6 р. сер. за сотню. Полный станъ, въ составъ котораго входятъ двое большихъ и два подростка, вытыкаетъ болѣе 120 рогожъ въ недѣлю. Такимъ образомъ въ плохіе годы очищается около 1½ р. сер., а въ хорошіе около 4 р. сер. и болѣе со стана.

Я говорю только о рогожахъ низшаго сорта, т. е. исподахъ, таевкѣ и угольницѣ. Хорошая же рогожа, т. е. верхи, имѣетъ свои условія, но у меня въ вотчинѣ не работается, и я мало слѣдилъ этотъ промыселъ, который впрочемъ не замедлю описать, когда его лучше узнаю. Для незнакомыхъ съ рогожною технологіей поясню, что исподами называется рогожа, которая зашивается внутри куля; верхами—которая служитъ въ кулѣ покрывкой; таевкой, которая тчется гораздо длиннѣе и нѣсколько шире верховъ и исподовъ, съ тою цѣлью, чтобъ покрывать бунты хлѣбнаго и другаго товару на пристаняхъ и въ открытыхъ баркахъ, а угольницей — та, которая употребляется на угольные кули.

Чтобы оказать помощь этому промыслу и обратить барыши его на самихъ дѣятелей, я зимою раздаю каждому нуждающемуся домохозяину отъ 3 до 15 р. сер. (рѣдко болѣе) для покупки мочала изъ первыхъ рукъ, и тѣмъ самымъ избавляю ихъ отъ гнетущаго вліянія богатыхъ мужиковъ, которые охотно раздають мочало въ долгъ, но съ условіемъ, чтобъ должники никому, кромѣ ихъ, рогожъ не продавали; цѣну за мочало ставятъ столь высокую, а за рогожу столь низкую, что половина барышей остается въ рукахъ ихъ. Такимъ образомъ забравшійся у нихъ крестьянинъ рѣдко вывертывается безъ посторонняго вліянія. Раздаваемая мною деньги, допуская крестьянъ покупать мочало и продавать рогожу по волю-

нымъ цѣвамъ, награждаютъ меня, кромѣ благодарности, исправнымъ оброкомъ и удовольствіемъ видѣть мужичковъ поправляющихся.

Другая часть имѣнія жены моей, находящаяся въ дремучихъ лѣсахъ, занимается лѣсными издѣліями изъ собственныхъ, созданныхъ помѣщичьихъ и казенныхъ лѣсовъ.

Въ казну, какъ говорятъ у насъ, т. е. въ казенные лѣса, ходитъ отъ 1-го октября до 1-го марта небольшое число тоноровъ; остальное же время года и всѣ остальные работники круглый годъ занимаются въ обширныхъ пустошахъ своихъ, гдѣ помѣщики не берутъ никакой пошлины (лишь бы выплачивался назначенный оброкъ), и въ созданныхъ помѣщичьихъ, куда охотно допускаютъ ихъ за самую малую пошлину, по огромности лѣсныхъ угодій, малому народонаселенію и невозможности сбывать лѣсъ сырымъ матеріаломъ, за дальностью славныхъ рѣкъ.

Лѣсная промышленность состоитъ изъ дегтя, смолы котельной, горшечной, кубной, битухи; щепянаго товару, какъ-то: гробовъ, кадокъ, бочекъ, корытъ, колоды, лопатъ, баклушъ чашечныхъ, ложечныхъ и проч.

Промышленность эта такъ разнообразна въ своихъ продуктахъ и различна въ мѣстахъ сбыта; что потребовала бы обширнаго разъясненія, которое больше касается до чиновниковъ, спеціально занимающихся этою частью, нежели до помѣщика.

Лѣсной промыселъ такъ еще выгоденъ

по обширности лѣсовъ казенныхъ и частныхъ, что крестьяне предпочитаютъ его хлѣбопашеству, разводимому съ большимъ затрудненіемъ въ сплошныхъ лѣсахъ, и выработываютъ достаточно для оброка и для жизни весьма роскошной, въ сравненіи съ степными и нагорными крестьянами той же губерніи, ибо у насъ крестьянинъ рѣдко обходится безъ мяса и пшеничниковъ, да и домашняя брага у него не переводится.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію мѣстныхъ промысловъ, считаю нужнымъ изяснить качество и количество земель на Вятлугѣ, чтобъ показать неизбѣжный переходъ отъ лѣсной промышленности къ хлѣбопашеству.

О качествѣ земли скажу только, что если бы земля была лучше, то при здѣшнихъ выгодныхъ промыслахъ, народъ былъ бы все богаче, а теперь онъ только сытъ, а богатѣютъ лишь немногіе на счетъ міра. Земля здѣсь чрезвычайно разнообразна и часто на одной десятинѣ есть и супесокъ, и суглинокъ, и пловникъ, и мергель, и все это расположено въ землѣ какими-то котловинами, такъ что можно вырыть яму песку и рядомъ съ ней яму глины; хорошая же черноземная земля въ непроходимыхъ трупобахъ, по нашему шюпрахъ, т. е. низкихъ лаговыхъ раменяхъ, поросшихъ ельникомъ, осинникомъ, липнякомъ, дубнякомъ, орѣшникомъ, ольхою, еловникомъ и разными ягодниками въ смѣси съ богунникомъ (болиголовомъ), въ густотѣ чрезмѣр-

ной. Эти черноземные дуга всегда сыры и часто мокры. Относительно количества земли замѣчу, что много можно сказать о выгодахъ и невыгодахъ большаго количества лѣсныхъ земель на Ветлугѣ; пока скажу: выгода неотъемлемая состоитъ въ томъ, что крестьяне находятъ довольно материала для хорошаго прокормленія и оброка, но съ тѣмъ вмѣстѣ получаютъ ту безпечность къ будущему, которая, если помѣщики не позаботятся сами, скоро приведетъ лѣсниковъ въ самое затруднительное положеніе, именно: когда лѣсовъ будетъ недостаточно для ихъ прокормленія и оброковъ, а пахатныя земли не будутъ подготовлены въ достаточномъ количествѣ. Этотъ переломъ составляетъ постоянный предметъ мыслей моихъ на Ветлугѣ, и я постоянно поднимаю нови по мѣрѣ силъ моихъ, хотя и бросаю хлѣбопашество, на старыхъ пахотяхъ, гдѣ занимался имъ для образца.

Нови я поднимаю наймомъ, и лѣса буду расчищать такъ же.

Для покрытія расходовъ буду сѣять тоже наймомъ, и напередъ увѣренъ въ незначительныхъ выгодахъ этого дѣла; но, по мнѣнію моему, эта подготовка земель необходима для перехода крестьянъ съ лѣсныхъ промысловъ на хлѣбопашество, потому что лѣсные матеріалы видимо истощаются въ нашихъ краяхъ, а цѣнность на нихъ не прибываетъ по безырности Костромскихъ и Вятскихъ лѣсовъ, находящихся на одной съ ними Ветлужской водной системѣ, гдѣ

лѣсные матеріалы еще такъ изобилуютъ, что ихъ почти валяютъ въ рѣки съ берега, а потому мы никакъ не можемъ выдержать ихъ соперничества. (У насъ лѣсовъ въ общей пропорціи края десятины по 12 на душу, а въ Костромской по нѣскольку десятковъ; о Вятской и говорить нечего.)

Многіе, незнакомые съ дѣломъ, при видѣ обширныхъ лѣсовъ нашихъ, считаютъ ихъ неизчерпаемымъ магазиномъ лѣсныхъ продуктовъ; но наружность сильно ихъ обманываетъ, и я намѣренъ пояснить нѣсколько это дѣло.

Для ясности раздѣлимъ лѣсную промышленность на смольную и щепную.

За нѣсколько десятковъ лѣтъ, смольные матеріалы еще изобиловали. Въ то время всѣ смоляники курили ямами: этотъ способъ много проще другихъ способовъ, но истребляетъ матеріала несравненно больше и подвергаетъ его частому воспламененію, при чемъ нерѣдко сгораетъ все запасное смолье, а иногда и люди.

Во время преобладанія этого способа куренія, истребилось такое огромное количество смолья, какого бы, при нынѣшнихъ способахъ куренія, хватило бы на сотню лѣтъ. Причина тому заключается въ самомъ способѣ, гдѣ разщепанное намелко смолье набивается въ яму и выводится курганомъ надъ запущеннымъ въ землю, въ видѣ колода, срубомъ, куда стекаетъ смоль; по этому при горѣніи или теченіи смолья спасается отъ воспламененія только засыпкою

пательи или мелкими угольными остатками отъ прежнихъ смольныхъ ямъ, что во всякомъ случаѣ допускаетъ слишкомъ сильный притокъ воздуха и, слѣдовательно, слишкомъ сильное горѣніе, пожирающее множество горючаго вещества, которое при нынѣшнихъ закрытыхъ крышками или сводами способахъ гонки смолы сберегается. Въ послѣдствіи стали курить въ глиняныхъ горшкахъ, въ кирпичныхъ кубахъ, въ желѣзныхъ казанахъ и наконецъ, лѣтъ за семь, не болѣе, начали курить въ чугунныхъ котлахъ, что всего выгоднѣе. При этомъ надобно замѣтить, что не весь сосновый лѣсъ годенъ для сказанныхъ производствъ, но лишь пни стариннаго краснаго, по здѣшнему кавдоваго лѣса, и сѣрники, находящіеся на иныхъ приныхъ или мандовыхъ деревьяхъ. Послѣдній лѣсъ, какъ еще растущій, въ казнь запрещается, и имъ можно пользоваться лишь въ однихъ помѣщичьихъ дачахъ.

Красные же лѣса такъ выведены стариннымъ явнымъ способомъ, что уже съ трудомъ находятъ старые хорошіе пни, а какъ цѣнность смолы противъ прежняго не поднимается (писано три года назадъ), а привалы отходятъ, то многіе бросаютъ смольной промыселъ. Битука гонится тѣми же средствами, только изъ худшаго матеріала и не столь значительно, но иногда весьма выгодна. Идетъ на рыбныя снасти, канаты и проч.

Въ желѣзныхъ казанахъ гонятъ чистый

паровой деготь изъ одного береста, и можно судить, на долго ли хватить березовыхъ лѣсовъ на этотъ промыселъ, особливо въ помѣщичьихъ дачахъ, гдѣ для съемки бересты *срубають березу подь корень*. Надо прибавить, что березняковъ въ большихъ красныхъ лѣсахъ всегда бываетъ мало, потому что ель охотно принимается на одномъ грунтѣ съ березой и всегда почти заглушаетъ ее, частію по силѣ своей растительности, а главное потому, что березу безпрестанно подрубаютъ на лучину, дрова, скалу и бересто, а ель все болѣе укореняется, какъ никому не нужная при нашихъ избыткахъ. Стало быть и гонка чистаго дегтя все болѣе и болѣе затрудняется.

Весь еловый лѣсъ, котораго у насъ великое изобиліе въ лѣсной промышленности нашей, не дѣлаетъ почти никакого подспорья, потому что изъ бревна его, кромѣ чигиня, копаней для постройки судовъ и брусевъ на тесь, у насъ мало что добывается. Чигинь же и брусъ требуютъ близкаго сплава, а его нѣтъ, и провозъ этого тяжелаго матеріала до пристаней нерѣдко обходится дороже самой стоимости его.

Можно еще гнать поташъ изъ еловыхъ лапъ, но этотъ промыселъ въ нашемъ краѣ никогда не удавался, также какъ и шадрикъ, и всё занимавшіеся этими промыслами оставались въ убыткахъ, почему я и не включаю еловые лѣса въ значительное подспорье нашей промышленности. Причины

убыточности поташной гонки объяснить хорошенько не умѣю; но думаю, что главное заключается въ неравнѣи и часто весьма низкой цѣнности поташа, которымъ занимаются въ необятныхъ лѣсахъ сѣверныхъ губерній, почему и цѣны на него низки въ отношеніи дороговизны у насъ рабочихъ рукъ, занятыхъ промыслами выгоднѣйшими; но если кто замѣтитъ, что въ сѣверныхъ губерніяхъ хлѣбъ дороже нашего, то отвѣчу, что во первыхъ не вездѣ онъ дороже, а въ Вятской губерніи и много дешевле; а во вторыхъ, что вмѣсто того другаго жизненнаго средства, какъ-то: мясо, дичина и рыба, достаются тамъ почти даромъ. Шадрикъ же, какъ увѣрили меня, перерабатывается изъ осиновою золы и требуетъ весьма бѣлую древесину и такой грунтъ земли, на которомъ устраивается перекалка золы, какового у насъ нѣтъ, чему я впрочемъ не вѣрю.

Перехожу къ щепному промыслу: этотъ промыселъ крайне разнообразенъ, но въ нашемъ краю онъ производится большею частью изъ осины, краснаго лѣса и березы.

Изъ осины дѣлаются корыта, гробы, колоды, чашки, блюда, совки, ложки, лопаты, лодки, ободья, ступицы и пр.

Многія изъ этихъ произведеній переводятъ значительную часть древеснаго пня, и потому не такъ убыточны матеріаломъ; но почти всѣ они требуютъ осины бѣлой, безъ темной сердцевины, а такихъ деревьевъ гораздо менѣе, и потому изъ срубленныхъ

осинъ большая часть остается на гніеніе въ лѣсу, темная же сердцевина скоро выгниваетъ и дѣлаетъ всякое издѣліе непрочнымъ.

На лодки требуется осина не только безъ сердцевины, но и безъ губъ, или древесныхъ грибовъ, и въ добавокъ самая толстая, потому что лодки изъ осины дѣлаются цѣльными ододеревки, называемыя душегубками, когда малы; на лѣстѣ губъ оказалась бы течь.

Но самый гибельный изъ осиновыхъ промысловъ есть ложечный, требующій узорочнаго пня; онъ выбирается въ такомъ маломъ количествѣ изъ самой круной узорочной осины, что Семеновская ложка, которою занимаются нѣсколько селеній Семеновскаго уѣзда, кладетъ миллионное количество осинъ каждагодно.

Поясню нѣсколько этотъ, въ одной сѣвероаой Россіи доступный промыселъ, который по мнѣнію моему давно бы долженъ былъ ограничиться губерніями: Вологодскою, Архангельскою и Пермскою.

Представьте себѣ, что промышленникъ надрубаетъ каждую осину у самаго корня и смотритъ достаточно ли въ ней узора. Загаску эту дѣлаетъ онъ съ разныхъ сторонъ, и, если узора мало, то идетъ къ слѣдующей осинѣ.

Если же узоръ удовлетворителенъ, то онъ отрубаетъ нѣсколько плахъ вершка на 4 длиною, отъ самаго корня, или еще лучше по корнямъ, и идетъ далѣе; потому что узоръ кроется лишь въ корняхъ и около.

Такимъ образомъ одинъ промышленникъ въ день, когда мало попадаетъ узорчатыхъ осинъ, которыя довольно рѣдки, перепробуетъ ихъ болѣе сотни, а при удачѣ нѣскольکو менѣе.

Надобно знать, что всѣ, какъ годныя, такъ и негодныя осины, послѣ этой операціи сохнутъ и первыми вѣтрами слабеваютъ, и слѣдовательно заваливаютъ лѣса такъ, что они дѣлаются непроходимы и непроходимы, но при первомъ лѣсномъ пожарѣ питаютъ и поддерживаютъ свирѣпость его своимъ сухимъ матеріаломъ, и въ тоже время лѣшаютъ тѣмъ, кому должно тушить пожаръ.

Въ Семеновскомъ уѣздѣ много селеній занимаются ложечною промышленностію. Всѣ они отъ 1-го октября, т. е. Покрова и ранѣе принимаются за промыселъ и продолжаютъ его до Пасхи.

Все это время они подрубаютъ осину, а бабы или подростки въ то же время вывозятъ легкія, крошечныя баклуши изъ лѣсовъ въ ближнія деревни или лѣстныя зимницы и потомъ весною, лѣтомъ и осенью занимаются ихъ настоящей обдѣлкой; первоначальная же обдѣлка производится въ длинныя ночи отъ Покрова до Пасхи.

Теперь предлагаю разчитать, много ли Семеновскіе ложечные баклушники переведутъ осины? — Окажутся миллионныя суммы, суммы страшныя, и однако безпечность наша допускаетъ этотъ промыселъ.

Говоря о вредности деревянныхъ ложекъ,

прошу замѣтить, что я упомянулъ о ложкахъ узорчатыхъ, осиновыхъ, съ нѣкотораго же времени дѣлаютъ ложки липовыя. Этотъ промыселъ, переводя цѣльный древесный пень, далеко уже не такъ вреденъ для чистоты лѣсовъ и безъ цѣльной продажи лѣснаго матеріала. Къ этому замѣчу, что никакимъ промысломъ, требующимъ цѣльнаго древеснаго пня, нельзя воспользоваться для употребленія и полезнаго уничтоженія испорченныхъ ложечными баклушниками осинъ, потому что ихъ такое страшное количество оказывается въ годъ, что едва ли 500. человекъ промышленниковъ корытныхъ, чашечныхъ, лопатныхъ и другихъ, въ состояніи будутъ подобрать осинъ, испорченныхъ 20 человекъ ложечниковъ въ одинаковое время.

Недопускаемые нынѣ въ казенныхъ лѣсахъ цѣльные гробы изъ краснаго лѣса, такъ называемыя чувашскія ступни и пещуры изъ березовой лыки, т. е. среднего пласта между скалою и черной древесиной— все это ускоряетъ истребленіе нужныхъ намъ лѣсныхъ матеріаловъ. Одна ель, кромѣ упомянутаго выше сбыта, труднаго за дальностію сплавать, на многіе годы будетъ доставлять намъ смольныя бочки, кадки, крестьянскія лаханки и шайки; но, по нечастію, два бондаря поспѣваютъ на сотню смольниковъ; прочіе товары такъ громоздки въ перевозкѣ, такъ дешевы и такъ многолѣтны, что одинъ работникъ надѣлаетъ ихъ на тысячу душъ, живущихъ по близости; а

везти эти продукты не куда по сказанным причинамъ.

Я такъ распространился о лѣсной промышленности единственно для того, чтобы доказать неминуемый переходъ нашего народонаселенія на хлѣбопашество.

Въ заключеніе о промышленности скажу, что здѣсь смѣтливый мужикъ обогащается чрезвычайно быстро, но вмѣстѣ съ обогащеніемъ смѣтливаго и расторопнаго нищаютъ окружные мужики. Причина показана мною выше въ торговлѣ рогожею. Но и по всѣмъ другимъ отраслямъ крестьянской промышленности средства обогащенія одни и тѣ же, т. е. богатые прижимаютъ бѣдныхъ, составляя кабалу или стачку. Исключенія весьма рѣдки.

Вотъ примѣры:

Иногда въ вотчинахъ существуетъ монополія, составляемая изъ вотчинныхъ главъ съ богатыми мужиками, какъ то было въ одной вотчинѣ на смолу до пріѣзда помѣщиковъ. Тогда въ три, четыре года явилось нѣсколько значительныхъ капиталовъ, а смольники обнищали. Тоже повторилось въ другой вотчинѣ на брусъ и бревно. Въ обѣихъ вотчинахъ завѣдывали управляющіе. Но тутъ была торговля не нормальная, потому что въ ней участвовали вотчинные главы, которые на Велтулѣ играли огромную роль до появленія помѣщиковъ; однако же и безъ этихъ насильствъ, если помѣщикъ или путный управляющій не приметъ мѣръ, то въ оборочныхъ имѣніяхъ

смѣтливые мужики всегда заберутъ прочіихъ въ руки, ссуждая во время деньгами, или сырымъ матеріаломъ для промысла, или хлѣбомъ передъ новью и тысячью другихъ средствъ, какъ жидаы-арендаторы.

Я видѣлъ примѣры займовъ хлѣба, гдѣ за каждый пудъ муки отдавали по $3\frac{1}{2}$ пуда ржи чрезъ три недѣли!...

Случай состоялъ вотъ въ чемъ:

Мука дана была передъ самою новью, время самое голодное и безденежное въ оборочныхъ и промышленныхъ имѣніяхъ.

Въ это время водяныя мельницы спущены и не мѣлютъ; — вѣтра не случилось, — подвоза муки тоже. Мука поднялась до 1 р. 75 к. асс. за пудъ.

Пришла новь; ржи сдѣлалось въ волю; потребовали—стукнули, по нашему, оброки; денегъ взять негдѣ, и рожь подешевѣла.

Смѣтливые заимодавцы предугадывали это, и на томъ караулили своихъ заемщиковъ. Въ условіи займовъ было сказано, чтобы заплатить рожью по цѣнамъ, какія будутъ во время нови. Всеобщая нужда и стакнувшіеся богачи установили на базарѣ цѣну въ 50 к. асс. за пудъ. Такимъ образомъ заемщикамъ пришлось отвѣшивать по $3\frac{1}{2}$ пуда ржи за каждый пудъ муки. Такихъ заемщиковъ были сотни, а заимодавцовъ вѣсколько человекъ.

Съ этихъ поръ я въ своей вотчинѣ стараюсь къ этому времени припасать муку для отвращенія подобныхъ случаевъ.

Расскажу еще курьозный примѣръ здѣшней промышленности.

Капиталисты разныхъ деревень отпускаютъ иногда соль тѣмъ изъ мужиковъ, кому вѣрятъ, по 28 и даже до 32 р. асс. за куль, глядя по сроку платежа, который никогда не превышаетъ двухъ, трехъ мѣсяцевъ. По 28 руб. за куль даютъ за 3 недѣли, что испыталъ я на себѣ собственно, хотя обходится онъ въ нашемъ краю 22—23 р. асс. Мужикъ купить соль и, въ доказательство того, что принялъ покупку, вытащить куль за порогъ амбара и тутъ же продать тому же капиталисту за 25 р. асс. на чистыя деньги. Капиталистъ можетъ одинъ и тотъ же куль въ теченіе базара продать нѣсколько разъ на тѣхъ же условіяхъ, перекидывая его чрезъ порогъ и обратно. Но къ чему ведетъ вся эта продѣлка, спросите вы, если можно было безъ выноски и вноски куля дать деньги въ займы и условиться относительно процентовъ?... Но тогда назовутъ ростовщикомъ, — а теперь ловкимъ торгашемъ. Вотъ почему ловкій торгашъ нерѣдко синонимъ отъявленнаго плута.

Другою причиною дешевизны продуктовъ изъ рукъ самыхъ промышленниковъ служить жеребій, повсемѣстно у насъ на базарахъ распространившійся. Этотъ обычай состоитъ вотъ въ чемъ:

Промышленникъ продаетъ на базарѣ матеріалъ свой, т. е. рогожу, смолу или что другое; но покупщики нестанутъ торговаться иначе, какъ подославъ одного изъ

среды своей, а прочіе будутъ ждать результата, и по совершенномъ оконченіи торга станутъ метать жребій: кому принять покупку?... Теперь глядя по цѣнности товара, купившій обязанъ выдать каждому вступившему въ жеребій по 3, по 5 или по 10 к. сер., и на эти деньги исключительно покупается вино, хотя бы они и были невьющіе. Ясно, что всѣ эти могогарычи всею своею суммою понижаютъ цѣнность товара; а есть мужики, которые только за этимъ на базаръ ѣздить. Деньги эти немножко похожи на отсталыя при откупныхъ и другихъ торгахъ, но тамъ могогарычи побольше.

Вотъ какими путями идетъ Ветлужская крестьянская промышленность, если помѣнники не принимаютъ мѣръ противъ денежныхъ пивовокъ, именуемыхъ ловкими торговцами.

Кромѣ уже указанныхъ невыгодъ въ религіозномъ отношеніи, огромное количество земли на Ветлугѣ поражаетъ другую невыгоду, чисто нравственную. Эта невыгода, какъ уже прежде сказалъ я, состоитъ въ безпечности, которую я считаю нравственнымъ слѣдствіемъ изобилія земли, или вѣрнѣе лѣсныхъ угодій.

Безпечность эта происходитъ отъ всегдашней увѣренности въ прокормленіи, которое всегда подъ руками, лишь возми топоръ. Эта увѣренность переходитъ въ привычку и наконецъ порождаетъ ту безпеч-

ность, которая характеризует крестьянъ нашихъ.

Расскажу примѣръ:

Въ вотчинѣ, состоящей изъ 3,600 душъ при 63,000 десятинъ земли въ одной окружной межѣ и страшномъ количествѣ поемныхъ луговъ, помѣщикъ завелъ пару Англо Китайскихъ свиней. Свиньи не теряли времени даромъ, и къ осени развелись семействомъ изъ 16 васлѣдниковъ. Помѣщикъ былъ сердобольный, и хотя не квакерской секты, но сочувствовалъ всѣмъ скорбямъ отъ людскихъ до свиныхъ включительно. Одаренный не слишкомъ тонкимъ музыкальнымъ вкусомъ, онъ не разобралъ обыкновенной вокальной симфоніи юнаго семейства и принявъ ее за жалобный свиной плачь, разсудилъ въ справедливости своей, что хотя свиньи — свиньи суть, но что принявъ ихъ подъ кровъ свой (разумѣется, до Рождества), онъ обязанъ доставить имъ и всякое свиное благосостояніе; но какъ, по старинному Русскому повѣрью, все благосостояніе нѣкоторыхъ исключительныхъ породъ состоитъ въ обжорствѣ или гастрономіи, то убѣжденный, что жрутъ онъ въ отваль, онъ счелъ долгомъ полакомить ихъ гастрономіей. По справкамъ оказалось, что между свиньями въ большой части дубовые желудья, и тотчасъ же центральная контора обложила вотчину свиною подачкой по $\frac{1}{2}$ гарнца желудьевъ съ тягла (подачкой называется у насъ окладъ съ тягла въ пользу того, сего, другаго, третьяго). Разсыльные,

макиды по нашему (родъ конторскихъ Меркуриевъ), быстро разнесли приказы по 43 деревнямъ огромной вотчины. Читатель удивляется, гдѣ же тутъ общественная безпечность, когда есть деликатное попеченіе даже о свиньяхъ? На это скажу, что не должно торопиться сужденіемъ, но слѣдуетъ дослушать: чрезъ три дня, зять помѣщика поѣхалъ осматривать луга по заливному павоку рѣки Ветлуги. На этомъ луговомъ пространствѣ росло безчисленное множество дубовъ, и представьте удивленіе молодого хозяина, когда тысли этихъ деревьевъ увидалъ онъ подрубленными и валяющимися! Онъ тотчасъ сообразилъ, что по трудности вывоза, никто не возьметъ ихъ, имѣя дровяной лѣсъ подъ бокомъ и съ весны запасенныя сухія дрова, тогда какъ срубленные осенью дубы и тяжелы, и негодны для зимней топки, а въ запасъ для будущаго года нельзя ничего оставить на поемномъ мѣстѣ, откуда унести все полою водою. Собравъ и опросивъ старость, онъ получилъ въ отвѣтъ: что папенькинымъ свинкамъ желудковъ потребовалось, такъ народъ дубки-то и подрубилъ — достягать меледненко, а Божье древо, Господь дастъ выростеть!!!

У жены моей около 350 ревизскихъ душъ, занимающихся смолянымъ промысломъ, и никто ни можетъ начать его зимою безъ задатковъ, по естественной причинѣ, что никто не сохранить къ зимѣ денегъ, разстраченныхъ во время хлѣбной уборки на

помоги слишком роскошныя. Забравшись деньгами, надобно запродавать смолу съ большими уступками, тогда какъ $\frac{2}{3}$ этихъ крестьянъ, при малѣйшей предусмотрительности могли бы производить этотъ промыселъ сами по вольнымъ цѣнамъ, въ руки коренныхъ купцовъ, не обогащая на своей счетъ домашнихъ и прїѣзжихъ кулаковъ. Какая же причина тому какъ не беспечность?

Въ восемь лѣтъ постоянной моей жизни на Ветлугѣ и въ семнадцать лѣтъ частыхъ наѣздовъ, я нерѣдко уговаривалъ крестьянъ приберечь къ этому времени деньги и постолюно имѣлъ огорченіе видѣть, что значительная часть барышей ихъ доставалась въ чужія руки, потому единственно, что они не могутъ начать промыселъ безъ сильныхъ задатковъ. Наконецъ въ послѣднее время, т. е. три года назадъ, имъ стали давать за смолу такую низкую цѣну, именно 17 коп. сер. за пудъ, что по уменьшившимся смолянымъ угодьямъ, имъ было физически невозможно выплатить этимъ промысломъ оброкъ и быть сытыми. Въ этомъ критическомъ случаѣ, я рѣшился выдать смольникамъ собственныхъ денегъ болѣе 1,500 р. сер., чтобы дать возможность начать промыселъ и избавить ихъ отъ *прижимочныхъ цѣнъ* смольныхъ кулаковъ, надѣявшихся, что коренные смольные покупщики; частію Донскіе казаки или купцы, имѣвшіе съ ними сношенія по случаю войны, опоздають прїѣздомъ своимъ на Ветлугу.

Деньги мои сдѣлали то, что въ пять недѣль смола поднялась до 23 к. сер. за пудъ, и многіе еще колебались запродать ее. Повышеніе цѣны на 6 к. сер. за пудъ весьма значительно, ибо крестьяне жены моей накуриваютъ смолы болѣе 20,000 пудовъ въ зиму, а курятъ круглый годъ.

Дуговь у насъ бездна, но ими владѣли одни богатые мужики, и распоряжались какъ своею собственностью совершенно безъ вѣдома помѣщика и даже конторы, такъ что есть случаи, гдѣ какой нибудь крестьянинъ за 30 и за 40 верстъ получалъ въ видѣ наслѣдства по благословенію крестнаго отца или матери нѣсколько остожій сѣна въ разныхъ мѣстахъ, по мнѣнію его, въ потомственное владѣніе, тогда какъ ни одинъ крестьянинъ въ здѣшнихъ краяхъ не имѣлъ никакой поземельной собственности, засвидѣтельствованной актами, даже послѣ Указа, разрѣшавшаго покупки этого рода.

Чтобъ закончить съ промышленностію, обращу вниманіе читателей на фактъ, возможный въ одной Россіи, о которомъ не имѣютъ понятія тамъ, гдѣ повсемѣстно существуютъ хорошіе пути сообщенія.

Пойметъ ли кто изъ горожанъ чтобъ, можно было съ 7-ю заемными цѣлковыми въ карманѣ прожить всю зиму съ лошадейю, выплатить оброкъ съ тягла и къ лѣту возвратить эти деньги съ процентами? А между тѣмъ есть у насъ такіе стракулисты, которые все это выполняютъ.

Вѣдь мы часто слышимъ, что тамъ-

то люди нуждаются во многом, а въ двухъ-стахъ верстахъ во всеиъ изобиліе! Такъ и въ другихъ товарахъ. Иное здѣсь ни по чемъ, а проѣхалъ сотню верстъ — тамъ втрое! На однихъ этихъ соображеніяхъ и на какомъ-то чуть локвій мужикъ шмыгаетъ изъ края въ край всю зиму. Туда повезетъ одного, отсюда привезетъ другаго: самъ на пристяжкѣ идетъ, работаетъ въ половину лошади, тутъ плечемъ подопретъ, тамъ кнутомъ подстегнетъ, а все впередъ двигается. Збруишка мочальная, хомутишка соломенный, тутъ подвернуто, тамъ подстегнуто, а все же впередъ подвигается. Подвигается, подвигается, да и доѣдетъ: барыша возьметъ втрое, проѣстъ, ничего, все изъ пещура (крестьянскій лычній ранецъ), наберетъ товару, да и въ другое мѣсто, — опять ухабы считаетъ, опять въ зазорахъ мается, да такъ всю зиму, а къ лѣту сдѣлаетъ то, чего не придумаетъ ни одинъ Ротшильдъ! Съ семью цѣлковыми проживаетъ зиму съ лошадыю, да цѣлковыхъ съ 10 оброку заплатитъ, да подушныя, да и деньги съ процентами возвратитъ! Хитра крестьянская Русская промышленность, и не скоро пойметъ ее тотъ, кто не увидитъ всего своимъ глазомъ.

IV.

Дѣла.

Почтенный сосѣдъ мой, г. Зарубинъ, въ мѣ 19-мъ Рускаго Вѣстника, рассказываетъ вещи чрезвычайно интересныя въ мѣстномъ

отношеніи и дѣлающія честь его наблюдательности; но между массой правдивыхъ и чуткихъ замѣчаній, попадаются такія, которыя даютъ ложное понятіе о характерѣ согражданъ его. Я живу въ 50 верстахъ отъ Баковъ, между народомъ весьма близкимъ съ Баковцами и вообще Варнавинцами во всѣхъ нравственныхъ понятіяхъ и отношеніяхъ, и потому рѣшаюсь поспорить нѣсколько съ почтеннымъ сосѣдомъ.

Многія причины лѣсныхъ пожаровъ, выставленныя г. Зарубиннымъ, такъ вѣрны, что сознаюсь въ эгоизмѣ, мнѣ досадно было читать ихъ въ печати въ первый разъ не у себя въ представляемомъ описаніи; гдѣ они уже были помѣчены въ рукописи, какъ всѣмъ лѣсникамъ извѣстныя. Но зачѣмъ вкладывать въ русскую голову такое замысловатое средство доказывать бесполезность лѣсной стражи, какое онъ силится навязать читателямъ? Какому русскому человѣку придетъ въ голову сжечь полезный и нужный лѣсъ, чтобъ поколебать довѣріе къ лѣсной стражѣ? Нѣтъ, Русскій человѣкъ на такія штуки не пустится! Оая просто, или по безпечности сожжетъ и лѣсъ, и деревню, и дворъ свой, не заливъ курива въ лѣсу отъ комаровъ, и сучьевъ изъ-подъ котелка съ похлѣбкой, или же изъ расчета, чтобъ болѣе оказалось пеньковъ для смолья, чтобъ больше росло малинника и для всѣхъ прочихъ случаевъ, выказанныхъ г. Зарубиннымъ. Но для такого намека, Русскій крестьянинъ не захочетъ сдѣлать себѣ вредъ

и по себялюбію, и по убѣжденію, что намекъ его дѣла не переиждитъ.

Теперь, поспоривъ съ г. Зарубинымъ, выскажу нѣсколько невысказанныхъ имъ причинъ лѣсныхъ пожаровъ, которыя всѣ основаны на чисто-Русскомъ, смышленномъ, хотя иногда и недалновидномъ расчетѣ: я знаю, на примѣръ, что нерѣдко зажигали лѣса пчельники, потому что на горѣлахъ растетъ высокая трава съ розовыми цвѣточками, называемая кипреемъ, которую весьма любятъ пчелы. Иногда зажигали лѣса мужики негосподскіе около смольныхъ ямъ мужиковъ господскихъ, чтобъ отвѣтственностию за пожаръ и убытками отводить ихъ отъ работъ въ лѣсахъ казенныхъ, что всегда неприятно той волости, къ которой лѣса причислены, считающей лѣса эти своею соб. твенностию. Иногда поджигаютъ лѣса, чтобъ и требить оброчныя стави сданныя казною въ годы чужимъ мужикамъ, какъ-то сѣнокосы, мельницы и другія; но есть еще случай лѣсныхъ пожаровъ, который увидимъ изъ описанія.

Въ одной изъ лѣсныхъ губерній, давненько уже тому, познакомился я съ однимъ господиномъ, принимавшимъ въ то время должность губернскаго форшмейстера, по тогдашнему. Человѣкъ онъ былъ простой, храбрый на полѣ, но на бумагѣ весьма робкій и мнительный. Принималъ онъ должность уже 11 мѣсяцевъ, но ни какъ не могъ дожидаться, чтобъ выросли заповѣдныя роци, которыхъ въ натурѣ не оказа-

лось. Росла только сумма, которую предлагали ему въ видѣ обезпеченія, увѣряя, что она давно уже переходила отъ форшмейстера къ форшмейстеру, но тѣ были люди бывалые и бумажной части поискусились, и были не такъ робки и мнительны, почему и сумма для обезпеченія росла только процентами, а съ такимъ мнительнымъ она выросла чуть не вдвое. Мой знакомый думалъ, думалъ, да суммы-то и не принялъ, а нутко все описывать, да требовать ревизора. Ревизоръ пріѣхалъ, принялся круто, и Богъ вѣсть чѣмъ бы все это кончилось, но тутъ какъ разъ случился пожаръ въ сосѣднемъ барскомъ лѣсу, а вѣтеръ-то къ казенному лѣсу; засуха страшная, барскій лѣсъ отъ деревень въ удаленіи, день базарный, народъ весь въ разбродѣ, тушить не кому, караульные видно достали водки, да пьяные такъ и сгорѣли, а штофы подлѣ нихъ перелопались, рядомъ съ котелкомъ грибовой похлѣбки. Лѣсовъ тутъ сгорѣло множество, заказниковъ и деревень число порядочное; да былъ слухъ, что и сумма та, для обезпеченія въ хлопотахъ затерялась. Кто тутъ отвѣчалъ? Разумѣется, владѣлецъ лѣса: не держи караульныхъ неблагонадежныхъ, чтобъ пьяные въ лѣсу грибовъ не варили! Какъ видите, иногда лѣса горѣли и отъ неблагонадежности господскихъ караульныхъ!

Разъ коснувшись общихъ нещастій и интересовъ лѣснаго дѣла, рѣшусь повысказать

нѣкоторые соображенія, внушенные мнѣ долготѣлаго опытною въ дѣлѣ лѣсномъ. Соображенія эти не хитрыя, неученыя; я не читалъ никакихъ курсовъ о лѣсоводствѣ и лѣсохраненіи, но прожилъ почти безвыѣздно 8 лѣтъ среди огромной лѣсной дачи жены моей съ братьями, дачи окруженной кромѣ 43,000 десятинъ лѣсу этихъ владѣльцевъ, еще огромнѣйшими лѣсами другихъ дачниковъ и милліонами десятинъ казенныхъ Макарьевскихъ и Семеновскихъ лѣсовъ. Соображенія мои по лѣсохраненію почерпнуты изъ опыта. Кромѣ того я пользовался рассказами лѣсныхъ промышленниковъ занимавшихся въ лѣсахъ почти всѣхъ сѣверныхъ и приволжскихъ губерній.

Разѣзжая въ собственной лодкѣ вдоль Ветлуги и Волги до Камы и прислушиваясь къ рассказамъ бурлаковъ, я многое узналъ, чего не приходится знать теоретикамъ; да кромѣ того, живя въ имѣніи, составляющемъ уголь Нижегородской губерніи съ губерніями Костромской, Вятской и Казанской, и держа водяныя мельницы на всемъ протяженіи этой границы, я имѣлъ полную возможность расширить кругъ своихъ практическихъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе что содержалъ мельницы не какъ баринъ-аристократъ, но какъ мельничный мастеръ, и объѣзжая ихъ, ночевывалъ въ одной курной избѣ съ десятками помольцевъ и проѣзжихъ промышленниковъ изъ пяти и болѣе губерній. Впрочемъ, торговля мукою, солью и пр. въ собственной лавкѣ, на базарѣ села Вос-

кресенскаго, всѣмъ лѣснымъ промышленникамъ извѣстнаго, прибавила мнѣ много практичности. Я торговалъ *самъ*, для узнанія промысловъ нашихъ и чтобъ не быть дуракомъ предъ крестьянами, которые тогда только получать довѣріе къ совѣтамъ барина, когда замѣтятъ, что онъ понимаетъ ихъ нужды и выкажетъ въ дѣла ихъ домашняго быта.

Если хоть чтонибудь изъ рассказовъ моихъ остановить вниманіе читателей, то уже этого для самолюбія моего будетъ довольно: значить, не даромъ небо коптиль; а то, подѣ старость лѣтъ, вступилъ въ ополченіе, командовалъ дружину и думалъ отдать долгъ свой отечеству; а вмѣсто того разжирѣлъ только, не выдавъ непріятеля.

Вотъ мнѣніе и замѣчанія:

Теперь истребляется лѣсовъ множество, а доходы съ нихъ невелики. Причину тому можно бы пояснить, повѣривъ по книгамъ попенный отпускъ какогонибудь лѣсничества и потомъ пересчитавъ свѣжіе пни, хотя бы это стоило значительныхъ тратъ. Не лучше ли дать безкорыстному, но хитрому и ловкому человѣку нужныя средства, не жалѣя денегъ для разузнанія всѣхъ путей, куда и какимъ образомъ расходится лѣсные матеріалы? Эта повѣрка, если за нее возьмется человѣкъ ловкій и со средствами, раскроетъ любопытныя вещи по всѣмъ отраслямъ отпущенной лѣсной торговли. Замѣчу еще, что честный человѣкъ никогда невыручитъ своихъ расхо-

довъ по торговлѣ лѣсомъ, если онъ будетъ довольствоваться тѣмъ количествомъ матеріала, которое записано на билетѣ, а вывести лишнее, хотя и можно, но надо, въ прибавку къ деньгамъ, отдать судьбу свою въ чужіи руки и за свои гроши подличать, какъ описалъ г-нъ Шедринъ въ статьѣ: *что такое коммерція?* Иначе можно лишиться честнаго имени, что для дворянина и значительнаго купца составляетъ *ничто*. Потому въ лѣсномъ промыслѣ, по билетамъ, обращается или простой народъ, или низшій классъ купцовъ, которые не всегда цѣнятъ личное человеческое достоинство. Но кромѣ неправильнаго отпуска по билетамъ, есть другая причина, понижающая цѣнность самаго лѣсу, то есть бревень, брусевъ, чигивя и проч., и дѣлающая невозможнымъ заниматься этою торговлею иначе, какъ скупкой на пристаняхъ уже сплавленнаго лѣса: самому сплавливать также невозможно, какъ и вывозить по билетамъ. Тому причина слѣдующая: по всемъ Волжскимъ притокамъ, и вдоль самой Волги, вы всегда встрѣтите, въ полую воду, безчисленное множество небольшихъ плотиковъ, безъ снастей и якорей, называемыхъ *безшабашчымъ*. Эти плотики, не имѣя никакихъ расходовъ, кромѣ вывозки на рѣку матеріала, чрезвычайно понижаютъ цѣнность товара, но никакой порядочный торговецъ не можетъ воспользоваться этимъ способомъ, чрезвычайно опаснымъ не столько для нихъ самихъ, сколько для встрѣчныхъ разшивъ и конныхъ машинъ.

Эти плотики безъ якорей, слѣдательно не могутъ во время остановиться, и такимъ образомъ, хотя имѣють по гребному рулю съ зада и спереди, не рѣдко увлеченные быстротой теченія, не поспѣвають своротить, набѣгаютъ на разшивы, которыя проламываютъ, или на шеймы (завозные канаты) конныхъ машинъ, и погружая ихъ своею тяжестью по мѣрѣ приближенія, наконецъ погружаютъ самый носъ машины въ воду, что бываетъ причиною страшныхъ несчастій, если водолить машины не успѣть обрубить толстую шейму нѣскольکو вершковъ въ діаметръ. Да и въ этомъ случаѣ машина обратится на подчалки свои, которыхъ бываетъ до 9-ти, и весь этотъ флотъ, скрученный канатами, несется по теченію и часто набѣгаетъ или на мели, или на другія суда, которыя въ свою очередь тоже срываются съ якорей или проламываются. Хозяева этихъ плотиковъ, какъ только увидятъ встрѣчу, отъ которой нѣтъ силъ своротить въ сторону, тотчасъ же со всеми бурлаками (обыкновенно съ своимъ семействомъ), садятся въ лодку и торопятся на берегъ въ кусты, а бурлаки съ разшивы или машины, если поспѣють, то немедленно подъѣзжаютъ къ плоту, и разрубають связи его такъ, чтобъ плотикъ, раздвоившись во всѣхъ *кошмахъ* своихъ (отдѣльныя части плота), прошелъ по бокамъ машины или разшивами. Если же бурлаки застанутъ еще на плотикѣ несчастныхъ хозяевъ, то тутъ бываютъ сцены не хуже морскихъ — Евгенія

Сю. Хозяинъ же, если не попался въ руки бурлаковъ встрѣчнаго судна, то переждавъ грозу, выходитъ изъ засады и спѣшитъ ловить половинки, а иногда и остатки своего плотика, который скоро опять идетъ въ ходъ и опять испытываетъ подобныя тревоженія.—Теперь я предлагаю порядочному человѣку рискнуть на подобную торговлю, въ которой кромѣ опасности быть изученнымъ,—можно лишиться всего капитала въ уплату убытковъ, нанесенныхъ встрѣтившимся; съ мужика же взять нечего.

Одинъ крупный торговецъ, который лишь скупаетъ лѣсъ изъ первыхъ рукъ, пользуется всѣми выгодами такой стонки и иногда покупаетъ у безшабашныхъ лѣсъ ни по чемъ, потому что послѣдніе часто доходятъ до Дубовки или Астрахани почти бесъ гроша, съ домашними лепешками и гороховымъ киселемъ, а на пристани имѣютъ уже чѣмъ кормиться.

Расказавъ неудобства лѣснаго дѣла, предложу средство, которое весьма облегчило бы лѣсохраненіе и могло бы быть непреодолимымъ препятствіемъ для бѣглыхъ, разбоевъ и проч., скрывающихся въ приволжскихъ лѣсахъ. Я думаю, что если обратить вниманіе на расчистку внутреннихъ развѣтвленій лѣсныхъ рѣкъ, сначала въ одной изъ ближайшихъ къ Волгѣ губерній, съ тѣмъ чтобъ по нимъ можно было въ полуую воду сплавлять лѣсные матеріалы, то расходы на это предпріятіе окупились бы чрезвы-

чайно быстро, а пользу этого дѣла, поясню какъ понимаю.

Въ видахъ лѣсохраненія и умноженія источниковъ лѣснаго производства, я расчистилъ бы всѣ мелкія развѣтвленія Волжской системы внутри лѣсовъ.— Это дѣло произвелъ бы я такъ, чтобъ, во первыхъ, можно было сплавлять лѣса въ полуую воду; во вторыхъ, чтобъ ширина расчистки предохраняла лѣса отъ перехода лѣснаго пожара изъ урочища въ урочище чрезъ рѣчки. Для этого нужна ширина веретъ, ибо чрезъ такое пространство рѣдко уже перебрасываетъ горящую *лапу* *), даже при сильномъ вѣтрѣ.— Срубасмый лѣсъ сплавлялъ бы я въ полуую воду, для покрятія расходовъ прочистки и для дохода, ибо самая прочиска весьма недорого, а на срубленныхъ поемникахъ сталь бы продавать съно оброчною статьею или расходывать какими другимъ способомъ.

Внутреннихъ лѣсныхъ рѣчекъ такое множество и они въ такихъ различныхъ направленіяхъ пересѣкаютъ всѣ приволжскія губерніи, что одноверстная расчистка уже предохранила бы лѣса отъ сплошныхъ пожаровъ на большія пространства, а если къ этимъ расчисткамъ прибавить еще коегдѣ просѣки такой же ширины, то эта мѣра, въ соединеніи съ непремѣнными одноверстными просѣками между частными владѣльцами и казною, кажется, была бы вѣр-

*) Сосновая, пихтовая или словая вѣтвь.

вѣйшимъ средствомъ лѣсохраненія, какъ въ отношеніи пожаровъ, переходящихъ на сотни верстъ отъ урочища въ урочище, такъ и въ отношеніи наблюденія за лѣснымъ воровствомъ. Я даже думаю, что при этихъ просьбахъ, позволяющихъ обозрѣвать огромныя линіи и разбирать направленіе слѣдовъ, ни одинъ пчельникъ, малинникъ, смолникъ и пр. не осмѣлится поджечь лѣсъ въ видахъ пользы своего промысла или для чего другаго.

Всѣ куртины или лѣсныя пространства между проськами и роздалъ бы *польсовымъ* *) по нумерамъ, и обязалъ бы объѣзчика опрашивать ихъ о слѣдахъ изъ куртины въ куртину и доносить немедленно лѣсничему для зависящаго распоряженія. За надежность моего способа лѣсохраненія при каланчахъ изъ трехъ столбовъ на всѣхъ буграхъ, какъ это дѣлается въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, могутъ служить ручательствомъ толки, которые должны поднаться во всѣхъ лѣсныхъ губерніяхъ противъ такого проекта. Въ немъ, быть можетъ, найдутъ и трудность исполненія, и дороговизну и мѣшкотность, и умелченіе рѣкъ, и мало ли что еще, — но противъ мѣшкотности скажу, что лучше *поздно, чѣмъ никогда*, а противъ трудности и дороговизны, что сплавъ срубленнаго лѣсу окупить работу съ лихвой, польза же очевидна: пожары сдѣлаются мѣстными и воровство рискованнѣе.

*) Лѣсныя стражи.

Остается цѣнить лишь обмельченіе рѣкъ и сравнить невыгоды его съ убытками лѣсныхъ пожаровъ, пожирающихъ иногда сотни тысячъ и даже миллионы десятинъ лѣсу; но и тутъ непостижимо для меня, чтобъ лентообразное верстовое пространство лѣсу около береговъ могло болѣе поддержать обиліе водъ въ рѣкахъ, нежели сколько уничтожается этого обилія при лѣсныхъ пожарахъ миллионнаго количества десятинъ, при чемъ сгораетъ не только *лентообразное* пространство, но даже всѣ торфяныя болота и рѣчные наволоки *) глубиной иногда въ нѣсколько

*) Наволаками называются наносы, образующіеся на мѣсть стараго русла, при измѣненіи теченія, а иногда и низкіе поемники, заносимые каждою, но свѣжимъ иломъ или пескомъ, смотри по окружному грунту и составу вновь подмываемыхъ береговъ. Старое русло иногда заплываетъ этими наносами въ уровень съ берегами, и при сильной ростительности на всѣхъ низинахъ, переживающіе стебли образуютъ торфяники, которые при лѣсныхъ пожарахъ въ сухіе годы выгораютъ до стараго днища старицъ (или старыхъ теченій), а иногда и глубже, если старое днище было илисто и съ когловинами или омутами. Однимъ словомъ, все сгорасное — сгораетъ до несгораемаго, т. е. до самаго грунта. Надо замѣтить, что иногда эти старыя русла занесаются и заростають горючимъ матеріаломъ на нѣсколько сажень глубиною, и огонь забравшійся въ нихъ съ осени, поддерживается всю зиму подъ снѣгомъ до полой воды, которая залиываетъ эти старицы; въ торфя-

сажень во всю ширину поемника. *) Вотъ покуда все, что я намеренъ былъ высказать объ общихъ интересахъ лѣсныхъ мѣстностей. Со временемъ я еще найду кое-что: въ матушкѣ Россіи всего не выскажешь сразу.

ОТВѢТЪ НА ЗАМѢТКУ Г. ЗАРУБИНА

по поводу статьи моей, помѣщенной въ № 7-мъ Московскихъ Вѣдомостей.

По обстоятельствамъ, отъ меня независящимъ, я до 22-го февраля не прочелъ ни одного нумера Моск. Вѣд. послѣ № 7-го и потому до сихъ поръ не могъ отвѣчать г. Зарубину.

Я уже послалъ въ Редакцію газеты статью о водахъ Макарьевского уѣзда, въ которой прошу г. Зарубина не гнѣваться на замѣчанія мои и платить тою же монетою во всемъ, что хорошо ему извѣстно, ибо изъ споровъ нашихъ могутъ разъясниться

ныя же болѣзняхъ, иногда и по вскрытіи весны, подземный пожаръ продолжается на другой годъ и оканчивается лишь совершеннымъ испепеленіемъ горючихъ матеріаловъ, иногда тоже на несколько сажень глубиною.

*) Наковецъ, если уже рѣшительно сочтется вредною растчистка лѣса около береговъ рѣкъ, то предлагаю сдѣлать просьбы независимо отъ рѣкъ, чрезъ каждое извѣстное про транство, лишь бы просьбы эти были не слишкомъ рѣдки и достаточно широки.

публикѣ такія обстоятельства, о которыхъ мы оба высказались не совсѣмъ ясно.

Прочтя замѣтку г. Зарубина, считаю нужнымъ обратить снова вниманіе его на статьи мои, въ которыхъ онъ можетъ усмотрѣть, что хотя оба мы описываемъ предметы близкіе между собою, но каждый изъ насъ имѣетъ свое особенное направленіе, зависящее, вѣроятно, отъ какихъ нибудь случайныхъ обстоятельствъ. Я высказываюсь ближе къ истиннымъ моимъ понятіямъ, ближе къ *существенности*, не находя слишкомъ значительныхъ преградъ къ прямому выраженію своей мысли; г-нъ же Зарубинъ далеко не высказываетъ всего того, что не можетъ укрыться отъ его проницательности, ясно выказанной въ статьѣ его, въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Не виню г. Зарубина: всякій живетъ подъ своими условіями, и что одному кажется доступнымъ, въ томъ другой видитъ преграды *непреодолимыя*. По въ такомъ случаѣ, я считаю лучшимъ совсѣмъ не касаться предмета, чѣмъ толковать его не въ ту сторону, куда бы слѣдовало.

Отъ наблюдательности г. Зарубина не могли, напримѣръ, укрыться истинныя, *неопровержимыя* причины уменьшенія рыбы въ Ветлугѣ; а онъ выставилъ лишь *воображаемую*, основанную на *мнимомъ* отпахѣ Ветлужскаго песка смолою!

Еслибъ г. Зарубинъ высказалъ это замѣчаніе, между прочими, *убдительношшими*, то я привисалъ бы это любознательности

его, желанію узнать мнѣвіе людей спеціальныхъ; но выставленное одиночкой, безъ другихъ явныхъ, неоспоримыхъ причинъ, замѣчаніе это навело меня на мысль, что г. Зарубинъ *чрезъ-чуръ* сторожекъ, какъ у насъ выражаются, и что съ этимъ направлеиіемъ *коренной сути* мы отъ него не услышимъ!.. А жаль! Въдъ мы съ нимъ не повѣсти пишемъ, а описанія, и наглядность наша есть *всѣмъпѣи.ее* наше достоинство. Вотъ почему, если что нибудь не позволяеть высказываться какъ слѣдуетъ, лучше и не касаться предмета.

Не стану входить въ нескончаемые споры о томъ, о чемъ можно спорить только изустно, а не въ печати; но замѣчу одно, что г. Зарубинъ не ясно повялъ смыслъ моего опроверженія.

Я не говорю, чтобъ г. Зарубинъ силілся навязать читателямъ *доказательство* бесполезности лѣсной стражи; но говорю, что г. Зарубинъ вкладываетъ это замысловатое средство въ Русскую голову и силітся навязать читателямъ мнѣніе; будто такое средство доступно ей.

Вотъ истинный смыслъ словъ моихъ, и если г. Зарубинъ не такъ его понялъ, то представляю поясненіе.

Въ отношеніи же того, что самъ я высказываю о *поджогахъ* пчельниковъ, или изъ вражды крестьянъ негосподскихъ къ господскимъ смольнымъ промышленникамъ, курящимъ смолу въ лѣсахъ, которые негосподскіе считаютъ своею собственностію; или

чтобы истребить оброчныя стѣпны, данныя казною въ годы чужимъ мужикамъ, то странно мнѣ кажется, что г. Зарубинъ смѣшиваетъ личный расчетъ пчельника и личную вражду крестьянъ между собою съ враждою ихъ съ лѣсными сторожами, тогда какъ самому г. Зарубину, принадлежащему по словамъ его, къ тому же классу людей, которыхъ онъ описываетъ, должно быть коротко извѣстно, что Русскій мужикъ *всегда пожертвуетъ общественнымъ интересомъ своему собственному* (это и съ нашимъ братомъ случается), и что изъ личной вражды, между собою, Чуваши даже *даются* въ клѣти у своего противника (есть много примѣровъ тому, и самая ужасная угроза этого робкаго и смирнаго народа заключается въ томъ, что онъ посулитъ врагу своему удавиться въ клѣти его, что, разумѣется, поведеть за собою слѣдствіе, судъ, хлопоты, изьяны и проч.); но вражда крестьянъ съ полѣсовымъ находится совсѣмъ подъ другими условіями. Смольникъ, обвиняемый въ поджогѣ казеннаго лѣса, рискуетъ всею своею будущностію и неминуемо разоряется. Чувашъ не знаетъ бѣльшаго несчастія, какъ отвѣтственность предъ земскою полиціей, и при робкою натурѣ своей, готовъ удавиться изъ-за бездѣлицы; мщеніе же въ обоихъ случаяхъ *ужасное*; но каждый житель лѣсовъ хорошо знаетъ, что отвѣтственность лѣснаго сторожа за лѣсной пожаръ чрезвычайно сомнительна, и если поглубже вникнуть въ послѣдствія, то окажется, въ-

роятно, что для иных сторожей пожаръ есть истинное благодѣяніе.

Вотъ почему я и сомнѣваюсь, чтобъ крестьяне пустились на такую штуку *), ибо что намъ дается, когда вникнемъ поглубже въ послѣдствія, какъ я выразился, то каждому крестьянину хорошо извѣстно, и я даже готовъ думать, что крестьянское выраженіе о лѣсномъ пожарѣ *отъ молоніи*: лѣсъ загорѣлся *«отъ Божьяго милосердія»* (а не отъ гнѣва Божія, какъ называется г. Зарубинъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ»), имѣеть начало въ томъ убѣжденіи, что лѣсной пожаръ *отъ молоніи* для многихъ есть истинное милосердіе Божіе.

V.

ЗАВЕТЛУЖСКІЕ ЧЕРЕМИСЫ СѢВЕРНОЙ ПОЛОВИЦЫ МАКАРЬЕВСКАГО УѢЗДА.

Прежде чѣмъ приступлю къ описанію водъ, пристаней, славовъ и разныхъ мелочныхъ подробностей, заканчивающихъ статьи мой, брошу бѣглый взглядъ на небольшую часть огромной Заволжской половины нашего уѣзда, называемую Заветлужскою, которая собственно и граничитъ съ губерніями Костромскою, Вятскою и Казанскою.

*) Впрочемъ, въ видъ исключенія, изъ сотни одинъ, можетъ быть и такіе случаи выбираются, хотя мало дураковъ, которые бы изъ-за пучка *лутосекъ*, довели себя вести къ станному или лѣсничему.

Этотъ лоскутъ земли имѣеть ту особенность, что на немъ между прочими поселено нѣсколько деревень Черемисскихъ, на которыя и обращаю вниманіе читателей.

Заветлужье, лежащее на луговой сторонѣ Ветлуги, имѣеть вообще грунтъ земли много лучшей противъ нашего, и народъ болѣе занимается хлѣбопашествомъ.

Казенная воздвиженская волость составляетъ главную часть нашего Заветлужья; помѣщичье же владѣніе безъ сравненія меньше.

Промыслами этотъ край занимается меньше нашего, по изобилію хлѣба, уборка и окончательная обдѣлка котораго требуютъ гораздо болѣе времени; однако Заветлужскій народъ, по близости необъятыхъ лѣсовъ Костромской, Вятской и заволжской части Казанской губерніи занимается вывозкою лѣсовъ и добываніемъ сырыхъ лѣсныхъ матеріаловъ гораздо въ большемъ размѣрѣ, нежели наши крестьяне, которые и перекупаютъ у нихъ нѣкоторые изъ этихъ матеріаловъ для разработки.

Между народомъ Заветлужскимъ, принадлежащимъ къ казенной Воздвиженской волости есть около десятка деревень Черемисскихъ, изъ которыхъ всѣ, кромѣ Юркина, лежащаго на берегу Ветлуги и имѣющаго пограничный кабакъ, расположены въ глуши лѣсовъ близъ озеръ, Ветлужскихъ старицъ и мелкихъ речекъ, впадающихъ въ Ветлугу.

Живя на Ветлугѣ въ 20-ти и 25-ти вер-

стахъ отъ большей части Черемисскихъ деревень, я бывалъ и ночевывалъ почти во всѣхъ и кромѣ Юркина, изобилующаго Русскими переселенцами и которое, стоя на берегу, при кабакѣ, весьма разнится съ прочими Черемисскими деревнями; могу сказать, что наши Черемисы, хотя и имѣютъ многія черты, описанныя въ послѣднее время, не помню въ какихъ журналахъ, но обладаютъ и неотъемлемымъ качествомъ *правдивости*, о которомъ скажу въ статьѣ о дорогахъ, ибо, сколько помнится мнѣ, о немъ неупоминается въ новѣйшихъ описаніяхъ.

Давнишнихъ записокъ г-жи Фуксъ мнѣ не удалось прочесть; но зная, что о сѣверныхъ Черемисахъ писано уже довольно много, не стану слишкомъ распространяться, а выскажу нѣкоторые изъ странныхъ понятій, неописанныхъ въ послѣднихъ сочиненіяхъ о Черемисахъ.

На прим., разъ, ночуя у Черемисскаго пріятеля моего, свата до имени—название, даваемое ими всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ имѣли какую либо торговую сдѣлку, какъ и было со мной, каждагодно покупавшимъ у нихъ медвѣжатъ для притравки мордашекъ, — вдругъ слышу страшный шумъ и хлопотно около двора, гдѣ я ночевалъ (надо замѣтить, что въ лѣсныхъ Черемисскихъ деревняхъ улицъ не бываетъ, но каждый строится своимъ дворомъ, какъ вздумаетъ). Я выскочилъ узнать причину такой суматохи и оказалось, что кучеръ мой окруженъ огромною толпой Черемисъ, грозящихъ ему жестоки-

ми побоями, но сдерживаемыхъ единственно страхомъ значительной силы этого человека, съ вечера уже показавшаго ее нѣсколько. Какъ новый Полифемъ, кучеръ мой, приклоняясь къ избѣ, держалъ огромный колъ, вывороченный имъ изъ присель, и сумелъ перешибить по поламъ перваго, кто только подступится.

Рвительный видъ и толстый колъ смутили Черемисовъ, но не давая воли рукамъ, они вымѣщали за то языкомъ на всякіе возможные лады и тоны.

Толпа цыганъ на конной или жидовъ на ярмаркѣ—ничто предъ дикимъ этимъ гамомъ! Заставивъ молчать полудикихъ своихъ сосѣдей, я кое-какъ добился, въ чѣмъ дѣло и отъ чего весь гвалтъ! Оказалось, что кучеръ мой, идя мимо ближней избы, сшибъ кнутомъ нѣсколько сосулекъ и тѣмъ навлекъ, по мнѣію Черемисовъ, страшный гнѣвъ зимы и мороза на домохозяина и семью его разрушеніемъ созданій зимы. Одивъ изъ Черемисовъ принялся объяснять мнѣ, что *морозъ будетъ серчалъ, приходилъ въ избу и усьхъ помрилъ делатъ*; что кучеръ мой *злой члупккъ, не хорошо дггалъ*, и насилу успокоилъ эту орду, увѣривъ, что поступокъ ненамѣренный, что морозъ непременно разберетъ дѣло и скорѣе отморозитъ носъ моему кучеру, нежели сдѣлаетъ незаслуженный вредъ хозяину.

Многіе изъ Черемисовъ такъ вѣрятъ въ гнѣвъ мороза за сосульки, что когда на воротахъ ихъ наростутъ слишкомъ длинныя,

то они выламывают изгороди дворовъ и въѣзжаютъ въ эти проломы, чтобъ не сшибить дугою сосулекъ.

Страшное понятіе имѣютъ они тоже о громѣ и молніи: на прим., идучи лѣсомъ, за охотой или за чѣмъ бы то ни было и захваченный грозою, Черемисинъ продолжаетъ идти, но при каждомъ сильномъ ударѣ, онъ сторонится очень быстро и съ видимой робостью прячется или хоронится, по здѣшнему, и послѣ каждаго удара выругается, какъ есть, *по-Русски*, если идти съ Русскимъ; а если одинъ или съ другимъ Черемисомъ, то уже не знаю; потомъ, срѣжетъ прутикъ и броситъ поперекъ дороги, увѣряя, что *громъ близко идетъ, дозвонитъ будетъ*, но черезъ прутикъ не переѣдетъ; а если послѣ того опять послышится ударъ или освѣтитъ молнія, то онъ, повторивъ всѣ прежнія продѣлки, скажетъ: *на кругъ обошело! на слѣдъ попалъ!* И опять срѣжетъ и положить прутикъ поперекъ дороги или поперекъ своего слѣда, и это непременно съ ругательствами.

Точно такъ же, сидя въ избѣ, при каждомъ ударѣ грома или блескѣ молніи, онъ прежде изругается говорн, что *бога сердилъ*, а потомъ, не менѣе того, отрѣжетъ отъ кружечка кусокъ воску и кинетъ на очагъ, чтобъ *умилостивить гнѣвное божеество*, самъ же и ругаясь, и умилостивляя, лѣзетъ въ самый темный уголъ избы, чтобъ вѣрнѣе укрыться отъ розысковъ божества.

Кто-то изъ послѣднихъ, писавшихъ о Че-

ремисахъ, упоминалъ уже о странномъ и неуважительномъ обращеніи ихъ съ отцами, — я самъ часто слыхалъ, какъ сыновья, въ разговорѣ съ отцомъ, спускаютъ его, по бурлацкому выраженію, *внизъ по матушкѣ по Волгѣ*.

Раннее сближеніе половъ, кажется, причиною физической слабости, сухости тѣла, и безвременныхъ морщинъ у Черемисовъ.

Для мальчика по 9 году, а для дѣвочки еще раньше—вѣтъ уже ничею тайнаго, и родители равнодушны къ этому.

Скупость къ деньгамъ и бережливость во всемъ, при неоприятности и нечистоплотности, многими уже описанными, составляютъ характеристическія черты Черемисъ нашихъ, какъ и прочихъ, и только обѣщаніемъ большихъ процентовъ, пользуясь вѣрою ихъ къ честному слову, удается иногда выманить у нихъ товаръ въ долгъ, или даже деньги; но при всей скупости, они гостепримны по своему. На примѣръ:

Всякій въѣзжаетъ къ нимъ просто, безъ спросу; отпрягаетъ лошадей, входитъ въ избу, здороваётся съ хозяевами; васъ накормятъ вмѣстѣ съ лошадей, т. е. лошадей получше, а васъ похуже, потому что будутъ кормить чѣмъ сыты сами и сыты ихъ лошади, а сыты Черемисы почти одною редькой да хлѣбомъ, и развѣ для почетнаго и весьма нужнаго гостя подадутъ брусники, или грибовъ, или сушенаго зайца, или вяленой рыбы, но никогда всего вмѣстѣ, а чаще чего нибудь одного; лошадей же накорм-

мать хорошихъ сѣномъ съ посыпкой (если только свои получаютъ ее). Если вы такой гость, что подадутъ чегонибудь кромѣ рѣдьки, то и лошадь ваша получить овесъ; стало быть будетъ гораздо сытѣе и довольнѣе васъ. Корму вашего не допускать, если вы скольконибудь знакомы хозяину, а если онъ никогда не видалъ васъ, то все таки можете пользоваться чѣмъ выше сказано; но если вы и своего дадите, то хозяинъ не будетъ въ претензіи.

Чрезвычайно любятъ Черемисы, если проѣзжіи попочтуютъ ихъ своимъ хлѣбомъ, лепешкой или чѣмъ бы то ни было. Кажется, въ этомъ они видятъ не одно простое радушіе, но что-то болѣе, и гость можетъ разчитывать, за то и съ ихъ стороны на всякій угощенія, не выходящія изъ границъ, данныхъ самою природою, безъ особенныхъ хлопотъ и затѣй.

За все это неприхотливое, но все-таки радужное гостепріимство, они въ годъ разъ, а иногда и два побываютъ о праздникѣ, въ той Русской деревнѣ, жители которой ѣздятъ чрезъ ихъ деревню въ казенные лѣса. Проѣзжіи Русскій крестьянинъ, при всей простотѣ гостепріимства Черемисовъ, въ продолженіи года почти всегда съѣсть у нихъ хлѣба, сѣна ни рѣдьки — гораздо болѣе хозіевъ.

На праздникѣ въ русской деревнѣ, Черемисинъ ходитъ изъ двора во дворъ и пьетъ и ѣстъ до тѣхъ поръ, покуда не свалится; но и тутъ, если можетъ ползти на четве-

ренькахъ, то будетъ ползать отъ завалины до завалины и требовать вина и браги — Однимъ словомъ, напившись разъ, онъ уже не протрезвляется до конца праздника и буквально ползаетъ на четверенькахъ. Безъ такого угощенія, онъ не выйдетъ изъ деревни или почтетъ себя обиженнымъ на вѣкъ.

Расскажу только одинъ примѣръ ихъ отвратительнаго скотства и небрежливости: — Я часто видалъ, что Черемисинъ снявъ съ себя рубаху, начинаетъ перебирать зубами вдоль ворота, и думалъ, что, вѣроятно, грубость поскони натираетъ ему шею. . . Оказалось, что это не что иное, какъ пріемъ животнаго, уничтожающаго насѣкомыхъ, которыя заводятся отъ неопрятности.

Болѣе о Черемисахъ ничего новаго сказать не припомню, но есть у меня пріятель, который ближе наблюдалъ ихъ и общалъ описать черту совершенно новую, до сихъ поръ никѣмъ незамѣченную.

Лѣсной пожаръ *).

Статією въ № 7-мъ Московскихъ Вѣдомостей я думалъ закончить описаніе лѣсныхъ дѣлъ, но побуждаемый какимъ-то духомъ-

*) Получивъ некоторые лестные отзывы и справедливыя замѣчанія отъ согражданъ моихъ, заинтересованныхъ новостію края, который описываю (хотя край этотъ находится въ ихъ же губерніи), считаю нужнымъ, прежде чѣмъ буду продолжать описанія свои, пояснить читателямъ кажущуюся безсвязицу между статьями, отрывочность ихъ и отсутствіе цѣльности. Прошу

покровителемъ лѣсовъ , у котораго , видно , много погорѣло угодій въ лѣсныхъ пожарахъ , или много вырубаются любимыхъ притоновъ , опять возвращаюсь къ тому же предмету , чтобъ развязаться съ назойливымъ моимъ сосѣдомъ .

Коснувшись въ № 7-мъ страшнаго истребленія лѣсовъ отъ пожаровъ и необходимости , по мнѣнію моему , широкихъ просьбъ для предотвращенія этого ужаснаго бѣдствія , мнѣ кажется полезно будетъ описать какъ самый пожаръ , такъ и вѣрнѣйшія , испытанныя мною средства тушенія .

Засоренныя лѣсныя рѣпки не допускаютъ сплава изъ такихъ мѣстъ , гдѣ деревья или гибнутъ отъ пожаровъ , или свиваются на корню , не только не доставляя никакой пользы , но заваливая лѣса , и чрезъ то дѣлая ихъ неприступными для тушащихъ во время лѣсныхъ пожаровъ , которые наводятъ ужасъ на людей и животныхъ неуротимому своею яростью , питаемую этими сухими матеріалами , никѣмъ не убираемыми .

припомнить сказанное въ началѣ статей , что онѣ писаны первоначально по приглашенію предводителя , въ пособіе кадастрамъ , и что выгидывая все , по мнѣнію моему , маловытеснѣе для людей стороннихъ . я пополнию статьи мои въ настоящее время замѣчаніями и расказами , уже совершенно неходящими въ кадастровыя описанія и безъ всякой избранной системы , какъ *диллетантъ* , а не *маэстро* , увлекаясь болѣе желаніемъ пользы , нежели извѣстностію литератора , которая для литературнаго юноши въ 45 лѣтъ отъ рожденія уже дѣло второстепенное .

На мой пай досталось не разъ быть свидѣтелемъ и дѣйствующимъ лицомъ въ этой ужасающей драмѣ , и я , живя на одномъ изъ множества оазисовъ *), разбросанныхъ среди огромныхъ лѣсовъ , усмалалъ иногда семью свою верстъ за 20 въ степное побережье Ветлуги , при приближеніи этого страшнаго бѣдствія , о которомъ публика въ городахъ разговариваетъ съ нестерпимымъ для меня равнодушіемъ . Но еслибъ , волшебствомъ какимъ , перенести эту равнодушную публику , со всѣмъ ея имуществомъ , изъ-за преферанса или другаго развлеченія , въ сосѣдство огромнаго лѣснаго пожара , на небольшой оазисъ около ста десятинъ открытой мѣстности , окруженной неисходными лѣсами объятыми пламенемъ , которое стремится охватить со всѣхъ сторонъ этотъ оазисъ и , такъ сказать , задушить въ дыму , испечь живьемъ все живущее , сжечь дома , хлѣбъ и все имущество несчастныхъ , у коихъ тутъ же стараютъ даже всѣ надежды на пропитаніе ; то я послушалъ бы потомъ , какъ эта проученная публика , прокопченная насквозь , съ выкуренными глазами , опаленною одеждой и потерявъ все состояніе , стала бы рассказывать равнодушнымъ слушателямъ о драмѣ , въ которой она была участницею !

Мнѣ горько и забавно слышать въ городѣ , какъ разсуждаютъ фешьонебельные люди со свѣтскими дамами , и фрелокеты съ мод-

*) Лѣсныя деревни съ полями своими разбросаны въ необъятныхъ лѣсахъ нашихъ совершенно также , какъ оазисы въ необъятныхъ степяхъ .

ными перонельками о духотѣ и тяжести воздуха, съ досадою говоря, что это отъ не-сноснаго льснаго пожара!... Какъ будто лѣсной пожаръ точно такое же неудобство, какъ случайно открытый душникъ, изъ котораго пахнуло дымомъ; тогда какъ эта адская драма разоряетъ иногда на многіе десятки лѣтъ, многіе десятки тысячъ народу и уничтожаетъ растительность и тучность почвы для многіхъ поколѣній! Правду сказать — въ смѣси людей, домашнихъ животныхъ, медвѣдей и волковъ, въ ужасѣ стелквивающихся иногда въ одну общую груду на этихъ маленькихъ оазисахъ, окруженныхъ пламенемъ, — гдѣ все дышащее склоняется надъ водою, чтобъ освѣжать дыханіе влажными испареніями, промачивать горло и промывать глаза, раздѣленные дымомъ; гдѣ пламя врывается нерѣдко въ средину поля огненными волнами, пожирая хлѣбъ на корню — недостаетъ только льзовъ и львиць, чтобъ составила полная группа, достойная кисти художника!...

Многіе лѣсные пожары, при всей обширности своей, не производили на меня значительнаго впечатлѣнія, ибо случались въ тихое, безвѣтреное время, не слишкомъ въ большую засуху, проходя лѣсомъ довольно чистымъ и рѣдкимъ, гдѣ по близости деревень, свѣжій валежникъ подбирали на продажу, на топку овиновъ и печей, на изгороди и заборы дворовъ. При этихъ условіяхъ, пожаръ идетъ низомъ и медленно, да и при вѣтрѣ, когда идетъ вѣромъ, но безъ

значительной засухи и по чистому, рѣдкому лѣсу, не заграможденному валежникомъ, видъ его не имѣетъ ничего слишкомъ поразительнаго; но для объясненія публикѣ того ужаснаго впечатлѣнія, которое иногда производитъ онъ, расскажу о пожарѣ, бывшемъ при мнѣ въ страшную засуху, когда въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ польскіе жары, бури и грозы проходили безъ капли дождя, и когда всѣ низины, рѣчные наволоки, поемники и даже топкія болота обратились въ какой-то пепелъ, покрытый сгорѣвшею травой, а лѣсной мохъ хрустѣлъ подъ ногами.

Надо замѣтить, что самая деревня, въ которой живу я, и еще шесть, принадлежащихъ женѣ моей, разбросаны, какъ я уже говорилъ, небольшими оазисами въ неисходныхъ лѣсахъ, смежныхъ съ Макарьевскими и Семёновскими, гдѣ на каждую десятину открытой, пашенной или луговой мѣстности, вѣроятно, придется около сотни десятинъ лѣсовъ госполскихъ и казенныхъ, и гдѣ при самой большой изъ деревень не болѣе двухъ сотъ десятинъ полей, расположенныхъ, какъ обыкновенно въ лѣсныхъ мѣстностяхъ, съ одной стороны деревни, всегда примыкающей другою стороною къ лѣсу, отстоящему отъ крестьянскихъ дворовъ и гуменъ не далѣе 50 или 100 сажень. Я былъ захваченъ пожаромъ въ жары, при страшной сухости грунта въ лѣсахъ и болотахъ, и уславъ немедленно семью, какъ говорилъ уже, верстъ за 20, въ степное побережье Ветлуги, былъ свидѣтелемъ того страшнаго пожара, кото-

рый намѣренъ описать публикѣ, чтобъ дать ей приблизительное понятіе о драмѣ, разыгрывающейся въ то время, когда ей достается испытывать въ городахъ своихъ непріятный запахъ дыма, духоту въ воздухѣ, нѣкоторый мракъ, застилающій солнечные лучи, и когда самое солнце кажется какимъ-то красно-багровымъ шаромъ, а не блестящимъ свѣтиломъ, на которое въ другое время нельзя взглянуть безнаказанно.

Пожаръ пришелъ къ намъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ, обгятыхъ имъ на сотню верстъ, и приближался ломаными линіями и остроугольниками. Двѣнадцать тысячъ десятинъ лѣсу, на которыхъ разсыяны сказанныя деревни, попались въ средину, между двухъ огромныхъ остроугольниковъ приближавшагося пожара и охваченныя съ трехъ сторонъ напорающимъ пламенемъ, которое угрожало совершеннымъ разореніемъ семи деревнямъ нашимъ, и потому мнѣ надлежало отстаивать: собственный лѣсъ жены моей съ братьями, семь деревень со всѣмъ ихъ имуществомъ и усадьбу нашу, безпрерывно осыпаясь пламенными *голками* *), разбрасываемыми бурей.

Кромѣ собственныхъ крестьянъ, ко мнѣ явилась не одна тысяча работниковъ изъ чрезполоснаго имѣнія братьевъ жены моей, и наконецъ, по требованію моему, высланныхъ становымъ приставомъ изъ чужихъ дачъ.

Уже бани въкоторыхъ деревень сгорѣли,

*) Головни.

и пожаръ не рѣдко врывается въ хлѣбныя поля, истребляя все на пути своемъ. Хотя крестьяне и вывезли имущество на паровыя поля и наскоро закидали землею, но безпрестанно осыпаяемое падающими съ неба пламенными лапами хвойныхъ деревьевъ, имущество это ни сколько не считалось въ безопасности, и караульные, сиди по очереди на кровляхъ домовъ и дворовъ, непрерывно ожидали деревенскихъ пожаровъ, ибо зной дѣлался нестерпимъ на возвышенностяхъ и заставлялъ всѣхъ оставлять посты свои и искать освѣженія около неизсыхающихъ еще рѣчущекъ, при которыхъ расположена большая часть деревень.

Опишу какъ самый пожаръ, такъ и средства тушенія, употребляемыя опытными лѣсниками, если только есть какая либо надежда отстоять лѣсъ и нашлись свободныя руки, кромѣ занятыхъ спасеніемъ деревень и имущества.

Но прежде чѣмъ приступить къ этому описанію, я долженъ сознаться, что одаренъ натурой воспримчивой и чувствительной до слезливости, такъ что хорошій стихъ, задушевный расказъ, несчастіе птички въ баснѣ Крылова, или разорванное платье пастора, какъ описалъ его Шокке, могутъ надорвать меня плачемъ; а въ хорошей драмѣ, при эстетическомъ исполненіи, я просто неблагопристоенъ, и въ одной только Одесской оперѣ, въ кругу Итальянцевъ, считалъ себя въ безопасности отъ насмѣшекъ, ибо тамъ сочувствіе бываетъ иногда даже опасно со-

сѣдимъ, которыхъ истинный сынъ прекраснаго полуострова трясеть за одежду, обнимаетъ и чучь не душитъ въ своемъ энтузиазмѣ, съ плачемъ, жестами и возгласами, для многихъ забавными или досадными и неприличными, но для меня совершенно нормальными!...

Вотъ почему взглядъ мой на лѣсной пожаръ (особенно въ тогдашнихъ моихъ обстоятельствахъ) инымъ покажется преувеличеннымъ или поэтизированнымъ, даже, можетъ быть, надутымъ и напыщеннымъ; но въду всякаго свой взглядъ на вещи! Я буду описывать *подъ тогдашними моими впечатлѣнiями, при всеобщемъ отчаянiи*, а читатель соображай какъ хочешь!

И такъ, при тушенiи лѣсныхъ пожаровъ обыкновенно употреблялъ средство встрѣчнаго огня, которое, къ сожалѣнiю, не всегда допускается въ негосподскихъ лѣсахъ, почему тушенiе ихъ и бываетъ большею частiю неудачно, развѣ тихая погода, широкая рѣка или сильный дождь помогутъ тушить. Встрѣчный огонь пускается вотъ какъ: собираютъ по возможности такое количество людей, какое можно собрать, не разбирая пола и возраста (разумеется, не ребятишекъ), и ведутъ всю эту ватагу на встрѣчу лѣсному пожару по всему протяженiю. Выборные люди, лучше другихъ знающiе мѣстность или опытнѣйшiе въ пожарныхъ случаяхъ, рѣшаютъ, по направленiю и обширности огня, отъ какихъ мѣстъ слѣдуетъ пустить встрѣчный огонь, чтобъ оста-

новить ярость напиральной по вѣтру грозной стихii, сплошнымъ пламенемъ пожирающей на пути своемъ весь сухой верескъ, валежникъ отъ вѣтроломовъ и разныхъ лѣсныхъ промысловъ, сухой мохъ, торфъ, стоячiя сухары и самые сучья свѣжихъ деревьевъ, по которымъ взлетая, какъ истинный Змѣй Горынычъ, съ быстротою неимоверною, чему способствуетъ раскаленная атмосфера, предшествующая пожару и иссушающая хвою и листья зеленыхъ деревьевъ отъ макушки до половины дерева, гораздо прежде чѣмъ пламя подступитъ подъ пни корчащихся, трещащихъ и обливающихся смолою сучьевъ.

Хрускъ, трескъ, шипѣнiе, свистъ и визгъ, предшествующiе пожару, далеко возвѣщаютъ о немъ, и при грозѣ, въ сухiе годы, жаркимъ днемъ, въ густомъ чапѣжннкѣ или на бору, заваленномъ валежникомъ, видъ обширнаго лѣснаго пожара бываетъ поразительно величественъ!

Прибавьте къ этому вой урагана, завыванье волковъ и другихъ звѣрей, спасающихся отъ гибели, раскаты грома, блескъ молнii, озаряющей мглу небесную; стонъ падающихъ исполиновъ, пламенными радиусами разсѣкающихъ воздухъ; дымъ, клубящiйся мглистыми, багряно-синими, кровавыми волнами; кипуче и пылающiе смольные фонтаны, тончайшими струйками бьющiе изъ каждаго излома лопнувшей коры огромныхъ хвойныхъ мачтовниковъ; пожираемыя пламенемъ, громадныя ребра не-

объятныхъ костровъ (вѣтроломовъ по нашему), нагроможденныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ исполинскими горами въ десятокъ и болѣе сажень вышиною, въ нѣсколько десятковъ верстъ протяженія и въ сотню сажень поперечника. Эти страшные костры покуда еще не охвачены пламенемъ, имѣютъ видъ отвратительныхъ остововъ допотопныхъ пресмыкающихся *), въ непрерывной вереницѣ переплетенныхъ громадными, подулѣвшими, грязнобѣлыми костями своими, съ которыхъ отгнившая шкура гнусными лохмотьями виситъ и качается по волѣ вѣтра. И не въ пожаръ костры эти могутъ привести ночнаго путника въ содроганіе, представляя нерѣдко самые фантастическіе образы фосфорическимъ свѣтомъ своимъ, но въ это время они просто ужасны!..

Ночью отъ росы и затишья, пожаръ обыкновенно стихаетъ и этимъ временемъ надо пользоваться, если днемъ была неудача, и приступать снова къ странному, для необычныхъ, средству тушенія, что называется *клинь клиномъ* выгонять.

Раставивъ народъ вдоль избранныхъ направлений, при чемъ, по возможности, пользуются дорогами, проселками, мочажинами**), ручьями и тому подобнымъ—всѣ, отъ мала до велика, начинаютъ сбивать мотыгами и

*) Какъ описываютъ натуралисты ящеровъ сажень въ сорокъ длиною.

**) Мокрая, сырая мѣста.

заступами дернъ, по сказаннымъ направлениямъ, и стараются образовать канавку или вѣрнѣе лунку шириною около аршина, и отъ самой лунки начинаютъ зажигать сухой мохъ и подготовленные небольшіе костры сухихъ лапъ, шишекъ и проч. Однимъ словомъ, стараются искусственно поджечь всю линію, обойденную лункой и идущую вдоль дорогъ и всего вышесказаннаго. Зажигаемый искусственный пожаръ, не находя горючихъ матеріаловъ по протяженію лунки, дорогъ и пр., и не имѣя достаточной силы, при ползучемъ, въ началѣ, огонькѣ своемъ, переброситъ пламя по вѣтру, чрезъ канавку, оберегаемую всѣми рабочими, немедленно тушащими непріязненные попытки его (для чего каждый рабочий имѣетъ въ рукахъ метелку изъ свѣже-нарубленныхъ, длинныхъ березокъ), ширится противъ вѣтра и ползетъ на встрѣчу коренному пожару — и такимъ образомъ отжигаетъ все пройденное пространство, такъ что наземные матеріалы уже не могутъ питать ярость кореннаго пожара, но по мѣрѣ расширенія своего и согрѣванія атмосферы, искусственный огонь становится сильнѣе и сильнѣе; пройдя нѣсколько десятковъ сажень въ ширину по всей отжигаемой линіи, онъ самъ уже дѣлается *пожаромъ*, а не искусственнымъ огонькомъ и стремится все быстрѣе и быстрѣе на встрѣчу противнику, не смотря на противодействие вѣтра, который лишь опредѣляетъ направленіе отрываемыхъ, горящихъ лапъ и путь кореннаго пожара; идущаго по свѣ-

жимъ, не отожденнымъ мѣстамъ, но не можетъ помѣшать медленному разширенію пламени, ползущаго съ травки на травку и только замедляемаго имъ въ наступательномъ дѣйствіи. Наконецъ искусственный пожаръ вступаетъ въ палящую, огнедышащую атмосферу гонимаго вѣтромъ настоящаго пожара и яростно бросается на встрѣчу ему; бой по всей линіи оглашаетъ окрестность, по мѣрѣ смѣшенія противныхъ силъ. Эти мгновенія бываютъ торжественны!.. Тутъ чудятся и артиллерійскіе залпы, и взрывы, и пламенные зубчатые строи лѣсныхъ великановъ, напорающіе другъ на друга и борющіеся всѣми крутыми жаромъ, переплетеными своими вѣтвями!.. Однимъ словомъ—картина величественная, поразительная для глазъ и для слуха!..

Пламя вздымается стѣна на стѣну и, при страшныхъ порывахъ проявляетъ мгновенно исчезающіе смерчи или столпы клубящагося пламени, винтообразно взвивающагося къ небу, и послѣ этой общей схватки, гдѣ рухнулъ не одинъ величавый титанъ, презиравшій ярость всѣхъ урагановъ, все затихаетъ; пламя садится, и смрадъ, несжигаемый имъ, покрываетъ окрестность, чадитъ, выкуриваетъ глаза и стелется низомъ во мракъ: одни необъятыя груды вѣтроломныхъ костровъ долго пламятютъ еще въ смрадномъ чаду, и отъ времени до времени садясь и рушась, извергаютъ миллионы искръ, исполинскими, фейерверочными снопами разсыпавшихся надъ пожарищемъ. Картина изъ грозно-ве-

личественной дѣлается грустною, тяжелою и печальною, какъ послѣ битвы. Такъ кончается лѣсной пожаръ, если неосмотрительные сторожа не перепустятъ его чрезъ лунку, или при сильномъ вѣтрѣ и продолжительной засухѣ опавшая, сухая хвоя со стоячихъ деревьевъ не проложитъ новаго пути для единаго, пресмыкающагося пламени, которое тотчасъ, даже чрезъ нѣсколько недѣль, затаенное въ дуплахъ и старыхъ пенькахъ, во разлугое вѣтромъ, выползаетъ изъ тайниковъ своихъ и съ иглы на иглу, съ обломка на обломокъ, перебирается до свѣжаго лѣсу, гдѣ повторяетъ всѣ свои ужасы, если не будетъ перехвачено во время

Всего чаще и легче переходитъ оно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ближе къ лункѣ и первоначально отжигаемымъ линіямъ, гдѣ искусственное пламя ползло смиренно и не поспѣвало сжигать стоячихъ деревьевъ, но сушило ихъ и ускорило осыпаніе хвои, которая, въ свою очередь, служить проводникомъ для новаго пожара.

Вотъ почему, если возможно, надо проводить отжигаемыя линіи чрезъ мелколѣсіе, легко и быстро подрубаемое въ слѣдъ за искусственнымъ огнемъ, въ который и должно бросать этотъ молодятникъ, чтобы по обсыпающей съ него хвоѣ вновь не пробрался затаенный огонь. Еще лучше, по прекращеніи пожара, уничтожить совершенно, на нѣсколько сажень отъ лунки и всей бывшей охранительной линіи, все сгораемое, подрубивъ и сжегши или, при нѣкоторой

цѣнности дровъ, ставивъ въ костры весь уцѣлѣвшій лѣсъ и лежація колоды, для употребленія по надобности.

Надо замѣтить, что верховый пожаръ случается только при значительномъ вѣтрѣ, гонящемъ пламя стремительно; обыкновенно же пожаръ идетъ низомъ и поднимается лишь по однимъ сухарямъ и то весьма мѣлкатно; бываютъ однако же случаи, когда пожаръ не только бѣжитъ по вершинамъ, но переносится бурю изъ мѣста въ мѣсто, на большія пространства, что г. Зарубинъ, въ № 19 Русск. Вѣст. за прошлый годъ, и называетъ, кажется, огненными клубами или шарами. Клубы эти ни что иное, какъ свившіяся, скрученныя жаромъ, пылающія лапы хвойныхъ породъ, оторванныя бурю или паденіемъ деревь. Эти свившіяся лапы, частію обращенныя уже въ раскаленный уголь, частію еще горячія, чрезвычайно легки и несутся по вѣтру на большія пространства, роняя на пути своемъ пламенные обломки, возбуждающіе непрерывные, новые поджоги, которые разрастаются въ свою очередь и представляютъ, впереди главнаго пожара, множество мелкихъ. Последніе грозятъ охватить со всѣхъ сторонъ тушащихъ, положеніе которыхъ дѣлается чрезвычайно опаснымъ и заставляетъ отступить отъ всѣхъ попытокъ къ спасенію лѣса. Это было со мною въ описанномъ пожарѣ, переносившемся нѣсколько разъ черезъ отжигаемыя линіи и понудившемъ отстаивать

лишь деревья и имущества, окончательно спасенныя все таки не людьми, а Богомъ, ниспославшимъ, въ милосердіи своемъ, почти неожиданный дождь на всю ночь. Вотъ почему, я предлагалъ верстовыя просьбки по теченію рѣкъ, по межѣ частныхъ владѣльцевъ съ казною и еще койгдѣ, по соображенію мѣстности, лишь бы не слишкомъ рѣдко; а по рѣкамъ началъ бы эти просьбки съ тѣхъ мѣстъ, откуда возможенъ весенній сплавъ, при очищенномъ руслѣ *).

Вотъ откуда все о лѣсныхъ пожарахъ, развѣ какой обиженный духъ-покровитель лѣсовъ снова нашепчетъ кой-что забытое; но расквитавшися съ лѣшимъ, пострадавшимъ отъ пожара, надо похлопотать и о горѣ, причиняемомъ ему топорами *бездлинно и безпошлинно*, чего онъ крайне не жалуется, увѣренный, что при порядкѣ, владѣнія его гораздо долѣе сохранились бы. Потому, въ угоду сосѣду, разясню разныя обстоятельства при вывозкѣ негосподскихъ лѣсовъ.

*) При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что пожаръ, разросшійся на нѣсколько верстъ при сильномъ вѣтрѣ, тушить почти нѣтъ никакой возможности—и надо лишь думать о спасеніи деревень, гдѣ обыкновенно свозятъ все имущество въ одно мѣсто, на средину поля, и закидываютъ землею; только продолжительный дождь, или широкая рѣка, при безлѣсныхъ берегахъ, могутъ остановить такой пожаръ. Верстовыя просьбки замѣнили бы этотъ послѣдній случай.

III.

Простонародный взгляд на повѣрки конторъ и на самихъ ревизоровъ, присылаемыхъ отъ господъ для этихъ повѣрокъ.

Въ прошлыхъ и будущихъ статьяхъ мнѣ часто случалось и опять случится говорить о ревизіяхъ и повѣркахъ въ лѣсномъ дѣлѣ, а какъ въ нынѣшнее время въ модѣ, даже у значительныхъ помѣщиковъ, посылать ревизоровъ, для открытія злоупотребленій по вотчинамъ, то нелишнимъ считаю высказать практической взглядъ смѣшленныхъ мужичковъ и старыхъ, уже не служащихъ конторщиковъ на это дѣло, необходимое въ конторахъ обширныхъ вотчинъ и при различныхъ заводахъ, фабрикахъ и компанейскихъ предпріятіяхъ.

Долголѣтняя опытность научила меня дорожить мнѣніемъ всякихъ *мелкихъ, но толковыхъ* специалистовъ и всякихъ *мѣстныхъ* жителей, лишь бы дѣло касалось, такъ сказать, *насущныхъ* интересовъ, *насущныхъ* условий ихъ благосостоянія. — Въ этихъ случаяхъ они выказываютъ такую *смѣтку*, такую *находчивость* для *временныхъ* улучшеній, которыя озадачили бы любого экономиста. Безъ обиняковъ сознаюсь, что весьма цѣню мнѣніе даже толковыхъ мужичковъ, которые часто оправдываютъ пословицу, что *кофтанъ-отъ и сѣръ, да умъ никто сѣтъ*, и потому въ дѣлахъ *мѣстныхъ*, не требу-

ющихъ ученыхъ, многостороннихъ соображеній, и въ особенности если мужикъ лично, *отдѣльно отъ общества*, не заинтересованъ въ нихъ, — я всегда стараюсь вывѣдать мнѣніе и взглядъ этихъ *мѣстныхъ карифеевъ*, этихъ существъ, превращенныхъ въ практику, и часто мнѣ удавалось слышать отъ нихъ такіа притчи и замѣчанія, которыя не бесполезны бы были и для людей съ гораздо обширнѣйшимъ кругозоромъ, нежели мой, помѣщичій.

Такъ, однажды, разговаривая на базарѣ съ однимъ крестьявиномъ, слышшимъ въ околоткѣ за сѣшленого и сторожкаго (острожнаго, хитраго), и старымъ отставнымъ конторщикамъ одной дальней вотчины (чрезвычайно бывальымъ), мнѣ случилось услышать о господскихъ ревизорахъ и ревизіяхъ мнѣнія совершенно различныя, но не лишеныя интереса, по примѣнимости своей къ разнымъ случайностямъ. Между прочимъ разговоромъ старикъ замѣтилъ мнѣ, что у жены моей съ братьями управленіе весьма просто, что въ нашихъ конторахъ по одному бурмистру съ земскимъ, а что вотъ, въ другихъ мѣстахъ, въ конторахъ-то и управляющіе, и конторщики, и бухгалтеры, и кассиры, и еще ревизоры присылаются для повѣрокъ. Я отвѣчалъ, что при большихъ дѣлахъ и заглазномъ управленіи это необходимо, и что все это было у покойнаго тестя моего, какъ вдругъ смурый себе-сѣдникъ мой (сторожкаго и смѣшленный), перебивъ конторщика, собиравагося про-

должать разговоръ, съ сдержанною усмѣшкой и лукавымъ простодушіемъ спросилъ меня: «А что, батюшка, левизоръ-отъ, коко жалованье получать отъ помѣщика-то? Поболѣть, чтоль, чѣмъ управляющей украть-то сможетъ, али поменѣ? — И на отвѣтъ мой, что вѣроятно меньше, замѣтилъ: Видно, богатый-то барамъ одного вора мало—денежки шальные!» А почему же ты думаешь, что ревизоръ долженъ быть непременно плутъ? спросилъ я.—«А не плутъ, такъ дуракъ,—нынѣ все такъ больше между холопства водится, анъ ничего правды-то и не узнаешь;—да и гдѣ между хамова племени ихнимъ братомъ, честныхъ найдти—вѣстимо каженный холопъ—чорту съ родни, а вотъ, батюшка, кабы господа-то съ нашимъ братомъ *съ дремучимъ*, почаще потолковывали—такъ болѣть бы узнали!... Вѣдь есть промежъ насъ такіе, что ровно куль мучной: трянешь за уголь — посыллется; трянешь за другой — опять посыллется; да такъ, батюшка, и не вытрянешь! А куда ни попадала пыльца, — *кажись и было, а все не чисто, все мести надо*. Вотъ что!... присовокупилъ онъ значительно. Ты только съ мужикомъ-то спознайся прежде, а то ничего не узнаешь,—народъ нынѣ сторожекъ сталъ!... Да не погнѣвайся, батюшка, за притчу мою, я вѣдь такъ, спросту!...» — Но на эту оговорку крестьянина старый конторщикъ счелъ приличнымъ сдѣлать возраженіе, чтобъ не уронить, предъ окружающими, значенія чернильнаго племени. — «Нѣтъ, умная голова,

со вшами, сказалъ онъ, озираясь на окружающихъ, вашъ-этъ братъ мужикъ, округъ себя и многоноко знаетъ, ину пору послушать годится, да есть въ конторахъ такіа дѣла, о которыхъ вы и чуютъ не можете, вотъ почему ревизоръ-отъ и нуженъ? Да и не все холопы въ конторахъ, прибавилъ онъ съ достоинствомъ, а есть и изъ приказнаго званія а въ кампанейскихъ конторахъ, али за Кіевомъ, такъ есть и господа, альбо шляхта, такъ тутъ ревизоры-то, что твой становой или баринъ какой, — только иные ужъ больно гордыбачуть надъ нашимъ братомъ конторщикомъ, ино мѣсто, такъ всю контору въ лоскъ и положить! Вотъ, примѣрно сказать, продолжалъ онъ, стараясь сколько могъ поддѣлываться подъ мѣстное нарѣчіе, чтобъ быть понятымъ, у нашей покойной княгини за Москвой весь судейскій порядокъ въ конторѣ производился, и прошенія отъ крестьянъ на гербовой принимались, и вся контора по отдѣленіямъ, да по столамъ раздѣлена была, и секретари были, и столоначальники, и кассиръ, и бухгалтеръ, и что ни есть всякая всячина, — да какъ послѣ покойницы сынокъ-отъ прислалъ ревизора (а дѣлъ-то, видно, понакопилось, и ужъ въ отставкѣ былъ), такъ тутъ контора-то увидала жару, мнѣ нали въ чужѣ страшно было; благодарилъ Создателя, что убралъ изъ конторы-то до поры до времени.

Всѣ близь стоявшіе слушали внимательно, и старикъ, довольный эффектомъ, значительно поглядывалъ на всѣ стороны.

Такъ какъ я не разъ слышалъ о причуд-

ливыхъ выходкахъ знаменитой въ свое время покойной княгини и о формальной торжественности въ конторахъ ея, то мнѣ самому любопытно было дослушать исходъ ревизіи такой министерской конторы, тѣмъ болѣе, что знаменитая старуха всю жизнь сама занималась управленіемъ имѣніями и никогда не допускала совершеннолѣтняго сына своего вмѣшиваться въ вотчинныя дѣла, и потому, заинтересованный самъ, я подстрекнулъ словоохотнаго старика рассказать объ этой памятной ему ревизіи.

«А вотъ батюшка, сказалъ онъ, покуда самъ-отъ въ конторѣ, то все молишь Бога, чтобъ ревизоръ былъ попроще, помягче, да поподатливѣй, — а мужички-просители, да всякіе другіе подвѣдомственные, хотятъ, чтобъ былъ построже: все думаютъ, вотъ моль, онъ ихъ тамъ перевернетъ, такъ дѣла-то у насъ пойдутъ какъ по маслу. А какъ вотъ, выйдешь изъ конторы-то, да *суть-то* въ ней знаешь, — да всяку белиберду, такъ и молишь Господа, чтобъ пошпуковатьѣй, да помирнѣй былъ, а то не жди добра, шути бѣда приключится.

«Я тебѣ, батюшка, расскажу, какъ въ то время у насъ въ конторѣ-то было.

«Я въ отставку вышелъ, недавно должность сдалъ, пансіону чайлся, капиталы небольшие, просьбинку напутствовалъ одними молитвами, такъ кто объ ней poradѣтъ, въ случаѣ какого несчастія? И достанется подавать съизнова, а все изъяснъ, — вѣдь на гербовой, да проволочка опять. Я же видалъ,

какую передрягу задаетъ строгій ревизоръ въ какой бы конторѣ-то ни было, а нашъ-то на ту бѣду еще заставлялъ всѣхъ по ночамъ работать, приводить въ исправность, заканчивать, а тутъ конторщикова-то дрема беретъ, да тоска такая, кто табачкомъ пробавляется, а кто и водочкой. — Случилось мнѣ разъ, такъ ночью, зайти въ контору-то, увидалъ огонь въ окошкѣ, а резолюціи по пансіону ждалъ; гляжу, одинъ конторщикъ ровно шальной, отъ табаку ли, отъ водочки ли, или ужъ просто отъ заботы. Баринъ самъ знаешь, былъ значительный и ревизоромъ какого-то полковника прислалъ, (такъ тутъ и къ беззаботной головушкѣ забота приступитъ), такъ гляжу, конторщикъ-то и лѣзетъ въ шкафъ съ бумагами; свѣчка въ правой рукѣ, лѣвою все достаетъ какія-то засунутыя въ задъ шкафа бумаги, да никакъ не можетъ ихъ вытеревить изъ-за огромныхъ кипъ рѣшенныхъ дѣлъ; — вздумалъ подсоблять правою рукою, а свѣчку все держитъ въ ней же — меня невидитъ; гляжу ужъ обертка одной кипы коптится такъ, что чадъ валить, а ему и горюшки мало — все подвигаетъ тѣ, что въ задъ-то шкафа были засунуты, — ну долго ли тутъ до грѣха? Пожалуй, всю контору сожжетъ? Я внезапно выхватилъ у него свѣчку, а онъ такъ и обернулся! Что, я говорю, какъ это ты, Фома Иванычъ, никакой осторожности несоблюдаешь? Конторщикъ посмотрѣлъ на меня изъ подлобья, а у самого глаза-то мутные, да желтые — «Ужъ одинъ бы конецъ, про-

ворчалъ онъ сквозь зубы, а то съ нашимъ-то ревизоромъ ужъ не до осторожности! День пишешь, ночь пишешь, все-то дрожми дрожмишь—ажно одурь возметъ, замаешься, да хоть самъ головой въ омутъ радъ!» Такъ съ этакимъ ревизоромъ, подумалъ я, надо ночью почаще въ контору-то заглядывать. Съ тѣхъ поръ, бывало, какъ услышу, что въ контору ревизоръ ѣдетъ (а ихъ начали каженный годъ присылать), такъ все моллю Господа, чтобъ умудрилъ его, да хитростямъ вразумилъ, а то какъ зареветь, аки драконъ какой, да учнетъ страдать, да грозить, такъ всѣ такъ переполошатся, что и цыгарки свои, окаявныя, огнемъ въ ротъ совать стануть, не то что конторскія бумаги отъ салныхъ свѣчъ беречь.

«Такъ вотъ, батюшка, я и думаю: съ мѣстными жителями, большимъ господамъ поговорить-то и хорошо, пускай бы и писали къ нимъ кто грамотный (вѣдь они лучше знаютъ, что у нихъ дѣется, имъ ближе видно, а то вѣстимо, круговая порука, одинъ другого затронуть боится); да все же, безъ ревизоровъ, по крупнымъ дѣламъ, въ большихъ конторахъ, обойтись нельзя, — да только надо, чтобъ ревизоръ-отъ *ублаготворенъ* достаточно былъ отъ барина, да *похитрѣ дѣло велъ*, а то отъ грозныхъ, да неприступныхъ мало проку выходитъ! — Еще скорѣе вотчину раззорять, — вѣдь всякому прикрыться надобно! Такъ тутъ и поджоговъ жди и другихъ плутовъ! Кажись, кабы въ ту пору князь-отъ не спохватилъ-

ся, да не подмѣнилъ, въ скорости, ревизора-то, такъ тутъ бы и на подтопку ничего не осталось. Два разъ лѣса начинали горѣть и амбары съ хлѣбомъ!.. — Ужъ наконецъ всепрощеніе объявилъ, тутъ только поутушилось!..»

VIII.

Еще о промыслахъ.

Главный промыселъ степнаго побережья Ветлуги, какъ уже было сказано въ первой статьѣ о промыслахъ, есть рогожный, и весьма немногіе, при случаѣ, въ досужее время, курятъ смолу, если удастся изъ окраинъ полей своихъ или съ луговой стороны Ветлуги подвести нѣсколько *вискарей* или *ворги* *); всѣ же денежные мужики занимаются тѣми промыслами, гдѣ, при исчисленіи ихъ, я въ подробности разъяснилъ рогожный промыселъ низшаго разряда и тѣ отрасли промышленности, которыми занимаются въ *лѣсныхъ деревняхъ*; но о лучшей рогожѣ, занимающей, какъ и низшая,

*) *Вискарею* называется смольный пень, выкопанный изъ земли со всеми отростами корней и лежащій уже на боку. *Воргою* зовутъ *спришки*, т. е. вершины растущихъ деревьевъ, на которыхъ оказались значительныя наплывы смолы, вытекающей изъ трещинъ, что случается довольно рѣдко.

большую часть рукъ прибрежнаго края Ветлуги, я только упомянулъ слегка, какъ о предметѣ, мало знакомомъ мнѣ, за которыми не имѣлъ случая слѣдить въ подробности, по отсутствію его въ женниномъ имѣніи; по возвращеніи же изъ ополченія, я нарочно вникъ въ этотъ промыселъ, чтобъ пополнить статью о промышленности, а слѣдственно и самое описаніе.

Рогожа лучшая, верхи по нашему, т. е. наружная рогожа куля, сшивается изъ двухъ рогожь, верхней и исподней, тчется изъ одного пуда мочала по 6 и 7 штукъ, глядя по сухости или сырости этого матеріала, т. е. если суше, такъ больше, и обратно.

Цѣна за 100 такихъ рогожь, въ хорошіе годы, отъ 11 р. 40 к. до 14 р. 30 к. сер.; средніе же верхи, т. е. рогожа не столь плотная, выдѣлывается изъ пуда числомъ отъ 7 до 8 штукъ, и продается отъ 5 руб. 90 к. до 8 р. 80 к. сер. за сотню.

Полный станъ, въ составъ котораго, какъ уже было сказано въ прежней статьѣ, входятъ 2 большихъ и 2 подростка, вытыкаетъ хорошихъ верховъ до 60 въ недѣлю, а среднихъ до 65; но бываютъ годы, въ которые таже самая рогожа продается въ половину показанной цѣны, а иногда нѣсколько выше. Сухое мочало обходилось въ то время, когда были описаны промыслы, по 60 к. сер. за пудъ, а сырое много дешевле.

Такъ какъ въ рогожномъ промыслѣ низ-

шаго разбора я вывелъ расчетъ еженедѣльной выручки со стана въ хорошіе и плохіе годы, то считаю нужнымъ представить таковой же и для рогожь лучшаго сорта, чтобъ избавить читателей отъ скучныхъ соображеній.

Для примѣра возьму *высшія* цѣны *лучшихъ годовъ* и тѣ же цѣны за сухое мочало, какія были выставлены въ статьѣ о рогожномъ промыслѣ низшаго разбора, въ № 4-мъ Моск. Вѣд., чтобы сравнить выручки отъ этихъ двухъ промысловъ, кормящихъ почти все народонаселеніе степнаго прибрежья Ветлуги.

Прошу замѣтить, что промыслы, объясненные мною, были описаны за нѣсколько мѣсяцевъ предъ ополченіемъ, а послѣднія статьи, начиная съ помѣщенной въ № 4-мъ Моск. Вѣд., пишу уже по возвращеніи изъ ополченія, и включаю въ нихъ только нѣкоторые выдержки изъ прежнихъ рукописей, почему долженъ держаться тѣхъ цѣнъ, какія были предъ ополченіемъ, чтобы сравниваемые цѣны относились къ одному времени, ибо теперь всѣ цѣны измѣнились.

Вотъ окончательные выводы еженедѣльныхъ выработокъ:

Лучшей рогожи, изъ сухаго мочала, выдѣлывается по 7 штукъ изъ пуда; а такъ какъ станъ выдѣлываетъ ихъ по 60 въ недѣлю, стало быть, для 60 рогожь требуется съ небольшимъ $8\frac{1}{2}$ пуд. сухаго мочала въ недѣлю.

Полагая мочало по 60 к. сер. за пудъ , какъ и въ рогожномъ промыслѣ низшаго разбора , получимъ на 5 р. 10 к. сер. мочала въ недѣлю; а полагая за 100 лучшихъ рогожъ 14 р. 30 к. сер. , при выработкѣ 60 рогожъ въ недѣлю , выручитя 8 руб. 58 к. сер. на станъ.

По вычетъ , изъ этой цѣны , стоимости мочала — 5 р. 10 к. , — останется чистаго барыша 3 р. 48 коп.

Изъ этого расчета видно , что выручка высшаго сорта рогожи почти одинакова съ выручкой исподовъ , при одинаковой цѣнности мочала , ибо и въ расчетъ барышей отъ низшаго сорта , т. е. исподовъ , тоже оказывается 3 р. 60 к. сер. еженедѣльной выручки. Я приблизительно показалъ 4 р. сер. въ хорошіе годы; но и выручка отъ высшаго сорта , т. е. верховъ , иногда также доходить почти до 4 р. сер.; въ плохіе же годы , выручка бываетъ , какъ и въ низшемъ сортѣ , половинная и даже меньше , ибо мочало , какъ всѣ лѣсные матеріалы , постоянно прибываетъ въ цѣнности и чило промышленниковъ увеличивается , а потому цѣнность работы падаетъ. Рогожа эта , не смотря на меньшую нѣсколько выручку , на покупномъ мочалѣ , противъ исподовъ , обыкновенно бываетъ выгоднѣе для производителей , нежели исподы , по той причинѣ , что большею частію работаетя такими семьями , которыя въ состояніи мочить мочало сами , а не покупать его на базарахъ , почему и выручка бываетъ гораздо значи-

тельнѣе. Услѣдить за выручкой промышленниковъ , ткущихъ рогожу изъ собственного мочала , вѣрнѣе , изъ мочала собственной мочки (такъ какъ въ своихъ лѣсахъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ собственного мочала почти нѣтъ ни у кого , кромѣ какъ на лапти и другую мелкую потребность) , нѣтъ никакой возможности , ибо весь этотъ промыселъ зависитъ отъ *случайностей*; но , въ общемъ расчетъ бываетъ выгоднѣе , нежели изъ покупнаго мочала.

Я держусь цѣны на нашихъ *Воскресенскихъ* базарахъ или скуповъ рогожи по дворахъ у самихъ производителей; но Лысковскія цѣны несравненно выше , глядя по тяжести матеріала и слѣдовательно количеству , укладываему на одноконный возъ , да кромѣ того и по случайному , совершенно внезапному иногда требованію отъ вновь подѣхавшихъ купеческихъ *суммъ* (суммами у насъ вообще называютъ купцовъ , и говорить: *большая сумма* или *малая сумма* , желая выразить богатство купца и значительность его торговаго капитала; также говорить: *много суммъ* пріѣхало въ Лысково , опредѣляя тѣмъ , что много съѣхалось купцовъ , закупающихъ хлѣбъ и слѣдственно , рогожу).

Упомяну о тѣхъ промыслахъ , которые не распространены по всему околотку , но занимають исключительно какія нибудь селенія: такъ напримѣръ , есть у насъ деревня , занимающаяся большею частію дѣланіемъ корбочекъ , корбушекъ и огромныхъ коробовъ

изъ елевой тоненькой драпицы, толщиною въ картонъ и шириною около двухъ вершковъ. Въ нашемъ краю, короба эти употребляются для всякой всячины, отъ носки сѣна и мякны до сажанія овецъ съ ягнятами въ короба, имѣющіе около сажени длины и около двухъ аршинъ ширины съ высотой нужною для помѣщенія этихъ животныхъ, которымъ кормъ дается въ окошечки, нарочно для того устроенныя.

Есть то же деревня, занимающаяся дѣланіемъ колесъ какъ изъ покупнаго дуба съ березовыми ступицами, такъ и изъ собственной осины. Еще одна производитъ елевья бороны. Лапти же плетутъ старики, а слѣпцы исключительно топчуть сукно.

Тутъ же кстати рассказать горестное впечатлѣніе, которое произвелъ на меня ужасный промыселъ гонки чистаго пароваго дегтя въ желѣзныхъ казанахъ.

Ужасенъ не самый способъ гонки, но способъ добыванія матеріала для этого производства.

До ополченія, я мало обращалъ вниманія на казанную гонку, потому что на сотню горшковъ или корчагъ и чугунныхъ котловъ, посредствомъ которыхъ гонять у насъ, по произволу, смолу или деготь, глядя по матеріалу, т. е. смола, или береста положена въ нихъ, насчитывалось не болѣе пяти казановъ для гонки чистаго дегтя; но въ послѣдніе годы, при усилившемся требованіи и поднявшейся цѣнѣ на матеріалъ этотъ, казановъ прибавилось, и при многократно

описанной мною безпечности нашего народа, усиленіе этого промысла произвело въ лѣсахъ ужасныя послѣдствія!

Хотя, при корчажномъ промыслѣ, промышленники и рубили березу подъ корень выѣсто того, чтобъ сдирать бересту на корню дерева, которое не засыхаетъ отъ этого и снова обростаетъ со временемъ; но на этотъ промыселъ болѣе требовалось бересты толстой, одѣвающей обыкновенно толстыя, приземистыя березы; изъ тонкой же бересты, называемой, по нашему, скалою, выходилъ деготь густой и дурнаго качества. Въ казаны, напротивъ, идетъ скала, даже самая тонкая и съ самыхъ молодыхъ деревьевъ, почему алчность промышленниковъ, при страшной безпечности, подрубаетъ подъ корень самыя молодыя деревья и даже зимой рветъ съ нихъ доскутьями молоденькую скалу, и такимъ образомъ засоряетъ лѣса и уничтожаетъ всякую надежду на поправку ихъ, покуда не будутъ приняты какія нибудь рѣшительныя мѣры для отвращенія этого зла, дѣкрываемаго глушью и непроходимостью лѣсовъ, болѣе и болѣе засоряемыхъ.

Я упрямо стою на томъ, что въ каждомъ лѣсномъ промыслѣ до тѣхъ поръ будутъ длиться страшныя уклоненія, покуда не будетъ широкихъ, длинныхъ и частыхъ просѣкъ, допускающихъ легкое наблюденіе за лѣсами и скорое раскрытіе зла. Но, при бездорожицѣ и непроходимости лѣсовъ, нѣтъ возможности высшему начальству услѣдить за всѣми безпорядками, а лѣсные пожары,

ничѣмъ не останавливаемыя и поддерживаемыя валежникомъ, окончательно прикрываютъ всякое зло.

IX.

Воды и торговля на нихъ.

Каждый помѣщикъ, имѣющій пристани и лѣса, въ которые онъ допускаетъ изъ-за попенной пошлины, выправляетъ билетъ на сплавъ для раздачи торговцамъ, занимающимся въ лѣсахъ его. Такъ какъ слѣдить за истиннымъ количествомъ и качествомъ вырубленного торговцами лѣса слишкомъ хлопотно и обошлось бы дороже пошлины, при методѣ грузить плоты на ледъ, который прорубается и даетъ возможность плоту погружаться въ воду съ каждымъ новымъ ярусомъ лѣсу¹⁾, то къ барскому лѣсу, иногда плохому и дешевому и всегда сходному въ попенной пошлинѣ, присоединяется отличный казенный, за который пошлина весьма дорогая, а провозъ случается ближе господскаго, отъ той же пристани. Потому, для приличія, тутъ же нанимается лѣсо-промышленниками пристань на вывозку по билету изъ негосподскаго лѣса, сотни или

¹⁾ Эта прорубка дѣлается рабочими для облегченія нарузки, которая гораздо удобнѣе на плаву въ уровень со льдомъ, чѣмъ сверхъ льду, ибо въ первомъ случаѣ, огромныя бревна легко передвигаются по произволу рабочихъ.

двухъ крижей; а вывезти мимо наемной пристани на барскую, гдѣ пошлина низкая, иногда удается порядочно¹⁾ Баринъ же²⁾ или управляющій лишь заботится о томъ, какъ бы болѣе насчитать лѣсу на своей пристани, и всячески ухитряется, чтобъ не проскользнули мимо пальцевъ подводные ряды плотовъ, а изъ чьего они лѣсу, изъ его или изъ негосподскаго, ему и дѣла нѣтъ: отвѣтъ не его, да на пристани и разбирать мудрено, а въ лѣсахъ рубить по произволу, гдѣ кто задумалъ. Полѣсовыхъ же или сторожей, для надзора за рубкой, у насъ не держать; но часто бываетъ лѣсничихъ по одному на нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ, какъ было у моего сосѣда, у котораго два лѣсничихъ обходили сорокъ три тысячи десятинъ лѣсу! При такихъ условіяхъ слѣдить за возкой, разумѣется, не кому; помоги только Богъ счесть на пристани (и тутъ обмануть), а всякій рубль *деньга*. Я бы и въ этомъ случаѣ предложилъ способъ, который старался ввести у себя, чтобъ не быть обмануту промышлен-

¹⁾ Барскій же билетъ прикроетъ и всѣ другими путями сплавленные лѣса, ибо всегда берется на большее противъ настоящаго сплава количество, на всякій случай.

²⁾ Я говорю *баринъ*; но въ сущности *баръ* по всей Велдугѣ, на 300 верстахъ теченія ея, не болѣе 3-хъ или 4-хъ человекъ, а то вездѣ управляющіе или бурмистры, съ которыми сдѣлка не мудреная.

никами, но исполненіе его потребуетъ лишнихъ людей или лишней дѣятельности. Способъ этотъ состоитъ въ томъ, чтобъ отнюдь не позволять свозить лѣсъ прямо на пристань, но прежде обваживать въ костры¹⁾, гдѣ онъ и долженъ быть соченъ лѣсничимъ; а такъ какъ иной лѣсничій не самъ считать будетъ, то вѣрнѣ ли будетъ счетъ, не ручаюсь. Къ этому надо прибавить, что если лѣсничій замедлитъ счетомъ, въ особенности при сплавѣ на малыхъ рѣкахъ, то промышленники легко могутъ пропустить время сплава, ибо малыя рѣки сбѣгають несравненно быстрѣ большихъ и надо дорожить временемъ.

Замѣчу еще, что на иныхъ рѣкахъ принято считать лѣсъ даже не на пристаняхъ, куда первоначально вывозятъ срубленный лѣсъ, а на самомъ устьѣ при впаденіи въ Волгу или другую огромную рѣку; но такъ какъ на этихъ устьяхъ сталкивается плотомъ необозримое количество, на нѣсколько верстъ длиною по теченію и въ поперсты шириною, то вникнувъ въ это дѣло, всякій пойметъ, какая можетъ быть вѣрность въ счетѣ, да и можно ли ручаться, чтобъ быстро несомые плоты, въ особенности недлиннаго дровянаго, лучиннаго и дручковаго лѣса²⁾, доходящаго до устья

¹⁾ Кое-гдѣ это дѣлается и въ казнь, но далеко не вездѣ.

²⁾ Дручкомъ называется березовый лѣсъ въ 4 аршина длиною, вершка 2 въ отрубъ, кото-

въ разное время, не проскользнули мимо счету, вмѣстѣ со льдомъ, прежде чѣмъ протянуть канатъ впереди устья, для задержки плотовъ и повѣрки. Даже тогда, когда канатъ уже протянутъ, запружающіе рѣку плоты, на необозримомъ пространствѣ шерпые и затисканные одинъ подъ другой, или стоящіе ребромъ, отъ натиска представляють столько затрудненій для быстрого и вѣрнаго счета, что, разумѣется, счетъ этотъ производится не самими лѣсничими и ревизорами (которымъ бы этой работы хватило на долгое время), но объѣзчиками и полѣсовыми, т. е. низшею инстанціею, которая въ холодное, весеннее время, на обледѣлыхъ покатосяхъ плотовъ, выпертыхъ постояннымъ натискомъ сзади и представляющихъ небольшія, наклонныя площадки съ непрерывными окошками въ воду (куда безпрестанно рискуешь окунуться, ступая по заледѣлымъ круглякамъ покатыхъ бревенъ), такъ убѣждена въ невозможности повѣрить ея промахи, что не весьма заботится о вѣрномъ счетѣ. Притомъ, канатъ *живая вещь*, его можно и приподнять, при случаѣ, въ ночное время, для пропуска переднихъ плотовъ.

Для ясности пусть представятъ, что

рый по осмотру лѣсничихъ оскабливается и грузится въ сплавныя бѣланы, или барки, для сплава въ низовыя губерніи, гдѣ употребляется на мельничные пальцы, цѣвки и другіе предметы.

сплавныя рѣки, на которыхъ для повѣрки перехватываютъ плоты канатами, гораздо прежде вздуваютъ воды свои, нежели Волга и другія большія рѣки¹⁾; слѣдственно, течение, или по нашему поновъ воды, бываетъ чрезвычайно крутой и быстрый при устьѣ до тѣхъ поръ, пока главная рѣка не начнетъ подниматься и не подрудить сплавныхъ рѣкъ, въ которыхъ, по мѣрѣ усиленія подруды отъ главной рѣки, течение становится все слабѣе и слабѣе, и наконецъ обращается назадъ, такъ что на иныхъ пологихъ рѣкахъ Волжская подруда дѣйствуетъ обратно, противъ течения ихъ, верстъ на 40 и болѣе. Въ это время, когда напоръ рѣкъ уже совершенно уничтоженъ и даже обращенъ вспять, было бы чрезвычайно легко считать бревна въ подводныхъ рядахъ и повѣрять количество плотовъ; но тогда уже поздно, плоты давно должны бѣжать по Волгѣ, чтобъ воспользоваться всѣмъ временемъ прибыли. Оттого и повѣряютъ ихъ въ то бѣдственное время, когда они перемѣшаны еще съ обломками льду и обдаются леденѣющею водою, при покатѣ къ устью, съ значительнымъ дифферендомъ на каждой сажени, отъ чего часто взворачиваетъ плоты на ребро или подсовываетъ носовые края ихъ—подъ бортовые переднихъ и обратно. Вотъ почему я и предлагаю повѣрку въ *кострахъ*, но повѣрку дѣятельную, не замедляющую хода

¹⁾ Исключенія бываютъ чрезъ многіе годы.

торговли, да кромѣ главнаго каната на устьѣ, еще *нѣсколько подобнахъ* вверхъ по теченію на *перезульяхъ*, т. е. узкихъ мѣстахъ рѣки, и чтобъ эти канаты ни гдѣ не снимались до окончательной убыли воды.

Говоря объ уклоненіяхъ на пристаняхъ, гдѣ часто пользуются господскими пристанями, чтобъ скрыть отъ пошлины вывозку изъ негосподскихъ лѣсовъ, и гдѣ при системѣ подводной грузки въ проруби на льду, мудро свести вѣрный счетъ бревнамъ, въ особенности дознатъ ихъ достоинство, для опредѣленія пошлинъ по положенію, — я разумѣлъ только пристани открытыя, заведенныя на значительное количество плотовъ и на значительныхъ рѣкахъ; но сколько есть малыхъ пристаней по всѣмъ затонамъ мелкихъ, извилистыхъ лѣсныхъ рѣкъ, впадающихъ въ главную сплавную рѣку и не подвергаемыхъ осмотру и перечеку лѣсныхъ начальствъ, но остающихся, по видимому, совершенно для нихъ неизвѣстными! Есть даже множество плотовъ, которые готовятся одиночками, безъ всякой пристани, на низинахъ, затопляемыхъ полою водою и къ которымъ вѣтъ другой дороги, кромѣ прокладываемой хозяиномъ изъ того мѣста, гдѣ рубится лѣсъ.

Большая часть всѣхъ этихъ одиночныхъ плотовъ и тѣхъ, которые на малыхъ приставяхъ, по вскрытіи весны, проводятся порядками только чрезъ сорныя мѣста мелкихъ рѣчекъ и останавливаются тамъ, гдѣ уже не боятся съѣсть на мель и гдѣ мо-

гут перегрузиться и ждать, пока кончится ревизія на устьѣ главной сплавной рѣки, при опущенномъ канатѣ. Тогда, по подъѣмѣ каната, плоты выплываютъ изъ засадъ своихъ, быстро перегружаются въ нѣсколько ярусовъ, если еще не перегрузились прежде, и свободно проходятъ въ Волгу.

Этотъ неправильный сплавъ продолжается во все время полои воды до самой ея убыли; по мѣрѣ убыли плотовщики убавляютъ количество рядовъ при перегрузкѣ, и наконецъ гонять ихъ совсѣмъ безъ перегрузки *однорядками*, до послѣдней возможности пройти по главной сплавной рѣкѣ. Такимъ образомъ, множество плотовъ *импровизируется* даже ранней весной, въ самую бездорожицу, когда розыскать ихъ на берегахъ нельзя иначе, какъ пѣшему или верховому; но гораздо большее число заготавливается по первозимью, заносится въслѣдствіи мелкимъ снѣгомъ и остается въ неизвѣстности даже для полѣсовыхъ и объѣзчиковъ, или служить имъ *вмѣсто дойной коровы*. Но всѣ пути этого хитраго дѣла объяснить мудроно: это потребовало бы слишкомъ подробныхъ разъясненій. Тоже можно замѣтить и о промыслѣ смольномъ и другихъ отрасляхъ лѣснаго хозяйства, почему считаю приличнымъ привести въ заключеніи слова *Видока*: знаменитый сыщикъ, описывая въ мемуарахъ своихъ предохранительныя средства противъ извѣстнаго разряда людей, предлагалъ всѣмъ, для узнанія вѣрнѣйшихъ средствъ, приходить къ нему на домъ за

изустными наставленіями, прибавляя, что «егда между ними и грамотные есть, пожелай вычитаютъ, такъ ихъ на этомъ и не поймашь.»

Говоря о водахъ нашего края, я долженъ замѣтить, что въ общемъ заглавіи статей моихъ неясно опредѣлена мѣстность, которую преимущественно описываю, ибо Заволжская часть Макарьевского уѣзда заключаетъ въ себѣ и все побережье луговой стороны Волги, съ значительнымъ народонаселеніемъ по самому берегу. Описывая мѣстные промыслы, я предвѣдомляю читателей, что собственно предметъ мой есть *сѣверная* половина Заволжской части уѣзда, называемая Ветлужскою, или Нижегородскою Сибирью, а побережье Волги, раздѣленное съ нашимъ краемъ дремучими лѣсами съ непроходимыми лѣтомъ болотами, чрезъ которыя зимой прокладывается описанная мною въ Ялокшинская дорога (нерѣдко чрезъ медвѣжьи берлоги), мало мнѣ извѣстно въ отношеніи повѣрій и обычаевъ. Оттого я коснусь только нравственности, промысловъ и мѣстности, да и то далеко не съ тою подробностію, какъ о Ветлугѣ (мѣстное сокращенное названіе всего Ветлужскаго края), извѣстной мнѣ *въ лапотъ*, какъ говорятъ крестьяне наши, когда хотятъ выразить совершенное знаніе мѣстности.

Но прежде описанія водной нашей системы, опять поспорю съ г. Зарубинымъ о

нѣкоторыхъ предметахъ, описанныхъ имъ въ № 19-мъ «Русскаго Вѣстника» за прошлый годъ.

Во первыхъ, рѣка Уста слишкомъ значительна по сплаву своему, чтобы г. Зарубинъ, какъ сосѣдній житель, могъ ошибиться въ показаніи впаденія ея, и потому я считаю это опечаткою. Какъ бы то ни было, Уста впадаетъ не въ Волгу, какъ сказано въ статьѣ г. Зарубина, а въ *Ветлугу*, нѣсколько выше торговаго и базарнаго села Воскресенскаго, извѣстнаго, какъ я уже говорилъ, всѣмъ лѣснымъ промышленникамъ и несравненно значительнѣйшаго въ торговомъ отношеніи, рогожнымъ промысломъ въ особенности, не только Баковъ (описанныхъ г. Зарубинымъ), но всѣхъ окружныхъ городовъ, слишкомъ на сотню верстъ. Весь Устовскій сплавъ, проходя мимо Воскресенскаго и слѣдуя по Ветлугѣ верстъ полтораста, нѣрѣдко вступаетъ на Волгу, пройдя уже чрезъ перекупныя руки, что *крайне важно въ торговомъ отношеніи*, почему, взявъ на себя нѣкоторымъ образомъ обязанность этнографа и статистика края, я долженъ вывести на свѣжую воду краснобурья воды Усты. (Красный цвѣтъ воды есть принадлежность большей части лѣсныхъ рѣкъ).

Во вторыхъ, мнѣніе, что рыба уменьшается въ Ветлугѣ, яко бы отъ смолянаго промысла, т. е. отъ сплава смолы и дегтю въ полою воду, кажется мнѣ неосновательнымъ. Вѣроятно г. Зарубинъ, описывая, что песокъ на днѣ Ветлуги отзывается дегтемъ, пробовалъ его на мѣстахъ пристаней,

заливаемыхъ полою водою, гдѣ нѣрѣдко бываютъ выпущены цѣлыя бочки смолы и дегтю и вся мѣстность облита сочащимся и капающимъ изъ бочекъ матеріаломъ этимъ или суровцомъ, т. е. жидкимъ, водянистымъ отстоемъ изъ смолы и дегтю, который, вѣроятно, могъ бы употребиться на что нибудь полезное и, кажется, употребляется на рыбацкія снасти въ нѣкоторыхъ дальнихъ губерніяхъ. У насъ же, по безпечности и невѣдѣнію, онъ весь выливается наземь, иногда по нѣскольку ведеръ изъ бочки, такъ что песчаная почва Ветлужскихъ пристаней на нѣсколько вершковъ и болѣе пропитана смолистыми веществами и, разумѣется, имѣетъ запахъ и вкусъ, нѣсколько отзывающійся смолою; но въ другихъ мѣстахъ песокъ не имѣетъ ни малѣйшаго запаха, и если г. Зарубинъ нашелъ въ немъ это качество, то или окружающіе предметы были пропитаны этимъ запахомъ, или сосудъ и ложка, которою онъ пробовалъ, были замазаны дегтемъ, или, даже, самыя руки его, если пробовалъ щепотью. Я знаю по опыту, что сидя на бѣлянѣ или вообще на Ветлужскихъ судахъ и плоткахъ, на которыхъ всегда есть смола и деготь, трудно уберечься, чтобы липкій и вѣдчивый товаръ этотъ не передавалъ запаха и матеріальныхъ частицъ своимъ всему окружающему. Потомъ прошу замѣтить, что какъ деготь, такъ и смола, по легкости своей расплываются по водѣ, что и самъ г. Зарубинъ высказалъ въ описаніи отравленія рыбы въ маленькомъ озерѣ, по-

средствомъ известнаго количества смолы, выпущенной на воду. Какимъ же образомъ подводный песокъ можетъ получить запахъ смолы, не могущей никогда опуститься на дно рѣки по своей легкости, и не надо ли приписать неудачную пробу г. Зарубина тому, что около всякаго свѣжеосмоленнаго судна, особливо же бѣлянъ, которыя хотя и не смолятся (почему и называются бѣянами), но никогда не возвращаются, а изрубаются на дрова или стройку, на низовыхъ пристаняхъ, и слѣдовательно всегда новы, есть тончайшій слой плавучей смолы, которая неминуемо зачерпывается вмѣстѣ съ водою съ борта бѣяны или вновь осмоленнаго судна и незамѣтнымъ образомъ проглатывается вмѣстѣ съ водою. А въ началѣ сплава, когда смольные глазки, по обилію отдѣляющихся смолистыхъ частицъ изъ всѣхъ сучьевъ елевыхъ короръ, т. е. копаней днища и всего новаго корпуса бѣяны, или отъ свѣжей осмолки судна, еще такъ густы, что замѣтны простому глазу, они даже сливаются прихотливыми людьми съ поверхности зачерпнутой воды — и слѣдовательно, должны попадать и на зачерпнутый песокъ. Но малое количество упускаемаго дегтя, при огромной массѣ свѣжей внешней воды, безпрестанно обновляемой и освѣжаемой бѣснующимися потоками, ровно ничего незначить для рыбы, ибо Ветлуга въ полую воду уже отъ самаго Варнавина, который выше Баковъ, захватываетъ верстовыя и болѣе пространства луговъ и низинъ, и подни-

мается на нѣсколько сажень выше межонка¹⁾; слѣдовательно, кубическій объемъ свѣжихъ водъ и квадратное пространство поверхности ихъ такъ огромны, что можно съ увѣренностію выпустить всю Ветлужскую смолу въ Ветлугу, и она разгонитъ рыбу лишь на томъ узкомъ пространствѣ, которое займетъ на поверхности расплавившаяся своею массою, ибо быстрота весенняго теченія самой Ветлуги и непрерывно низвергающіеся внешніе ручьи и водопады стремительною своею не дадутъ смолѣ расплыться широко и въ первомъ затонѣ съ прижимнымъ вѣтромъ, или гдѣ вода ходитъ кругами, она, осмоливъ берега, оставитъ значительную часть свою до слѣдующихъ затоновъ, гдѣ окончательно растеряется.

Кромѣ того замѣчу, что весною въ полую воду, мнѣ случалось вытаскивать лучшія топи рыбы, въ нѣсколько десятковъ ведръ, именно близь пристанныхъ затоновъ, гдѣ вся земля обливается каждагодно смолою; но при свѣжихъ, вѣсныхъ и непрерывно обновляемыхъ водахъ, рыба охотно гуляетъ по пристаннымъ, хотя и смольнымъ берегамъ, гдѣ находитъ для себя пищу отъ разныхъ съѣстныхъ и другихъ остатковъ, не смытыхъ быстротою водъ въ тихихъ пристанныхъ затонахъ; стало быть пропитанный смолою песокъ, залитый обновляемою свѣжею водою, не пугаетъ рыбы, а Ветлуж-

¹⁾ Межонкомъ называется стояніе воды въ рѣкахъ въ обыкновенное время года.

ское дно и заливаемое ею пространство, кро-
мѣ пристаней, никогда не видали на себѣ
дегтя и смолы, не могущихъ погружаться
въ воду. Въ озерцѣ же, описанномъ г. За-
рубиннымъ, вода, вѣроятно, мало освѣжалась,
и была почти стоячая, и будучи закрыта
сплошною массою смолы, не получала до-
статочнаго притока воздуха, задерживаемаго
смолою. Кромѣ того, всѣ мелкія насѣ-
комыя, живущія на стоячихъ водахъ, мош-
ки и казявки, въ нихъ попадающія, должны
были подохнуть, а лещи, посаженные ры-
бакомъ, хватая ихъ на поверхности водъ,
вибѣствъ съ тѣмъ глотали и смолу, которая
отравляла ихъ; даже лягушки и цѣвки, не
могущія постоянно держаться въ водѣ, дол-
жны были передохнуть, выныривая на по-
верхность, и въ свою очередь быть причи-
ной отравленія такой прожорливой рыбы,
какова напр. щука ¹⁾). Вотъ мое предположе-
ніе; но если бы гг. ученые свизонили съ вы-
сокихъ предметовъ своихъ до смиреннаго
предмета питанія человѣчества, то можетъ
быть оказалось бы, что оба мы съ г. Зару-
биннымъ фантазируемъ: онъ относительно
уменьшенія рыбы въ Ветлугѣ отъ смольнаго
промысла, а я относительно объясненія мо-
его, почему вся рыба передохла въ озерѣ,
котораго поверхность покрылась смолою. Но

¹⁾ Но все это возможно лишь при безветрїи: ина-
че смолу неминуемо пригнало бъ къ одному
берегу, и потому я думаю, что и безъ смолы,
сама вода озера была не по лещамъ.

будемъ терпѣливо ждать съ г. Зарубиннымъ,
чтобы какой набудь ученый, вибѣство живаго
леща, скушалъ дохлаго, *весьма противнаго*,
и тогда, можетъ быть, свѣтъ узнаетъ под-
линную причину явленія!!

Я не сталъ бы такъ долго распростра-
няться о предметѣ, который не считаю важ-
нымъ, потому что уничтожить смольный
сплавъ отъ того, что онъ имѣетъ въ которое
вліяніе на уменьшеніе рыбы, едва ли возможно
и разчетливо. Такъ какъ цѣль моцъ показать
неоспоримыя причины уменьшенія рыбы, не
только въ Ветлугѣ, но и во всѣхъ значитель-
ныхъ рѣкахъ, то я считалъ нужнымъ *подробно*
и *убѣдительно* опровергнуть мнѣніе г. Зару-
бина. Успѣлъ ли я въ этомъ, или нѣтъ, —
пустъ судятъ читатели.

Теперь, сначала, выскажу собственные
незначительныя замѣчанія на счетъ убавле-
нія рыбы въ Волгѣ и въ некоторыхъ прито-
кахъ ея, а потомъ приступлю къ причинамъ
неопровержимымъ. Несомнѣнно, что умень-
шеніе рыбы идетъ въ обратной пропорціи
съ увеличеніемъ народонаселенія и, слѣд-
ственно, съ усиленіемъ потребности въ ней.
Самое улучшеніе путей сообщенія умень-
шаетъ рыбу въ Волжскихъ притокахъ, об-
легчая перевозъ ея въ дальніе отъ Волги
края—почему при большомъ спросѣ и под-
нятіи цѣны, подстрекаетъ рабочія руки къ
усиленію этого промысла и значительнѣй-
шему занятію рыбною ловлей. Быстрое дви-
женіе пароходовъ по Волгѣ, помогая скорѣй-
шему развозу соленой, вяленой, сушеной и,

вѣроятно, живой рыбы, ибо пароходы могутъ вести за собою на буксирѣ огромныя рыбныя прорѣзы, какъ то дѣлается на Невѣ, непрерывно увеличиваетъ спросъ рыбы въ *низовыхъ при-Волжскихъ губерніяхъ*, откуда поднимается она къ намъ, и гдѣ преимущественно изобилуетъ. Это усиленіе спросовъ отъ улучшенія путей сообщенія развиваетъ рыбный промыселъ въ огромныхъ размѣрахъ и, стало быть, способствуетъ уменьшенію рыбы.

Кромѣ того, да простятъ мнѣ пароходныя кампаніи, къ которымъ я питаю глубокое уваженіе, сочувствуя пользамъ ихъ во *многихъ отношеніяхъ*: шумъ пароходовъ долженъ пугать рыбу, и съ увеличеніемъ числа ихъ, рыба чаще будетъ забѣгать въ тѣ Волжскіе притоки, въ которые пароходы не проникаютъ. Близъ Астрахани, если пароходовъ разведется много, можетъ быть непрерывный шумъ ихъ даже помѣшаетъ иной мнительной и подозрительной рыбкѣ проходить мимо ихъ вверхъ по Волгѣ, такъ что и самыя пароходы будутъ имѣть вліяніе на уменьшеніе рыбы въ Волгѣ, откуда поднимается она въ притоки, но за то, будутъ способствовать привозу ея изъ Каспійскаго моря; не менѣе того, жители Волжскихъ притоковъ все же ощутятъ уменьшеніе ея въ самой Волгѣ. Предположеніе это можетъ быть и пустое, но многіе считаютъ достовѣрнымъ, что непрерывный шумъ отъ пароходовъ въ Камышевой бухтѣ, во время послѣдней войны,

разогналъ въ ней всю рыбу (если только пушечные выстрѣлы громомъ своимъ не были тому причиной).

Говори о пароходахъ замѣчу, что винтовые пароходы, устраиваемые вмѣсто одного огромнаго архимеда съ двумя, въ половинные радиусы, что дастъ имъ возможность ходить по рѣкамъ, будутъ менѣе спугивать рыбу, нежели пароходы съ колесами, производящими, кромѣ волненія на поверхности, страшный шумъ, чего нѣтъ при винтовыхъ пароходахъ; а шумъ этотъ, есть *тотъ самый шумъ*, котораго, по мнѣнію рыбаковъ, болѣе страшится рыба, ибо онъ происходитъ отъ ударенія колесныхъ *плитъ о поверхность воды*, что, повторяю по мнѣнію ихъ, чрезвычайно раздражительно дѣйствуетъ на тонкіе слуховые органы рыбы, мало поражаемой шумомъ и трескомъ на землѣ близъ самыхъ водъ; напротивъ, она глушится до безчувствія ударомъ обуха по льду вблизи ея стоянки или прохода, когда ледъ не покрытъ еще снѣгомъ.

Я высказываю мнѣнія рыбаковъ, увѣряющихъ, что рыба глушится не дѣйствіемъ самаго удара, т. е. не болью его, но именно *гуломъ*, распространяющимся въ водѣ, тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе она находится къ мѣсту удара; но я не физикъ, не натуралистъ и разрѣшить эту задачу на себя не беру. Я знаю только, что многіе рыбаки такъ думаютъ и никогда не скажутъ *бить рыбу*, но *глушить*, производя это слово отъ *оглушенія*, т. е. отъ пораженія слуховыхъ орга-

новъ, а не отъ болѣзненнаго дѣйствія удара по лбу. Въ подтвержденіе этого мнѣнія можно прибавить, что при тонкомъ, *прошибаемомъ* льдѣ, рыба не оглушается, но всегда убѣгаетъ; при толстомъ же, не *прошибаемомъ*, *оглушется* и *одуряется* отъ страшнаго гула. Я, съ своей стороны, позволю себѣ еще одно замѣчаніе. Не испытываетъ ли рыба поражающаго дѣйствія, въ родѣ удара, отъ внезапнаго и сильнаго давленія значительной поверхности воды при ударѣ обухомъ, когда ударъ этотъ не проламываетъ, но только потрясаетъ ледъ, а съ нимъ вмѣстѣ и воду?

Однако, чтобы не раздражить пароходныхъ компаній, настаивая на вредѣ ихъ въ отношеніи рыбы, придержусь Русскаго обычая, т. е. послѣ побранки *подмажу*, а не то, пожалуй, и на пароходы пускать не стану, чтобъ не нашелъ и еще чего вреднаго. И такъ, закончу съ пароходами, благодаря ихъ отъ души за стѣсненіе бурлацкаго промысла, который, надо надѣяться, съ умноженіемъ пароходовъ станетъ все меньше заманивать разгульный народъ нашъ. Это будетъ огромнымъ шагомъ къ будущему благоденствію при-Волжскаго народонаселенія, которое всѣ распутства, болѣзни и пьянство главнымъ образомъ выноситъ изъ бурлацкаго промысла, именно пьянствомъ и распутствомъ заманивающаго крестьянъ нашихъ, отвыкающихъ въ немъ отъ домашней жизни, отъ постояннаго труда, порядка, бережливости и всѣхъ крестьянскихъ до-

бродѣтелей. Болѣзни, выносимыя изъ этого промысла, передаются бурлаками семьямъ своимъ и даже цѣлымъ деревнямъ; заработки же большею частію малы, да и тѣ пропиваются на дорогѣ, если значительная часть ихъ не отберется конторами, прямо отъ купцовъ, въ видѣ задатковъ, за выставленныхъ бурлаковъ, а отъ послѣднихъ за оброчныя недоимки или подушныя и другія повинности. Изъ вотчинъ, которыя состоятъ на барщинахъ, бурлаковъ ходитъ несравненно меньше, да и то отъ большихъ семей, отпускающихъ только людей благонадежныхъ и рѣдко въ простые бурлаки, но больше подъ руку къ прикащикамъ или въ кашевары, или даже въ мелкіе прикащички. Не говорю о тѣхъ крестьянахъ, которые въ бурлакахъ ходятъ водоливами и лоцманами. Эти люди, въ особенности лоцмана, получая жалованье несравненно высшее противъ бурлаковъ, часто выносятъ изъ промысла значительныя деньги, но надо признаться, что лоцмана большею частію пьяницы. Это, впрочемъ, довольно натурально, при тяжелой ихъ работѣ, особливо на пароходахъ, гдѣ во время цѣлой путины въ нѣсколько недѣль они не имѣютъ другаго отдыха какъ на грядкѣ, подлѣ руля, почти всегда сидя, не смотря ни на какую погоду, вьюгу, мятели, снѣгъ и даже значительный морозъ раннею весною и въ глубокую осень.

Я давнишній врагъ бурлацкаго промысла, и лишь только получилъ власть надъ крестьянами, какъ елико возможно стараюсь из-

бѣгнуть несчастной необходимости отпустить крестьянъ на этотъ промыселъ.

Теперь выскажу *достовернѣйшія* и *неоспоримыя* причины уменьшенія рыбы на Волгѣ, другихъ Волжскихъ притокахъ и самой Волгѣ. Эти причины состоятъ въ нѣкоторыхъ способахъ ловленія рыбы. Сюда относятся: разные самоловы, мѣшающіе рыбѣ подниматься вверхъ по рѣкамъ, къ особенностямъ *черныхъ снасти*, или крючья, нанизанныя на волосянки, прикрѣпленные къ бичевкамъ, и куколевана, отравляющая рыбу. Оба эти способа противозаконны. Въ подтвержденіе словъ моихъ, представляю въ примѣчаніи выписку изъ Свода Законовъ для поясненія всѣхъ этихъ противозаконностей, а самъ займусь только черными снастями и куколеваной ¹⁾.

¹⁾ Черныя снасти и многія самоловныя средства до такой степени повсемѣстны и общеупотребительны, что съ трудомъ поверишь, чтобы противъ средствъ этихъ существовало какое нибудь запрещеніе. Куколевана же употребляется въ рыбной ловлѣ, хотя тоже почти безъ опасенія, но больше для домашняго употребленія, всякимъ прибрежнымъ людомъ, а не для продажи, какъ черныя снасти съ прочими самоловами. Вотъ одна о же выписки изъ законовъ, запрещающихъ всѣ эти средства: развѣ нѣтъ ли чего новаго, мнѣ неизвѣстнаго?

Близъ береговъ морей, озеръ, рѣчныхъ устьевъ, равно какъ и въ самыхъ рѣкахъ, запрещается производить ловъ рыбы самоловами и другими снастями, которыя препятствуютъ свободному ходу рыбы изъ моря въ рѣчныя

Черныя снасти употребляются такъ: на бичевку огромной длины, иногда въ версту

устья и съ низу вверхъ по рѣкамъ. (Св. Зак. Т. XII, разд. 4, гл. 2, ст. 499).

Самоловы, какъ сказано въ примѣчаніи къ этой статьѣ, состоятъ изъ протянутой на большое разстояніе въ водѣ, иногда поперегъ всей рѣки, веревки или тонкой бичевки, навѣшанной крючьями. Къ числу самолововъ также принадлежатъ переметы, такъ называемыя перегородки, забойки, переборы и колоссы, рыболовныя уды, имѣющія желѣзные крючья, сайчатки и тому подобныя снасти. Вредъ всѣхъ этихъ снастей заключается въ томъ, что въ пользу ловцовъ едва ли достается одна изъ ста рыбъ, ибо онъ съ крючковыхъ срывается и раненныя, въ скоромъ времени пропадаютъ въ водѣ, не принося никакой пользы.

Статью 1139-ю Уложенія о наказаніяхъ полагается за употребленіе снастей денежное взыскаііе: въ 1-й разъ, вдвое противъ того, чего можетъ стоить очищеніе сихъ мѣстъ, а снасти отдаются въ пользу Приказа; во 2-й разъ виновные, сверхъ того, лишаются навсегда права производить рыбные промыслы.

Статью 1140-ю: За употребленіе самолововъ въ 1-й разъ 30 р., 2-й 60 р., 3-й 90 р., а въ 4-й заключеніе въ тюрьмѣ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ.

Статью 1142-ю: За окормку рыбы въ 1-й разъ отъ 10 до 50 р.; во 2-й отъ 50 до 100 р., въ 3-й виновные подвергаются заключенію въ тюрьмѣ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ и церковному покаянію.

и даже болѣе, нанизываются удочки, насаженные на волосняки, на которыхъ вѣстѣ съ крючками вздѣты пробки, чтобы крючекъ не ложился на дно. Эти волосняки въ нѣсколько вершковъ длины и отстоятъ одна отъ другой по протяженію бичевки на четверть и нѣсколько болѣе; закладываются вдоль теченія, намокая спускаются довольно низко, а удочки, поддерживаемыя пробками, колышатся теченіемъ. Рыбка, гуляя между крючьевъ, задѣваетъ бокомъ и ловится обыкновеннымъ порядкомъ. Это бы ничего, но на ту бѣду часто задѣвая за крючья бокомъ или крыльями, она срывается, и тогда раненая мечется какъ бѣшеная, спугивая прочую рыбу и загоняя ее нерѣдко на тѣ же крючья. Такимъ образомъ ранится рыбы множество, и часто она околѣваетъ безъ всякой пользы для лова; да и та, что остается на удѣ, отчаянными движеніями тоже спугиваетъ рыбу, которая, приближаясь къ трепещущейся, бываетъ сама въ свою очередь ранена мотающимися крючьями.

Представьте же себѣ, какая суматоха идетъ подъ водою около черныхъ снастей, на которыхъ непремѣнно, чрезъ каждыя нѣсколько сажень, бѣснуетъ какая нибудь задѣтая на крючекъ рыба, приводящая въ движеніе отчаянными порывами своими бичевку съ крючьями.

Снасти закидываются съ одного конца на якорекъ, а съ другаго по теченію на камень, зашитый въ мѣшокъ или завернутый въ тряпкѣ, отъ котораго къ верху пущенъ

поплавокъ изъ куска дерева на бичевкѣ. Рыбакъ осматриваетъ снасть по своему усмотрѣнію. Иногда попадаетъ на мелкіе крючья огромная рыба, которая какимъ нибудь нечаяннымъ случаемъ сидеть разомъ на нѣсколько крючьевъ, глубоко впившихся, и утаскивая всю бичеву за собою, разумѣется со стороны камня, а не якоря, все болѣе и болѣе путается въ ней, нанизывая на себя десятки крючьевъ въ отчаянныхъ движеніяхъ. Такъ, однажды, при мнѣ вытащили осетра, пошавшагося на крючья для мелкой рыбы и опутаннаго бичевой вдоль и поперегъ, съ нѣсколькими десятками крючечковъ въ тѣлѣ, такъ что на немъ вѣроятно было сажень до 10-ти бичевки и трепетало нѣсколько задѣтыхъ рыбокъ.

Второе запрещенное средство, которое хочу описать, есть куколевана, употребляемая такъ. Орѣшки эти, не знаю почему называемые куколевойной и не знаю изъ чего происходящія, но легко добываемые на базарахъ, сначала высушиваются, потомъ толкутся и мѣшаются съ рыхлымъ парнымъ хлѣбомъ, чтобъ легче скатать изъ него шарики, которые и бросаются съ лодки въ воду. Несомые теченіемъ, они приманиваютъ рыбу; та хватается или только откусываетъ ихъ и чрезъ нѣсколько времени, глядя по величинѣ рыбы и откуса, но не долѣе получаса, проглотившая рыба уже не можетъ оставаться въ водѣ, гдѣ сначала мечется изъ стороны въ сторону, потомъ

начинает выскакивать на поверхность и опять метаться въ водѣ, носится какъ бѣшеная на поверхности кругами, а потомъ стрѣлообразно до тѣхъ поръ, пока издохнетъ на поверхности воды и потонетъ или съ размахомъ выкинется на берегъ, что и случается большею частію въ малыхъ рѣкахъ, а съ крупною рыбой и въ большихъ. Издохшую рыбу на берегу собираютъ, ловцы же непрерывно развѣзжаютъ по рѣкѣ и сакамъ, т. е. сѣтками въ видѣ вязаного мѣшка на обручѣ поддѣваютъ бѣснующуюся рыбу, которой гораздо больше унесетъ теченіемъ и потонетъ, нежели сколько достанется въ руки ихъ; но главная бѣда состоитъ въ томъ, что мечущаяся рыба распугиваетъ прочую неотравленную, на значительныхъ пространствахъ мелкихъ рѣкъ и въ омутахъ, служащихъ иногда притоками цѣлымъ семействамъ рыбной породы въ безсметномъ количествѣ. Это средство ловленія стоитъ черныхъ снастей. Не знаю почему, но рѣшительно вся рыба на долгое время скрывается изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ была отравливаема, хотя можетъ быть сотая или тысячная доля ея схватила отраву или проглотила отравленныхъ мелкихъ рыбокъ, что дѣйствуетъ одинаково.

Мнѣніе г. Зарубина, будто рыба, разбѣгаясь изъ Ветлуги отъ смольнаго промысла дѣлаетъ мелкія рѣки весьма рыбными, тоже не совсѣмъ основательно. Мелкія рѣки, которыхъ я знаю множество, хотя и дѣйствительно рыбны, но онѣ болѣе берега-

ютъ рыбу свою потому, что въ нихъ мѣнѣе ловить ее для продажи, по невозможности употреблять значительныя снасти отъ засоренія всѣхъ лѣсныхъ рѣкъ каржами, т. е. карягами (иногда изъ цѣлыхъ огромныхъ деревъ со всѣми вѣтвями и корнями), которыя не только задерживаютъ и обрываютъ рыбацкія снасти, но даже заглаютъ канаты, такъ что лѣсопромышленники вынуждены бываютъ обрубать ихъ, не находя средствъ выдернуть заѣденные ковцы.

Дно всѣхъ лѣсныхъ рѣкъ нашихъ въ разныхъ направленіяхъ завалено иногда исполнинскими деревьями, которыя несутся въ полную воду быстротою теченія и льдами, но потомъ при паденіи водъ упираясь вѣтвями и корнями въ днище понижающихся рѣкъ, все углубляются болѣе и болѣе въ землю, которую сначала вымываетъ и уноситъ изъ-подъ нихъ сильнымъ теченіемъ, но потомъ, при меньшемъ стремленіи водъ, заливается, такъ что никакая сила не своротитъ ихъ съ мѣста; торчащія рога ихъ обрываютъ сѣти, заѣдаютъ канаты, останавливаютъ плоты и проламываютъ суда. Я слыхалъ, что бываютъ между береговыми жителями такіе спекуляторы, которые нарочно спускаютъ въ воду противъ деревень своихъ, хотя не каржи, но надежныя пни, доставляющіе имъ выгодный промыселъ ссаживать плоскодонныя славянныя суда и плоты съ этихъ искусственныхъ препятствій, возобновляемыхъ ими ежегодно на разныхъ мѣстахъ.

Вотъ, по моему мнѣнію, причина сбереженія рыбы въ мелкихъ рѣкахъ, зависящая отъ естественныхъ преградъ къ вылавливанію ея въ значительномъ количествѣ.

Въ заключеніе сдѣлаю замѣчаніе на мнѣніе г. Зарубина объ удобствѣ двухъ-верстовой канавы со шлюзомъ, для поимки рыбы въ такомъ незначительномъ озерѣ, какое описалъ онъ, т. е. около версты длины и отъ 15 до 20 сажень ширины, когда дно этого озера ниже уровня воды той рѣки, куда должно спустить его (замѣчаніе это пишу для предостереженія тѣхъ, кто вздумалъ бы очертя голову рискнуть на подобную вѣру).

Во первыхъ, прокапывать канаву въ 2 версты длиною и такой ширины и глубины, чтобъ сманить въ нее рыбу или выпустить воду изъ озера, въ которомъ водятся огромныя щуки, обойдется весьма не дешево, даже при совершенно ровной покатоности къ рѣкѣ; но если площадь отъ озера къ рѣкѣ безъ покатоности, т. е. горизонтальная, и имѣетъ хотя незначительные бугорки, то канава обойдется чрезвычайно дорого, потому что на 2 верстахъ надо дать порядочный уклонъ канавѣ, чтобъ заставить воду идти съ быстротою, безъ чего легко можетъ случиться, что выпускаемую воду поспѣетъ замѣнить вода изъ родниковъ и ключей, наполняющихъ озеро, ибо есть много озеръ, не понижающихъ водъ своихъ ни въ какую засуху, хотя она поглощаетъ большое количество влаги. Стало быть, родники

поспѣваютъ пополнять убыль и слѣдовательно достигнется съ каждой саженью все болѣе и болѣе углубляться въ горизонтальную площадь, да кромѣ того и самый незначительный бугоръ при большой ширинѣ канавы прибавитъ много кубическаго количества выбрасываемой земли и окажется, что каждая погонная сажень обойдется около рубля серебромъ, если не дороже. Такъ какъ при этомъ могутъ случиться (что обыкновенно бываетъ около прибрежій лѣсныхъ рѣкъ) подземныя каржи, т. е. давнишнія каряги, заносимыя землей во время половодій на луговыхъ, озерныхъ берегахъ рѣкъ, то прорубать ихъ для прорытія канавы много прибавитъ расхода и цѣна работы возвысится чрезвычайно, что коротко мнѣ извѣстно изъ опытовъ; количество же рыбы, еслибъ и всю ее можно было добыть изъ озера, что потребуетъ канавы по крайней мѣрѣ полутора-саженной глубины и болѣе 2-хъ сажень шириною, едвали окупило бы такой значительный расходъ, какаго потребуетъ канава. Сверхъ того, послѣднюю по всей вѣроятности будетъ ежегодно заносить иломъ или пескомъ, что случается на поемникахъ; но если въ озерѣ останется на сажень или хоть на 2 аршина воды, то при множествѣ пней, колодъ и всякихъ каржъ, какъ описывается самъ г. Зарубинъ, все-таки рыбы поймать не удастся, потому что она неохотно оставляетъ такія мѣста, гдѣ чувствуетъ себя въ безопасности, и рѣшается выходить изъ

нихъ лишь тогда, когда боится совершеннаго обмелѣнія. Но крупная рыба никакъ не пойдетъ по мелкой канавѣ, а между каржъ и колодь иногда и лодкѣ пройти очень трудно, и сътей забросить нѣтъ никакой возможности; стало быть остается одно средство—*багрить*, или, по нашему, *рубить острогой*, что мало расходу выручить.

Прошу почтеннаго сосѣда не гнѣваться на замѣчанія мои... Лѣсные пожары, Ветлужскіе промыслы, канавы и большая часть предметовъ, описанныхъ имъ въ № 19-мъ «Р. Вѣстника», такъ коротко мнѣ извѣстны, что не утерпѣлъ!.. Въ имѣніи жены моей съ братьями, Ветлуга течетъ обоими берегами на 25 верстѣ, а лѣвый берегъ принадлежитъ имъ на 45 верстѣ теченія, и я жилъ на рѣкѣ этой, а поговорка гласитъ, что *два рыбака на однихъ водахъ рѣдко въ ладу живутъ*. Пускай и сосѣдъ добросовѣстно поправитъ меня въ чемъ ошибаюсь, но разумѣется лишь въ тѣхъ предметахъ, которые *хорошо* извѣстны ему, а такихъ представится въ описаніяхъ моихъ, можетъ быть, много; я же, съ своей стороны, обѣщаю опаривать лишь то, что, по совѣсти, кажется мнѣ знакомымъ. Хотя я и очень хотѣлъ бы потолковать о лѣчебныхъ средствахъ его, но не скажу ни слова, пусть вопросъ этотъ рѣшаютъ эскулапы!.. Средство лѣчить лихорадку подпаливая пупырошки на тѣлѣ больного, или лѣченіе падучей болѣзни свѣжими, не ношенными овчинами, такъ диковинно, что я думаю у самого Ганемана на

томъ свѣтѣ слюнки текутъ. И почему же, въ самомъ дѣлѣ, Россія не можетъ произвести *овчинопатію*, какъ Германія произвела *гомеопатію*. Первая также близка къ нашей Русской натурѣ, какъ послѣдняя къ мечтательной натурѣ Нѣмцевъ; да и самый матеріалъ лѣчебный намъ больно по сердцу. Вѣдь у насъ не даромъ говорить: *до Духа не снимай кожуха, а послѣ Духа мало и двухъ!*

Съ такимъ направленіемъ *овчинопатіи*,— поле открытее!.. Впрочемъ, и въ другихъ средствахъ г. Зарубина замѣтно направленіе къ чудесному и симпатическому; а мнѣ про *симпатіи* и говорить нельзя! — *Тетеньки не приказали!*..

Жаль очень, что курсъ овчинами примѣненъ къ одной падучей болѣзни; мнѣ кажется, разнообразна средство, какъ на примѣръ съ барановъ, овецъ, ягнятъ и валуховъ, да примѣшивая по нѣскольку ношеныхъ, дубленыхъ, крашеныхъ или черныхъ, бѣлыхъ и бурыхъ, можно бы создать полный курсъ *овчинопатическій*, чтобъ не отстать отъ Нѣмцевъ.

Закончивъ междоусобныя распри съ г. Зарубинимъ, приступаю къ водной системѣ.

Имѣя въ виду Ветлужскую часть уѣзда своего, а не при-Волжскую, и не буду распространяться о Волгѣ, разделяющей уѣздъ нашъ на двѣ весьма неравныя половины: нагорную — небольшую, но весьма заселенную, и луговую, вѣрнѣе лѣсную, огромную, населенную (позначительнѣе) лишь около

береговъ Волги и Ветлуги; въ глуши лѣсовъ, все народонаселеніе разбросано по ней маленькими деревеньками, подобно оазисамъ въ обширныхъ степяхъ, какъ уже было сказано. Деревеньки эти большею частію лежатъ на берегахъ рѣкъ и озеръ въ разстояніи 10-ти, 15-ти и даже до 30-ти верстъ отъ Ветлуги; но въ срединѣ, верстахъ на 50-ти и до 70-ти отъ Волги, по всему протяженію уѣзда нѣтъ ни одной деревни, хотя есть множество прекрасныхъ рѣкъ, изобилующихъ луговыми наволоками и рыбой.

Заселены только берега *Люнды* и нѣкоторыхъ ея притоковъ; берега же всѣхъ остальныхъ рѣкъ, кромѣ устья Керженца, рѣшиительно безъ населенія.

Приступаю къ описанію рѣкъ:

Волга описана, переописана и все-таки не дописана множествомъ специалистовъ, послѣ которыхъ, нашему брату помѣщику похлопочать *кой-гдѣ* и можно бы, но какъ-то не приходится, а потому вкратцѣ скажу, что весь лѣвой берегъ ея (о правомъ же и говорить не стану) заселенъ народомъ, сѣющимъ весьма мало, но занимающимся промыслами смольнымъ, дегтярнымъ, дровянымъ, угольнымъ изъ смольныхъ ямъ и вывозкою всѣхъ сортовъ лѣснаго матеріала, кромѣ крупнаго корабельнаго лѣса и крупнаго чигишно. У всѣхъ деревень есть пристани и народъ раздѣленъ на два сорта:

Одни, пообстоятельнѣе, *наживаются*, ухитряясь прикладывать (съ правой стороны)

безпошлинные нули къ пошлиннымъ единицамъ, сплавляемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ.

Другіе, безпечные, *спизаются*, отъ частыхъ пооекъ на *плотовскіе* магариши лѣснаго промысла.

Съ лѣвой стороны Волга принимаетъ въ нашемъ уѣздѣ значительную по сплаву, историческую въ старообрядческомъ отношеніи рѣку *Керженецъ*.

Рѣка эта одна изъ тѣхъ, на которыхъ въ полую воду перехватываютъ плоты канатами. По ней сбѣгаетъ огромное количество лѣсу. Она принимаетъ множество мелкихъ рѣкъ, изъ которыхъ опишу тѣ, которыя впадаютъ въ нее съ правой и лѣвой стороны въ *нашемъ уѣздѣ*, ибо рѣка эта захватываетъ лишь небольшой край ея, и орошаетъ, со множествомъ сплавныхъ и несплавныхъ рѣчушекъ своихъ, весь Семеновскій уѣздъ во всю длину его отъ сѣвера къ югу, а вытекаетъ изъ Костромской губерніи.

Рѣка Керженецъ издревле знаменита женскими *Семеновскими скитами*, населенными, главно, на ней и ея мелкихъ притокахъ; но Семеновскій уѣздъ до меня не касается, я желаю описать лишь *свою часть Макарьевского*, а тамъ есть свои Бовы Королевичи, съ которыми ратоборствовать такому безоружному богатырю, какъ я, — не подѣ силу.

О рѣкахъ, впадающихъ въ уѣздѣ *нашемъ* въ Волгу, Ветлугу, Керженецъ и Люнду, буду говорить единственно съ цѣлью показать обиліе водъ лѣснаго края, стало быть,

обиліе рыбы, луговъ, пастбищъ и источниковъ лѣсной промышленности.

Рѣки эти, какъ уже сказано, болшего частію засорены и не допускаютъ сплава изъ такихъ мѣстъ, гдѣ лѣсъ или гибнетъ отъ пожаровъ, или стгнивая на корню усиливаетъ ярость ихъ.

Но видно духъ-покровитель лѣсовъ, пострадавшій отъ пожаровъ, все еще преслѣдуетъ меня—и отъ таинственныхъ Керженскихъ водъ опять-таки манитъ въ свое урочище; но не поддамся!—И такъ, возвращаясь къ рѣкамъ:

Съ правой стороны въ уѣздѣ нашемъ Керженецъ принимаетъ въ себя незначительную рѣку *Ламную*.

Съ лѣвой, рѣки: *Кугай*, *Ялоксу*, *Арду*, *Вишню*, *Черную* и другія мелкія.

Кугай вытекаетъ изъ болотъ и родниковъ, и съ половины теченія по ней сплавляютъ дровяной лѣсъ, а выше, хотя и можно бы сплавлять, она завалена.

Ялокша вытекаетъ изъ однихъ болотъ и родниковъ съ *Кугаемъ*, значительнѣе *Кугая*, но такъ завалена, что сплавъ по ней весьма незначителенъ, изобилуетъ луговыми мѣстами, заросшими лѣсомъ.

Большая *Арда* вытекаетъ изъ озера *Ардина* и окружныхъ болотъ; она меньше предыдущихъ, но могла бы давать сплавъ, если бы не мѣшали завалы. (*Малая Арда* слишкомъ мала).

Вишня могла бы давать сплавъ, но завалена; изобилуетъ лугами, поросшими лѣсомъ.

Черная даетъ сплавъ краснаго лѣсу, но не по всей рѣкѣ, по причинѣ заваловъ на половинѣ.

Вотъ значительнѣйшія рѣки, впадающія въ Керженецъ и протекающія болшего частію въ нашемъ уѣздѣ; но нѣтъ изъ нихъ впадаютъ уже въ Семеновскомъ.

Въ Волгу въ нашемъ уѣздѣ впадаетъ рѣка *Маза*, которая течетъ вся въ уѣздѣ нашемъ, вытекаетъ изъ однихъ озеръ и болотъ съ *Ялокшей* и *Кугаемъ*; рѣка значительная, держитъ много водяныхъ мельницъ; могла бы доставлять хорошій сплавъ, но завалена такъ, что не даетъ никакого; изобилуетъ лугами расчищенными.

Дорогуча протекаетъ верховьями своими нѣкоторую часть уѣзда нашего и уходитъ въ Васильскій уѣздъ, неся отъ насъ весьма небольшой сплавъ дровянаго лѣсу; впадаетъ въ Волгу.

Ветлуга течетъ въ нашемъ уѣздѣ верстъ около ста. Протекаетъ частію губерній: *Вятской*, *Костромской*, *Нижегородской* и *Казанской* и впадаетъ въ Волгу между послѣдними двумя губерніями, близъ города *Козмодемьянска*. Доставляетъ изъ всѣхъ этихъ губерній огромный сплавъ всѣхъ сортовъ лѣсу, тамъ произрастающаго; по ней сплавляется не одна сотня тысячъ пудовъ смолы и дегтю, много лубу, миллионы рогожъ и всякія другія произведенія лѣснаго хозяйства. Значительную часть лѣта судоходна и только въ сильные жары задерживаетъ судоходство на переборахъ. При усиленіи на-

родонаселенія и промышленности, вѣроятно обратитъ вниманіе, но теперь спитъ, какъ спитъ Сура и дремлетъ Ока (выше Муромъ), поджидая совершеннаго пробужденія своего отъ Коломенской желѣзной дороги.

Съ лѣвой стороны, Ветлуга принимаетъ подъ Елкинымъ весьма значительную сплавную рѣку *Усту*.

Уста протекаетъ очень немного уѣздомъ нашимъ, но теряется въ глубинѣ лѣсовъ Костромской губерніи, и потому доставляетъ обильный сплавъ дѣгтю, тесу, лубу и огромное количество строеваго лѣсу и брусевъ, большею частью безшабашными плотами, которые, какъ по ней, такъ и по Ветлугѣ, почти единственное средство сплава.

Кромѣ этой значительной рѣки, съ той же стороны впадаетъ въ Ветлугу большое количество мелкихъ рѣкъ, въ родѣ тѣхъ, какія впадаютъ и въ Керженецъ; но такъ какъ оныя, по узкости Макарьевского уѣзда вдоль лѣваго берега Ветлуги, далеко не всѣмъ теченіемъ принадлежатъ ему, то скажу вообще обо всѣхъ, что по нимъ выгоняются однорядные плоты въ 4 и 5 бревень шириною, привязанные одинъ къ другому и плывущіе, что называется гусемъ, а по здѣшнему *нугою*, въ нѣсколько плотиковъ.

Съ правой стороны Ветлуга принимаетъ въ себя въ нашемъ уѣздѣ большое количество малыхъ рѣчущекъ, не имѣющихъ никакого значенія для лѣсопромышленниковъ, ибо все теченіе ихъ не выходитъ изъ рай-

она степнаго прибрежья праваго берега Ветлуги, имѣющаго значительное народонаселеніе.

Изъ всѣхъ рѣкъ, впадающихъ съ правой стороны въ Ветлугу, въ Макарьевскомъ уѣздѣ, значительна лишь рѣка *Люнда*.

Люнда доставляетъ нѣкоторый сплавъ, но могла бы сплавать несравненно болѣе, если бы была прочищена, какъ слѣдуетъ, съ значительнѣйшими своими притоками. Оза съ третьей доли своего теченія могла бы поднять сплавныя бѣяны съ дегтемъ и другими лѣсными матеріалами, что сократило бы сухопутный провозъ для лѣснаго промысла; но общая безпечность распространяется и на нее.—Такъ какъ рѣка эта есть *арена*, на которой дѣйствуетъ нынѣ извѣстный вамъ защитникъ духа-покровителя лѣсовъ, пострадавшаго отъ пожаровъ и отъ топоровъ безданны и безошлинно, то есть, вашъ покорный слуга, пишущій эти строки, то для примѣра водной обильности лѣсныхъ рѣчущекъ, я назову никогда не пересыхающіе притоки; на 20 верстахъ теченія средней части этой рѣки, т. е. около моего обитанія, *Люнда* принимаетъ въ себя рѣки: Шешенскую, Шурговашъ, Елховую, Бурьичиху, Безходаренку, Черную, Березовую, Хмѣлевую, Заводную, Марковку, Быстрецъ и Вобчу, а далѣе множество другихъ. Все это количество мелкихъ рѣчущекъ, никогда не пересыхающихъ, впадаетъ на 20-ти верстахъ теченія. Изъ нихъ Хмѣлевая и Быстрецъ, а изъ дальнихъ Висъчъ, сами по себѣ могли

бы дать хорошіе сплавы, но страшно завалены, какъ и самая Люнда, до большой половины теченія.

Къ этому слѣдуетъ пояснить, что въ числѣ рѣкъ, впадающихъ въ Керженецъ, есть такія, которыя не меньше Люнды и почти пропадаютъ для сплава.

Теперь о пристаняхъ.

Пристани при рѣкѣ Ветлугѣ, въ Макарьевскомъ уѣздѣ, слѣдующія:

Подъ Елкинымъ: при впаденіи рѣки Усты въ Ветлугу, болѣе замѣчательна грузкою корабельнаго казеннаго листовнаго лѣса.

Подъ селомъ Воскресенскимъ: грузится смола, деготь, тесь, рогожа.

Подъ Ливихой: смола, деготь, ямный уголь (остающійся отъ выкурки смолы), рогожа, тесь и глиняные горшки.

Подъ Курдомой: ямный уголь, смола, деготь, тесь.

Подъ Копыловымъ: смола, деготь, ямный уголь, тесь.

Подъ селомъ Богородскимъ: рогожа, тесь, смола и деготь.

Подъ Галибихой: рогожа, смола, деготь, ямный уголь.

Подъ Краснымъ Яромъ (Аннино тожь): лѣсъ.

Подъ Докукинымъ: Значительная пристань, на которой грузится ямный уголь, смола, деготь, тесь, и по удобству пристани много строится бѣлянь для другихъ пристаней.

Подъ Сухоборкой, Дурашихой и Ладьгинимъ: грузится тесь, лѣса въ плотяхъ, смола, деготь и подтоварникъ (нетолстые

брусъя сажень пяти длиною, верхковъ 4-хъ въ отрубѣ для забойки въ днище рѣкъ и затоновъ, чтобъ перехватывать рыбу).

Подъ Красногорской: смола, деготь, дровяной лѣсъ.

Подъ Копорулихой и Федораихой: деготь, смола и разный лѣсъ въ плотяхъ.

Подъ Городцами тѣ же предметы.

Подъ Устной Люндой (при впаденіи рѣки Люнды): грузится деготь, смола, дрова и значительное количество лѣсу въ плотяхъ, сгоняемаго какъ по Ветлугѣ съ верхнихъ притоками, такъ и по рѣкѣ Люндѣ, откуда между плотами строеваго лѣса и брусевъ нерѣдко сплавляется легкій чигинь; а крупный, т. е. огромные еловые кругляки отъ 8 до 15 и болѣе сажень длиною, отъ 3 четвертей до 1½ аршина въ комлю и верхковъ 4-хъ въ отрубѣ *), гонятся по рѣкѣ Ветлугѣ и притокамъ ея изъ Костромской губерніи, начиная отъ Макарья-Притыки (погость верстѣ 15 выше Баковъ, описанныхъ г. Зарубинимъ), вверхъ даже изъ-за города Ветлуги, именуемаго нашими раскольниками *Поганой Ветлугой*, потому что въ томъ краю нюхаютъ и курятъ табакъ съ такимъ же остервенѣніемъ, какъ въ другихъ мѣстахъ пьютъ водку, и о праздникахъ справляются не такъ какъ вездѣ, не спрашива-

*) Чигинь употребляется, кажется, для забойки въ днище ва глубокихъ мѣстахъ Каспійскаго взморья и около, гдѣ подтоварникъ не хватаетъ, но можетъ быть и для чего нибудь еще.

ютъ: много ли было водки? — а *табачи-сто ли было?* — И лучшая похвала праздни-ку, коли отвѣтять: *Ужь такъ табачи-сто, что и горшки на столъ* (съ табаками курительнымъ и нюкательнымъ).

Подъ Юркинымъ грузится смола, деготь, дрова и лѣсъ.

Вотъ обыкновенныя наши пристани и обыкновенный грузъ на нихъ; но иногда мѣняются какъ грузъ, такъ и самыя при-стани, ибо можно грузиться и въ другихъ мѣстахъ, если случай потребуетъ; но указан-ныя мною признаны удобнѣйшими по все-му протяженію Ветлуги въ нашемъ уѣздѣ, т. е. верстъ около 100.

Не стану входить въ подробности коли-чества сплавляемыхъ лѣсныхъ матеріаловъ: показанія мои могутъ такъ разниться съ отчетностями отпусковъ иныхъ огромныхъ управленій, что лучше *не дразнить гусей*, какъ сказалъ покойникъ Крыловъ! — Замѣ-чу только, что всѣ отрасли лѣсныхъ хо-зяйствъ большею частію находятся въ та-комъ же блестящемъ контролѣ, какъ опи-санная мною повѣрка лѣснаго сплава на рѣкахъ, гдѣ повѣряютъ плоты на устьѣ, при опущенномъ канатѣ, и гдѣ весьма труд-но рѣшить, большая или меньшая доля попадетъ въ отчетность, частію по трудно-сти учета, а частію по разнымъ уловкамъ лѣсопромышленниковъ, хорошо знающихъ свое дѣло и чрезвычайно наметанныхъ.

Но прошу читателей не принимать ука-заній моихъ буквально, ибо я руководству-

уюсь одною памятью, соображеніями и, тол-ками и расказами промышленниковъ, а так-же собственнымъ опытомъ и наглядностію, ибо описываемыя мѣста мнѣ коротко зна-комы; но и мои соображенія могутъ быть ошибочны тѣмъ болѣе, что я не руковод-ствуюсь никакими официальными данными, которые, при всѣхъ погрѣшностяхъ, по-лезны статистику. Но я не статистикъ, а просто помѣщикъ, не получающій никакихъ официальныхъ отчетовъ, но проникнутый желаніемъ принести хоть малѣйшую поль-зу своими опытнымъ указаніями, которые для *специалистовъ* могутъ служить предо-стереженіемъ, *не слишкомъ достѣрять инымъ даннымъ, по видимому болѣе точнымъ.*

Читая расказы мои о лѣсныхъ хозяй-ствахъ и значительности безошлиннаго ис-требленія лѣсовъ, многіе вѣроятно подумаютъ, что еслибъ всѣ эти матеріалы под-верглись вѣрному перечету и исправному сбору пошлинъ, то дѣны на нихъ подня-лись бы весьма значительно.

Хотя подобныя вопросы не должны бы занимать людей *благонамѣренныхъ*; но, зная по себѣ слабости человѣческія и наклонно-сти къ *поползновенію*, разъясню и этотъ щекотливый вопросъ (сколько съумѣю), чтобъ успокоить всѣхъ вуждающихся въ лѣсныхъ матеріалахъ, *невольно* соображающихъ уже всѣ *шаны* и *последствія* какъ *сорооскаго*, такъ и *че тнаго* хода промышленности.

Окончательно разрѣшить вопросъ этотъ на себя не беру: пусть рѣшаютъ его люди

ученые, какъ вопросъ достойный разъясненія, и подвергнуть мои указанія *серьезному и ближайшему разсмотрѣнню.*

Личное же мнѣніе мое таково, что отъ вѣрнаго и строгаго взиманія пошлинъ, цѣнность лѣсныхъ матеріаловъ увеличится весьма незначительно, а можетъ быть и совершенно не увеличится, даже понизится въ окончательной своей продажѣ въ руки потребителей; но непременно возвысится изъ рукъ производителей и тѣмъ возбудитъ соперничество въ низшемъ сословіи и займетъ большое количество рукъ, доставляя имъ хорошіе заработки, а владѣльцамъ лѣсовъ — возможность сбывать съ выгодною лѣса свои, которые въ настоящее время часто не покупаютъ расходовъ вывозки.

При этомъ усиленіи лѣснаго промысла правильнымъ, честнымъ ходомъ торговли, является весьма важный экономическій и нравственный вопросъ, а именно: при паденіи, отъ пароходства, бурлацкаго промысла, которымъ занимается большею частию народъ при-Волжскій и всей лѣвой стороны Волги, т. е. народъ *лѣснаго края*, въ которомъ лѣтомъ больше свободныхъ рукъ, нежели на правомъ хлѣбородномъ берегу (не говорю о низовыхъ, степныхъ губерніяхъ, гдѣ лѣса уже кончаются), весь этотъ народъ обратился бы къ усиленному лѣсному промыслу и къ *усиленнымъ* сплавамъ лѣса.

Кромѣ занятія рукъ, надо замѣтить, что во 1-хъ, на сплавахъ, гдѣ часто работаютъ

цѣлыми семьями, т. е. мужья съ женами, братья съ сестрами, отцы со всѣми дѣтьми обоихъ половъ, и гдѣ отъ спѣшности дѣла нѣкогда таскаться по берегу, народъ далеко не такъ балуется, какъ при чисто-бурлацкомъ промыслѣ, особливо поднимая суда вверхъ теченія, такъ сказать отъ кабака до кабака; во 2-хъ, что имѣя занятіе черезъ все лѣто въ лѣсахъ, не *воровское, не фальшивое, развращающее* понятія производителей и промышленниковъ, но *открытое, правильное, законное, покровительствуемое правительствомъ, возвышающее работниковъ въ собственномъ мнѣніи*, — народная нравственность окрѣпла бы, ибо трудолюбивая и удивенная жизнь въ лѣсахъ, безъ кабаковъ и всякихъ соблазновъ, чрезвычайно возвышаетъ духъ населенія, а всѣ распутства и заразы выносятся къ намъ большей частию бурлаками *).

*) Если бы кто спросилъ, какое можетъ имѣть занятіе народъ въ лѣсахъ лѣтсѣмъ, когда всѣ лѣса *запрещаются*, то вотъ отвѣтъ мой: запрещаются лѣса лишь для огневыхъ производствъ, какъ-то: курки смолы и т. п., но *до соку*, т. е. почти до Троицы, готовить бревна, брусья, дрова, которыя такимъ образомъ за лѣто высыхаютъ и дѣлаются гораздо легче къ перевозкѣ и сплаву; а во все время «соку», т. е. почти до Ильина дня, снимаютъ скалу, бересту и липовый лубъ; къ Ильину дню, или къ стенокосу, большая часть бурлаковъ возвращается домой, а тѣ, которые бурлачатъ до самыхъ заморозовъ, найдутъ тогда работу на усиленныхъ,

Не выдаю личного моего мнѣнія за *не-преложное*: всякій человекъ ошибается, и если бѣ *напримѣръ* *Вольтеръ* вздумалъ быть добросовѣстнымъ и огласить печатно всѣ свои промахи, то при плодovitости своей исписалъ бы вѣроятно не менѣе написаннаго!.. Тѣмъ болѣе мнѣ, человекъ неученому, — докторальный тонъ или авторитетъ въ какомъ либо *научномъ дѣлѣ не подобаетъ!*.. Я человекъ практической и наглядной, у котораго вмѣсто головы какая-то котомка съ разноцвѣтными лоскутками и обрѣзками, между которыми иногда попадается *порядочная матерія*, и если бѣ кто вздумалъ *талантливою рукой* собрать и сшить лучшіе изъ лоскутковъ этихъ (какъ дѣлаютъ старыя ключницы для одѣялъ своихъ), то можетъ быть изъ нихъ вышла бы какая нибудь будничная подстилочка подъ пьедесталь одной изъ безчисленныхъ статуй *народнаго благоденствія*, стоящихъ на жертвенникѣ отечества!

Вотъ причины, на которыхъ основываю мнѣніе, что отъ тщательнаго, законнаго *взиманія пошлинъ* мало поднимется цѣнность *лѣсныхъ матеріаловъ* *).

отъ значительнѣйшихъ выработокъ, лѣсныхъ приставяхъ.

*) Хотя, повторяю, вопросъ этотъ и не стоилъ бы разбирательства, однако считаю нелишнимъ доказать, сколько сумѣю, что *контрбанда*, или *безплатная торговля матеріалами*, добываемыми не изъ-за границы, а изъ своего отечества, и *трудами людей нуждающихся*

Ныцѣ, хотя пошлины собираются далеко не со всего количества добываемыхъ *матеріаловъ*, но за то есть побочные расходы, необходимые при всякомъ уклоненіи, и *притомъ весьма значительные*. Кроме того, всѣ промыслы первоначально производятся людьми, которые болѣею частію не приступаютъ къ дѣлу иначе, какъ съ большими затратами, ничѣмъ необезпеченными, и потому, хотя товаръ изъ первыхъ рукъ, т. е. изъ рукъ *производителей*, достается *дешево*, ибо за рискъ и страхъ потери денегъ цѣны бываютъ *прижимочныя*; но мелочные торговцы, кулаки по нашему, за тотъ же страхъ и рискъ, сопряженный съ большими хлопотами и съ платою *нерѣдко* самыхъ значительныхъ процентовъ, берутъ *огромные*, т. е. рубль на рубль и болѣе, безъ чего за частыми потерями *необезпеченныхъ* раздачь, не стоило бы и заниматься *невѣрнымъ* промысломъ.

Изъ рукъ кулаковъ мелкихъ товаръ *переходитъ* въ руки кулаковъ *покрупнѣе*, т. е. такихъ, которые вертятся на десяткѣ-другомъ тысячъ рублей *ассигнац.*, въ полови-ну и въ двѣ трети *заемныхъ*.

сл, не всегда понижаетъ цѣнность товаровъ!
Это вопросъ *щекотливый*, но опытность убѣждаетъ меня, что разрѣшеніе его послужитъ къ успокоенію *многихъ* и *многихъ* членовъ общества, а потому и считаю его заслуживающимъ разъясненія.

Последніе довольствуются процентами меньшими противъ первыхъ, т. е. около полтины на рубль, и продаютъ товаръ кореннымъ кушцамъ этого дѣла, которые уже дѣйствуютъ по-купчески и, вѣрочая значительными средствами, выжидаютъ время или продаютъ съ *пожидомъ*, т. е. въ долгъ на условленные сроки.

Вотъ по какимъ мытарствамъ переходятъ лѣсные матеріалы отъ промышленниковъ-производителей *) до истинныхъ торговыхъ рукъ, и при всѣхъ переходахъ есть свои расходы, свои плутни, свои риски, свои прижимки и свои униженія; но главный рискъ все-таки остается за первоначальнымъ кулакомъ, раздающимъ деньги крестьянамъ производителямъ рѣшительно безъ всякаго обезпеченія, ибо при нынѣшнемъ ходѣ этой промышленности, зависящей отъ личныхъ взглядовъ не только каждаго лѣсничаго, но даже объѣздчика и полѣсоваго, ни одна контора не позволитъ себѣ вмѣшаться въ дѣло и поручиться за крестьянъ своихъ.

Второй, меньшій рискъ, принадлежитъ кулакамъ *покрупнѣе*, которые то же почти безъ обезпеченій раздаютъ деньги кулакамъ мелкимъ; но тутъ есть соображеніе, что мелкій кулакъ, пріобрѣтшій однажды нѣкоторое довѣріе, провидитъ въ будущемъ обо-

*) Общая безпечность ихъ, заставляющая дешево трудъ работника, уже была описана мною на стр. 17-й, въ статьѣ о промышленности.

гащеніе, основанное на большей или меньшей степени этого довѣрія, почему и исполняетъ, по возможности, обязательства свои; но и тутъ Русское *авось* бываетъ причиною частыхъ крушеній.

Очень натурально, что при такихъ переходахъ, товаръ поднимается въ цѣнѣ вдвое и втрое противъ первоначальной; а если бы пошлины взиались вѣрно, и торговля получила нормальный, образованный ходъ, то въ дѣло это вступили бы люди порядочные. Капиталы разивались бы изъ рукъ коренныхъ торговцевъ въ руки людей, тоже самостоятельныхъ, довольствующихся, при ручательствѣ помѣщиковъ и другихъ начальствъ, обыкновенными торговыми процентами. Можетъ быть, даже сами помѣщики, уже не рискуя униженіями и прижимками, вступили бы въ соперничество, и окончательная цѣнность товаровъ, т. е. продажа въ руки *потребителей*, понизилась бы едва ли не болѣе, нежели сколько понижается ее безпошлинный вывозъ, при расходахъ на всѣ плутни и при громадныхъ процентахъ, объясняемыхъ, съ одной стороны, *нуждою первоначальныхъ производителей*, а съ другой *рискомъ кулаковъ*, раздающихъ деньги безъ всякаго обезпеченія.

Мнѣ кажется, что сужденія мои не безъ основанія, но можетъ быть ближайшее разсмотрѣніе и ученія изысканія показали бы иначе.

Зная по опыту, что всякое полезное, но скучное дѣло требуетъ отдыха и развлече-

нія, и всякое противное лѣкарство подсласки, считаю нужнымъ и на новомъ для меня литературномъ поприщѣ употреблять тѣ же уловки.

Предметъ, избранный мной для дебюта, такъ тяжелъ и заключаетъ въ себѣ такъ много горькаго, что нелишнимъ кажется прерывать его изрѣдка легкими рассказами. Потому придержусь методы старыхъ нянь нашихъ, которыя послѣ скучнаго урока географіи или грамматики, рассказываютъ дѣтямъ сказочки, а послѣ сквернаго ревеня даютъ кусочекъ сахарцу. И такъ, закончивъ статью о водахъ, переполненную разныхъ горечей, мнѣ кажется кстати будетъ рассказъ, чрезвычайно характеризующій *коренныхъ лѣсниковъ*, удаленныхъ отъ столкновений съ понабравшимися *различныхъ хвостиковъ* народомъ при-Волжскимъ.

На дальнихъ пристаняхъ, гдѣ грузятъ корабельные лѣса иногда громадныхъ объемомъ, почти въ двѣ тысячи пудовъ вѣсу въ одной листоватой балкѣ, натурально стараются поддвигать суда по возможности ближе къ берегу, для облегченія перетаски такого неуклюжаго груза.

При всей осторожности водолива, наблюдающаго за горизонтальнымъ положеніемъ плоскодоннаго судна, прибрежный край его часто заѣдаетъ или закусываетъ (мѣстное выраженіе) грунтъ берега, отъ внезапнаго наклона, производимаго погрузкой къ одной сторонѣ такой огромной тяжести.

Въ этихъ случаяхъ водоливъ останавли-

ваетъ грузку, и лоцманъ собираетъ всѣхъ работниковъ; чтобы столкнуть съ берега судно.

При вязкости грунта, дѣло это иногда требуетъ значительныхъ усилій; а при сильномъ сбытіи воды и недомеркѣ водолива, пропустившаго много времени, ручныхъ усилій бываетъ недостаточно и надо *выхаживать* на трубку, или воротъ, съ приговорами и приѣвами, неразлучными спутниками всѣхъ бурлацкихъ работъ; но если и въ такомъ случаѣ упрямое судно не сдвинется и буксирующій канатъ лопнетъ, то какъ бы вы думали распорядится лоцманъ? Прежде чѣмъ зачалить крѣпчайшій канатъ, онъ посылаетъ рабочихъ нарубить таловыхъ прутьевъ, которыхъ на рѣчныхъ берегахъ не занимать, и послѣ гнѣвнаго обращенія къ судну приказываетъ бить его въ нѣсколько перемѣнъ прутьевъ, а потомъ снова принимается за работу.

Но если первая коррекція не удалась, и упрямое судно все таки не двигается, то жестокость лоцмана (*дяди*, по бурлацки) бываетъ ужасна! Онъ приказываетъ нарубить прутьевъ *самыхъ толстѣйшихъ* и въ двойномъ количествѣ, и тутъ поднимается такая жарня, что не знаю какъ судну, но рабочіе дуютъ съ остервененіемъ, до утомленія, а дядя, стоя на грядкѣ и пересыпая каждое слово приличными прибаутками, скрѣпленными какъ слѣдуетъ, грозно допрашиваетъ упрямое судно: «Что?.. Каково?.. Будешь ли?... Будешь ли?» и т. п. По окон-

Изъ Евдокимока *льсомъ*, въ Заводи или Фокино, село Покровское тожь (станція 15 версть.)

Изъ Заводей до села Головина, Васильское тожь (станція 17 вер.)

Изъ Головина, *льсомъ*, до Дорогучинской станціи, гдѣ нѣтъ ни одного крестьянскаго двора, но одна взъѣзжая изба, казарма по здѣшнему, и изба лѣснаго сторожа (25 вер.).

Изъ Дорогучи, опять *льсомъ*, до села Каменки (25 вер.).

Изъ Каменки чрезъ Комариху до Красно-го Яра (20 вер.), и оттуда въ уѣздный городъ (20 вер.), всего слишкомъ 140 версть; но въ полую воду, продолжающуюся на Волгѣ недѣли четыре и болѣе, тогда какъ разгонъ земской полиціи, лѣсныхъ начальствъ и всякихъ промышленниковъ огромный, надо изъ деревни Черной Мазы переправляться версть 8 Волгою, что при вѣтрѣ небезопасно и бываетъ причиною большихъ задержекъ.

Кромѣ земской полиціи, трактъ этотъ есть единственный лѣтній путь въ село Лысково, а чтобъ попасть въ него въ полую воду, то изъ села Каменки надо переправляться Волгою до села Бармина, версть 8, а изъ Бармина горами, т. е. правымъ берегомъ Волги, до села Лыскова.

Въ № 3-мъ Моск. Вѣд., разказывая легенду о Ялекшинской дорогѣ, я показалъ значеніе села Лыскова для нашего края и возможность соединить его съ селомъ Воскресенскимъ, лѣтнею дорогою, чрезъ Ялокшу.

Теперь, чтобъ не повторять сказаннаго, выведу лишь параллель между существующею Дорогучинскою дорогою и предполагаемою Ялокшинскою.

Существующая дорога составляетъ:

Для земской полиціи:

Во всякое время года слишкомъ 140 версть и переправу въ восемь версть по Волгѣ въ полую воду.

Для мірскихъ расходовъ:

Пять станцій и шесть переѣздовъ съ гатьями и мостами, стоящими значительныхъ расходовъ почывками, да по 43 коп. сер. съ души, а въ нынѣшнемъ году по 48, для найма станціонныхъ ямщиковъ, подъ земскую полицію.

Для всего околodka нашего:

Тысячъ почти для 15-ти душъ мужскаго и 17-ти женскаго пола 1-го стана Макарьевокаго уѣзда и для большаго еще числа Костромичей, Варнавинскаго, вдавшася остроумь угломъ въ нашу губернію, Дорогучинскій трактъ дѣлаетъ лѣтомъ, весною и осенью всякій торгъ съ Лысковымъ невозможнымъ или покрайней мѣрѣ весьма затруднительнымъ, по дальности и дороговизнѣ, ибо въ полую воду надо проѣхать около 160 версть и платить за 8 версть Волжскаго перевоза.— Это заставляеть промышленниковъ-производителей продавать товары въ руки мѣстныхъ кулаковъ, понижающихъ цѣну, по неимѣнію конкурентовъ, до такой степени, что производители едва добываютъ на хлѣбъ, а иногда *нападаютъ*

долгу; кулаки же выручают двойной барышъ. (Зимою было бы тоже, еслибъ не открывался Ялокшинскій трактъ, сближающій торговые пункты).

Теперь обращусь къ этой послѣдней дорогѣ.

Для земской полиціи:

Эта дорога составитъ не болѣе 80-ти верстъ, вмѣсто 140 на Дорогучу, и въ самую полую воду, вмѣсто 8-ми-верстоваго перевоза изъ деревни Мазы въ городъ, будетъ маленькій перевозъ въ нѣсколько сажень, на короткое время.

Станціи могутъ быть устроены:

Изъ Воскресенскаго въ Люнду—Чихтину (Иванову—тожь, станція 16 вер.), изъ Ивановой въ Орѣхи (станція 14 верстъ).

Отъ Орѣховъ на рѣки Черную, Кугай и Ялокшу (около 25 верстъ).

Съ Ялокши прямо въ городъ Макарьевъ (тоже 25 верстъ).

Итого 80 верстъ; а для промышленниковъ, сверхъ 80, четырехъ-верстовый, казенный перевозъ, въ полую воду, отъ Макарья до Дыскова *).

Для мирскихъ расходовъ:

Поддержка и поправка дороги на 80-ти верстахъ вмѣсто 140 (съ восьми-верстовымъ

*) Казенный перевозъ подъ Макарьемъ, натурально, нѣсколько вздорожаетъ. Въ меженное жъ время, какъ на Дорогучинскомъ трактѣ подъ Барминимъ, такъ и на Ялокшинскомъ подъ Макарьемъ, перевозъ въ Дысково одинаковъ.

перевозомъ въ полую воду, для земской полиціи, какъ то существуетъ на Дорогучинскомъ трактѣ), не должны быть значительнѣе, а при ветхости, нынѣ существующихъ гатей и мостовъ, на Дорогучинской дорогѣ, гдѣ въ скоромъ времени потребуются починивать все чуть не за-ново, самое устройство новой Ялокшинской дороги едва ли обойдется гораздо дороже, ибо на 140 верстахъ старой дороги, мостовъ и гатей чрезвычайно много, а въ послѣднее время, смольные промышленники розьскали пути, много суже и ближе той линіи, которая описана мною въ *леендѣ* (въ № 3-мъ Моск. Вѣд.) и которая, по зимамъ, учреждается *нынѣ*, потому что уже на этой линіи устроилась казарма (възвѣзжая изба) и никто не смѣетъ прорубить новыя линіи въ казенномъ лѣсу; смольные же промышленники пробираются этими линіями пѣшіе, да и самыя Ялокшинскія болота легко могутъ быть осушены спускомъ воды въ вытекающія изъ нихъ рѣчки, которыхъ истоки засорились.

Кромѣ того, при сокращеніи нѣсколькихъ станцій, наемъ ямщиковъ неминуемо обойдется дешевле, и вмѣсто 48 коп. съ души, собираемыхъ нынѣ, долженъ гораздо понизиться.

Для всего околodka нашего:

Т. е. для того же числа душъ Макарьевскаго и Костромскаго уѣздовъ, какъ было сказано выше, дорога эта такъ важна, что всѣ крестьяне (изъ коихъ многіе знакомы мнѣ, по моимъ мельницамъ и по зимнему

проѣзду на Ялокшу, куда тянутся тысячи возовъ въблизи моего дома, къ *пятничнымъ Лысковскимъ базарамъ*), не разъ выражали мнѣ готовность идти *патурой* для общепользнаго дѣла, какъ я уже говорилъ въ № 3-мъ Моск. Вѣд. Трактъ этотъ, допуская возможность лѣтняго сообщенія съ Лысковымъ всего околodka, такъ важенъ, что можетъ привести весь край нашъ въ цвѣтущее состояніе, да и для *прибрежья Волги* чрезвычайно полезенъ.

Надо замѣтить, что всѣ деревни, къ западу отъ линіи, соединяющей село Лысково и городъ Макарьевъ съ селомъ Воскресенскимъ, поѣдутъ и лѣтомъ и зимой на деревню Люнду-Чихтину (Иванову тожъ); но тѣ, которыя отстоятъ верстъ на пятнадцать отъ этой линіи къ востоку, вѣроятно на Никоново и Нестіарь, отстоящій отъ Орѣховъ верстахъ въ десяти.

Предполагая деревню Докукино одною изъ поглядныхъ, которыя поѣдутъ, вмѣсто Дорогучинскаго, на Ялокшинскій трактъ, считаю нелишнимъ высказать разстояніе и отъ этой деревни до Лыскова, чрезъ Ялокшу и Дорогучу.

Чрезъ Дорогучу деревня эта приближается къ Лыскову и Макарью на двадцать верстъ, противъ села Воскресенскаго, слѣдовательно находится слишкомъ въ 120-ти верстахъ отъ города и Лыскова, и подъ тѣми же условіями, какъ весь Дорогучинскій трактъ; отъ Ялокши чрезъ Орѣхи, Нестіарь и Никоново до деревни этой около 65-ти

верстъ, а всего отъ Макарья около 90, стало быть, все-таки на 30 верстъ ближе Дорогучинскаго тракта и подъ условіями Ялокшинскаго. Но всѣ тѣ деревни, которыя отстоятъ отъ Макарья и Лыскова верстахъ на 50 и до 70 по Ялокшинскому тракту, по Дорогучинскому уже дѣлають отъ 150 до 180; ибо должно верстъ по сорока или около выѣзжать назадъ, чтобъ попасть на Дорогучинскій трактъ.

Можетъ стать, что въ случаѣ распросовъ *торговый* мужикъ легко отречется отъ словъ своихъ, что часто бываетъ съ нимъ, если онъ не боится улики. *Мошенническіе торги* и самыя *мошенническіе промыслы*, основанные, какъ было сказано, на *лжи, фальши, плутняхъ и униженіяхъ*, *развращаютъ* и до того *затмѣваютъ* понятія о чести въ промышленникахъ, что эти мелкіе торгаши-работники рѣшительно теряють въякое уваженіе къ честному слову, и если исполняютъ его, то не изъ душевнаго побужденія, а или изъ страха *ответственности*, или изъ боязни *потерять доверіе* *нужнаго* *человѣка*, или наконецъ, изъ расчета *надуть* *когда нибудь* *позначительнѣе!*... Въ то же время, въ доказательство сказаннаго о возвышеніи и очищеніи нравственныхъ понятій о чести и относительныхъ обязанностяхъ каждаго, между *коренными* *лѣсниками*, удаленными отъ соблазновъ, выскажу общепринятое у насъ правило, утвержденное безчисленными приѣрами:

Мы, помѣщики, и всё, кому доводится разбирать дѣла голословныя, бездоказательныя, никогда не станемъ входить въ подробности представляемыхъ намъ жалобъ отъ Черемисъ на крестьянъ нашихъ, и какія бы крестьянинъ ни приводилъ оправданія, увертки и свидѣтельства другихъ крестьянъ, всё ихъ можно пропускать мимо ушей, безъ всякаго довѣрія, но *рѣшительно* слушать одного Черемисина: у насъ тысячи примѣровъ, въ которыхъ Черемисинъ всегда выходилъ победоносно!..

Разница между тяжущимися заключается въ томъ, что русачки путають, облыгають, крестятся, божатся, заклинаются дѣтми и всякими другими отвратительными способами, какъ на примѣръ: чтобы глаза лопнули, чтобы *утробу разорвало*, чтобы *провалиться на мстѣ* (въ это время другіе подкакивають); окончательно же окажется, что вся божба эта была ложь, самая унижительная и оскорбительная для человѣчества!

Черемисинъ же съ перваго слова противника скажетъ просто: «.....на него, бачка;— все не правда казить», и тутъ же безъ оличностей расскажетъ все дѣло своимъ страннымъ нарѣчіемъ, и потомъ уже не прибавитъ ни слова; а если упорный мошенникъ, подкрѣпленный плутами-свидѣтелями, и опытный или своекорыстный помѣщикъ или управитель его послушаютъ ихъ и не заставятъ удовлетворить Черемисина, то этотъ лишь потребуетъ послѣдняго клятвеннаго подтвержденія отъ противниковъ и,

плонувъ, прибавитъ: «Ваша богъ виде! Наша шайтанъ виде! — Не хорошо буде! — Пропадилъ будешь! Умирилъ будешь!» — Тѣмъ и окончить!.. Спокойно простится онъ съ помѣщикомъ и уйдетъ въ лѣса свои, въ полномъ убѣжденіи, что правое его дѣло получить возмездіе и что силы небесныя накажутъ обидчика, ибо онъ вѣруеть въ *кару небесную*, а *торовый* мужикъ лишь въ *кару физическую*.

Надо заимѣтить, что жалобы всегда возникаютъ отъ Черемисъ, — никогда отъ Русскихъ, которые постоянно ихъ обманываютъ и надувають, выманывая товаръ или деньги; но я говорю о Черемисахъ такихъ, которые живутъ въ глуши лѣсовъ, а не на торговыхъ трактахъ и большихъ дорогахъ: *тѣ обрусели*, и ихъ не надуешь.

Если кто изъ читателей моихъ будетъ претендовать, за чѣмъ наполню я фельетонъ такими неинтересными подробностями, какъ послѣднее описаніе какихъ-то *глухихъ дорогъ*, какого-то *глухаго заголустья*; то, во первыхъ, скажу откровенно, что для меня возможность устройства новой дороги, могущей разлить благосостояніе на нѣсколько десятковъ тысячъ существъ, мнѣ подобныхъ, со всѣми мельчайшими подробностями и поясненіями этого проекта, не только не составляетъ скучнаго чтенія, но кажется весьма занимательнымъ: читая подобныя описанія, я мысленно перебираю послѣдствія этого дѣла и заранѣе восхищаюсь и наслаждаюсь ими. — Пылкое еще воображеніе мое

игловенно переноситъ меня въ какую нибудь горькую деревушку этой глуши: бѣдность, нищенство, неопрятность, духота избы, рубища, грустный, изнуренный видъ самихъ жителей, съ мутными, тоскливыми взорами, худыхъ и чаклыхъ, словомъ все, чѣмъ славны у насъ инныя мѣстности за неимѣніемъ путей сообщенія, и потомъ вдругъ представляетъ мнѣ чистыя, опрятныя избы, выростающія какъ грибы послѣ дождика; одежду, не лишенную своего шика; довольный, спокойный видъ домохозяевъ; румяныя щеки, розовыя губы, быстрые взгляды веселящейся молодежи, и при этой кинетогрфической перемѣнѣ, я уже похаживаю вокругъ хоролововъ, захожу въ избы, пробую щи съ свиной, различныхъ кашекъ, лапшицы, дыничку *); заѣдаю грибами, брусникой, медкомъ; запиваю медвянымъ кваскомъ или брагой. Для такого волшебнаго сна, въ которомъ я, какъ Гоголевскій Пѣтухъ, и присмакиваю, и причмокиваю, и подсасываю, — развѣ нельзя прочесть нѣсколько скучныхъ страницъ?!

Но для тѣхъ, чье притупленное воображеніе не можетъ наслаждаться будущимъ благоденствіемъ себѣ подобныхъ, у меня есть второе оправданіе, заключающееся въ *уловкѣ* пожилой моей опытности.

За всякое новое дѣло у насъ туго берутся: представляй съ глазу на глазъ, изустно

*) Тыквенная каша со пшеномъ.

и письменно самые убѣдительные резоны и доводы, а иной слушающій все-таки пятится отъ тебя, какъ чортъ отъ ладона (такъ что и за хвостъ не удержишь); но доведи до него это же дѣло чрезъ говоръ гостевыхъ, толки окружающихъ или газетною и журнальною статью, и тотъ же господинъ станетъ вслушиваться, спрашивать и, пожалуй, чего добраго, схватится за мысль эту, какъ за свою собственную (такъ что изъ него и коломъ ея не выворстишь), станетъ отстаивать, защищать и таки—на своемъ поставитъ.

Видавъ примѣры тому, я убѣдился въ справедливости словъ, что *всякое дѣло боится мастера*, и что во всякомъ дѣлѣ *уловка* есть!

Такъ вотъ и моя уловка:

Московскія Вѣдомости имѣютъ десять тысячъ подписчиковъ и, кромѣ того, читаются вездѣ: быть можетъ, онѣ прочтутся и въ уѣздной дорожной комиссіи. А публика-то—*подготовится*; чтецы—*разнокалиберные*; толковъ и пересудовъ—*будетъ*; дѣло-то и выйдетъ *не новое*; принятыя за справки—*какъ-то и легче.....*

Вотъ почему и прошу почтенныхъ читателей не погнѣваться на скучное описаніе предполагаемой Ялосинской дороги.

XI.

Повѣрья.

Приступая къ описанію повѣрій нашихъ, мнѣ кажется всего приличнѣе, при наступающемъ праздникѣ Пасхи Господней, начать рассказомъ объ умилительномъ обычаѣ одной изъ нашихъ лѣсныхъ деревень при наступленіи Свѣтлаго дня Христова Воскресенія.

Обычай этотъ основанъ на старомъ повѣртіи, къ сожалѣнію, искореняющемся въ послѣднее время.

По пріѣздѣ моемъ въ здѣшній край, тому лѣтъ 18, я былъ охотникомъ и мечталъ о медвѣдяхъ (то время давно прошедшее). Розыскивая по лѣснымъ деревнямъ всѣхъ извѣстныхъ охотниковъ на этого звѣря, разъ, предъ Пасхой, случившейся еще по снѣгу, я заѣхалъ въ деревню *Нестіарь*, чтобъ послушать рассказовъ одного знаменитаго медвѣжьего охотника, удрученнаго старостью и извѣстнаго своими охотничьими рассказами не менѣе того, какъ въ старыя годы извѣстенъ былъ—самою охотой. Я засталъ старца уже вставшимъ съ постели и бесѣдовалъ съ нимъ ночью, чтобъ не утруждать его слабаго голоса при дневномъ шумѣ огромной семьи. Послѣ одного рассказа, въ которомъ, съ самолюбіемъ охотника, старикъ выказалъ старую удачу свою, онъ вдругъ,

осѣнясь крестомъ, печально покачалъ головою и примолвилъ: «То было время, государь мой (старики въ краю нашемъ часто употребляютъ это выраженіе, говоря съ господами), теперь видно другое пришло!.. И на угорь подъ Свѣтлый Праздникъ не выйду!» При послѣднихъ словахъ, выразительныя черты старика подернулись замѣтною грустью.—«Да что-жь тебѣ лѣзть на угорь, дѣдушка?» спросилъ я.—«Какъ что, кормивецъ?—Да ты, видно, не знаешь, что въ нашей деревнѣ, подъ Свѣтлый Праздникъ, всѣ, кто постарѣ, жаутъ на угорь, надъ озеромъ, полночнаго часа;—слушаютъ звонъ *Макаръевскій*; въль древній колоколъ монастыря Макаръевского *чуть подаетъ* древнему нашему образу Николы Угодника; по гулу этому мы и христосуемся!..»—Хотя я усомнился, чтобъ слишкомъ на 50 верстъ прямикомъ, чрезъ дремучіе лѣса, можно было слышать звонъ, правда, превосходнаго Макаръевскаго колокола, по разувѣрять старца не считъ приличнымъ. Бывъ новичкомъ еще въ здѣшнемъ краю, я спросилъ подробнѣе о мѣстности деревни и умилительномъ обычаѣ ея, и узналъ слѣдующее:

Въ деревнѣ *Нестіарь*, лежащей на берегу весьма красиваго озера того же имени и окруженной дремучими лѣсами, издревле стоитъ часовня во имя Святителя и Чудотворца Николая. Часовня эта обладаетъ сокровищемъ—святыней всего околodka, образомъ Угодника, старинной иконописи, чрезвычайно уважаемымъ во всемъ округѣ

и къ которому, въ его праздники, стекается множество богомольцевъ даже изъ чужихъ уѣздовъ и губерній.

Предъ днемъ Свѣтлаго Христова Воскресенія, набожный народъ деревни собирался на угорѣ, предъ озеромъ, вблизи часовни, и надъ свѣтлыми его водами въ благоговѣйныхъ молитвахъ ожидалъ гула, доносимаго, якобы, отъ Макарьевского благовѣста къ заутрени. Ивы думали, — какъ высказалъ мнѣ старшій охотникъ, что древній колоколъ *чуть* подавалъ древней иконѣ; другіе считали, что воды озера, углубленныя въ высокомъ прибрежьи, притягиваютъ лѣсное эхо, перекликающееся по вѣтроломамъ, которые иногда десятками верстъ прорѣзаютъ лѣса вывороченными съ корнемъ или сломанными деревьями, сажень на 50 и до 100 шириною. По этимъ натуральнымъ просѣкамъ, увѣряютъ они, эхо передается на огромное пространство и, при попутномъ вѣтрѣ и прямому направленію нѣкоторыхъ вѣтроломовъ отъ Макаря въ нашу сторону, гулъ отличнаго колокола долетаетъ и до деревни ихъ. Повѣрить на дѣлѣ дѣйствительность приведеннаго рассказа мнѣ не случилось; но, признаюсь, очень жалѣю, что набожное повѣрье это терится въ молодомъ поколѣннн, чему причиной, я полагаю, смольный промыселъ, скопляющій въ деревнѣ Нестіарѣ, какъ въ одной изъ крайнихъ и болѣе вдавшихся въ глушь лѣсовъ, значительное число стороннихъ работниковъ, которымъ чужды мѣстныя повѣрья.

Подъ вліяніемъ чувствъ, возбужденныхъ этимъ повѣрьемъ, раскажу читателямъ моимъ одно изъ дѣтскихъ воспоминаній, глубоко врѣзавшееся въ моей памяти. Предметъ описанія извинить отступление и авторскіе неостатки мои.

Передаю читателямъ поразительную кончину христіанина, употребленнаго нѣкогда Библейскими обществами и настырями церкви, для поборанія расколовъ и обращенія къ православію.

Человѣкъ этотъ обладалъ обширными богословскими знаніями и посвятилъ всю жизнь на изслѣдованіе и опроверженіе *силоу слова* всѣхъ раскольничьихъ толковъ. Всѣ книги обширной богословской бібліотеки его были исписаны на поляхъ и на вpletенныхъ кой-гдѣ бѣлыхъ листахъ.

Не знаю, къ какому сословію принадлежалъ онъ; знаю только, что жилъ онъ въ бѣдности, что все богатство его состояло изъ нѣсколькихъ сотъ богословскихъ книгъ и рукописей, и что отецъ мой — человѣкъ, какъ многіе образованные люди того времени, религіозный съ мистическимъ оттѣнкомъ, чрезвычайно уважалъ его и поддерживалъ по возможности.

Не смотря на аристократическія привычки и предразсудки, батюшка часто навѣщалъ старика, рѣдко уже оставлявшаго комнату, и подолгу бесѣдовалъ съ нимъ о предметахъ религіозныхъ, духовно сочувствуя вдохновенному старцу, съ большимъ увлеченіемъ поражавшему вольнодумныя выходки втор-

гавнагося тогда вольтеріанисма, и нерѣдко важивалъ меня съ собою, не смотря на девятилѣтній мой возрастъ. Какъ кажется, отецъ мой рассчитывалъ на впечатлительность дѣтской природы и э имъ путемъ надѣялся вкоренить и утвердить во мнѣ сѣмена христіанства, котораго былъ во всю жизнь постояннымъ поборникомъ.

Разъ, педь вечеръ, по всегдашнему обычаю своему, батюшка сидѣлъ за фортепьяно и фантазировалъ, окруженный семействомъ и многими близкими, гогда съ наслажденіемъ слушавшими мягкіе, исполненные чувства и музыкальной мелодіи аккорды и переходы его, всегда гармонировавшіе съ настроеніемъ пылкой, пламенной и чистой души его. Вдругъ вошелъ камердинеръ отцаи, не смотря на строгое, постоянное запрещеніе прерывать музыку, прямо подошелъ къ батюшкѣ и доложилъ, что *Степанычъ* (такъ обыкновенно звали набожнаго старца, котораго имени и даже не слыживалъ) *кончается* и приказалъ немедленно просить его сятельство. Батюшка, чрезвычайно не любившій оставлять музыку (особливо въ пассиви и при слушателяхъ), тѣмъ не менѣе всталъ, замѣтно взволнованный, и, обратясь ко мнѣ, девятилѣтнему мальчику, сказалъ отрывисто: «Николинька, бери фурашку! идемъ!» и не дождавшись эквиважа, не слушая представленій матушки и домашнихъ, взялъ меня за руку и быстро повелъ за собою.—Мы уже были въ комнаткѣ умирающаго, врездѣ чѣмъ эквиважъ догналъ насъ, и по быстрому ве-

привычному ходу и судорожнымъ пожатіемъ маленькой руки моею, и видѣлъ, что воспримчивая натура отца, такъ сказать, экстрезировалась по мѣрѣ приближенія къ квартирѣ Степаныча.—Въ послѣдствіи я узналъ, что отецъ чрезвычайно тревожился мыслию не застать уже въ живыхъ чимаго имъ челоѡвѣка; какъ многие мистики, начитавшіеся Эккартсгаузена и Штиллина, онъ высоко цѣнилъ послѣднее мгновение уважаемыхъ или любимыхъ имъ, и въ мечтательныхъ увлеченіяхъ нерѣдко бесѣдовалъ даже съ портретами усопшихъ, разгадывая тайну послѣднихъ словъ, или произнесенныхъ.

Входя въ низкую, убогую и тѣсную келью умирающаго, мы были встрѣчены священникомъ, который сообщалъ батюшкѣ, что умирающій ждалъ только пріѣзда его сятельства, чтобы приступить къ святымъ таинствамъ.

Старикъ, узнавъ о приходѣ отца моего, подозвалъ его и слабымъ, но внятнымъ голосомъ благодарилъ за пощеніе и помощь, и завѣщалъ ему, при священникѣ и другихъ свидѣтеляхъ, всѣ книги свои, говоря, что въ лучшія руки не желаетъ передать трудъ своей жизни, а въ доказательство, что сѣмена, имъ разсѣваемые, имѣли твердый, неколебимый корень въ душѣ его, прибавилъ, что желалъ дать отцу моему послѣднее назиданіе своею смертію!—Со всегдашнею почительностію старецъ обратился къ батюшкѣ со словами: *Изучите, ваше*

сіятельностью, и обдумайте смерть христіанина, и да будетъ она вамъ послѣднимъ моимъ наставленіемъ!—Тутъ, обратясь къ священнику, онъ объявилъ, что желаетъ гласной исповѣди. Не буду передавать, въ чемъ заключалась исповѣдь старца, по той естественной причинѣ, что молодость не позволяла мнѣ вникать въ предметы столь высокіе; скажу только, что помню изъ рассказовъ отца, часто разсуждавшаго о достопамятной для него кончинѣ Степаньча, что исповѣдь эта всегда представлялась ему едва достигаемою мечтою христіанина; на меня же, какъ на ребенка, болѣе всего подѣйствовало и, такъ сказать, произвело магнетическое, безотчетное впечатлѣніе послѣдовавшее послѣ исповѣди, поразительное исполненіе торжественнаго обряда—соборованія масломъ.

По окончаніи гласной исповѣди и по причащеніи Святыхъ Таинъ, старецъ объявилъ, что чувствуетъ скорое приближеніе смерти и что желаетъ немедленно собороваться масломъ... Священникъ хотѣлъ начать чтеніе отходныхъ молитвъ, но старецъ остановилъ его, сказавъ, что желаетъ самъ прочесть послѣднія молитвы, и потомъ попросилъ приподнять себя, повернуть и поставить на колѣна предъ Распятіемъ, висѣвшимъ у изголовья. — Въ этомъ положеніи, поддерживаемый съ двухъ сторонъ отцомъ моимъ и еще кѣмъ-то, сталъ онъ читать *на память, безъ книги*, внятными шодотомъ, съ роздыхами и остановками, длинными и продолжительными молитвы соборованія!.. При

слабомъ, мерцающемъ свѣтѣ лампады и нѣсколькихъ желтыхъ церковныхъ свѣчей, въ мрачной и убогой кельѣ, вилъ отходящаго старца, въ колѣнопреклонномъ положеніи, чуткимъ шопотомъ творящаго послѣднія молитвы свои и побуждающаго, силою христіанской памяти, тоску предсмертную, былъ такъ поразителенъ, что я, ребенокъ девятилѣтній, выдавшій всегда Степаньча какъ существо, совершенно для себя чуждое, безсознательно поддавался чувству гнѣбущей скорби и плакалъ на взрыдъ до изнеможенія. Предсмертный потъ уже крупными каплями выступалъ и катился по блѣдному челу его, и тихій, хотя и внятной сначала шопотъ постепенно переходилъ въ прерывчатый и едва слышный; но священникъ, слѣдившій за каждымъ словомъ молитвъ, приносимыхъ на память, съ явнымъ удивленіемъ слушалъ умирающаго, которому память не измѣнила ни разу: по видимому, всѣ чувства его сосредоточились въ этихъ молитвахъ. Наконецъ, окончивъ послѣдній свой подвигъ, старикъ, съ помощію отца моего, совершилъ послѣднее крестное знаменіе и приложился къ Распятію; потомъ, велѣлъ положить себя, скрестить руки и, простившись съ присутствовавшими, между которыми съ особеннымъ чувствомъ обращался къ отцу моему, велѣлъ закрыть себѣ глаза, и со словами: «Господи, въ руки Твои предаю духъ мой!» скончался также, какъ жилъ, незамѣтно!—Эта трогательная и казидательная кончина—покодебала твер-

дость отца моего, и онъ съ трудомъ оторвался отъ труда уснашаго.

Кончина Степаныча долго занимала досуги его и долго еще, въ вечернихъ его фангазіяхъ и въ грустной гармоніи музыкальныхъ кадансовъ, мнѣ слышался прерывчатый шопотъ отходящаго труженика, понижающійся и замирающій въ нижнихъ октавахъ!

Кто, какъ я, видѣлъ подобную кончину, тотъ вѣрно скажетъ вѣстѣ со мною: *Блаженни въ ующе!*

Не буду подробно говорить о Китежѣ, или озерѣ села Владимірскаго, описанномъ, помнится, въ 43-мъ году въ «Москвитянѣ», Семеновскимъ мѣщаниномъ Мелединымъ. Послѣ рассказа его, весьма подробнаго, прибавлять уже кажется нечего. Повѣріе заключается въ томъ, что подъ холмами, угорами по нашему, прилегающими къ озеру, стоитъ городъ *Великій Китежъ* съ соборомъ, монастырями, церквами и старинною крѣпостію, въ которой яко-бы скрылся великій князь Георгій Всеволодовичъ, послѣ какого-то небывалаго сраженія съ Батыемъ, на луговой сторонѣ Волги, подъ *Малымъ Китежемъ*, нынѣшнимъ *Городцомъ* (село Балахнинскаго уѣзда), и что въ городѣ этомъ и по нынѣ живутъ невидимые труженики. Есть даже повѣрье, что какой-то пастухъ былъ тамъ и въ подробности рассказывалъ все имъ видѣнное, что и записано въ такъ называемыхъ, въ краю нашемъ, *лѣтописцахъ*, т. е. маленькихъ тетрадкахъ церковной рукописи,

переписываемыхъ, какъ слышно, стариками и произваемыхъ между суевѣрныхъ народомъ съ большою тайною и весьма дорого. Около озера, во многихъ мѣстахъ прежде бывали келейки, и тамъ въ извѣстные праздники грамотныя старицы читали приходящимъ толкованія о подземномъ городѣ по лѣтописямъ, о коихъ было сказано выше, и суевѣры, по суткамъ и болѣе оставались близъ озера и молились. Есть повѣрье, что берега озера убаюкиваютъ вѣрующихъ и что воды его цѣлебны, что и бываетъ причиною частыхъ болѣзней, ибо многие, даже въ глубокую осень, проводятъ ночи, лежа на тундроватыхъ и зыбкихъ берегахъ озера, чтобъ испытать на себѣ убаюкиваніе или колыбаніе ихъ, и купаются въ водахъ озера, пожираемые горячкой и другими болѣзнями, отъ чего въ осеннее время болѣзнь усиливается.

Не далеко отъ Нестіара, описаннаго въ предыдущей статьѣ, въ повѣрѣіи о Макарьевскомъ благовѣстѣ, въ урочищѣ Махалихѣ, когда-то живали въ лѣсахъ люди, не совсѣмъ правильно называемые старцами. Простой народъ называетъ этихъ стшелъниковъ и старцами, и схемниками, и скитниками, и вѣруеть въ святость ихъ жизни и заслуги предъ Господомъ. — Живали старцы эти въ землянкахъ и зиму и лѣто. — Тѣ, которые живали, какъ рассказываетъ г. Щедринъ, въ близкомъ сосѣдствѣ одинъ отъ другаго, подъ однимъ духовнымъ началомъ, всегда имѣли огородцы, а иногда ловили рыбу въ ближнихъ озерахъ и лѣс-

ныхъ рѣчкахъ; но многочисленныя мужскіе скиты давно уже вывелись въ краю нашемъ, и я засталъ въ дѣсахъ, сосѣднихъ къ селу Головину и Дарочунской станціи, только такихъ, которые бывали отысканы одиночками верстахъ въ 15-ти отъ жилья, рѣдко имѣющихъ двѣ, три грядки овощей, ни какихъ рыболовныхъ снастей и безъ всякихъ другихъ средствъ къ пропитанію, кромѣ грибовъ, ягодъ и надежды на нѣсколькихъ изувѣровъ, доставляющихъ имъ скудную пищу и сохраняющихъ въ сирогой тайнѣ, мѣсто скита ихъ. Эти одинокіе изувѣры-труженики въ большомъ уваженіи у околodka и, хотя весьма немногіе знаютъ мѣсто ихъ жительства, но всѣ питаютъ къ нимъ глубокое уваженіе и чтутъ память нѣкоторыхъ, какъ святыню.

Чтобъ дать понятіе о способѣ похоронъ между этими отшельниками, опишу ихъ могилы.

Могилы эти не подземныя, т. е. не врыты въ землю, но гробъ ставится сверхъ земли, складывается по сторонамъ четырьмя толстыми кряжами и вмѣстѣ съ ними засыпается землею. — Какая цѣль или значеніе подобныхъ похоронъ, не могу объяснить читателямъ, потому что мало внималъ въ вещи мистическаго значенія; но думаю, что такъ какъ обыкновенно и землянки и могилы (расположенныя всегда подъ кельи) находились среди болотъ, которые иногда затопляютъ ихъ, то не желаютъ ли суевѣры уберечь прахъ мнимыхъ угодни-

ковъ отъ подмошки. Но можетъ быть есть какаѣ-нибудь цѣль таинственныя, или неизвѣстная, которую различныя пояснители тайнъ скитовъ Семеновскихъ или Иргизскихъ и другихъ (въ родѣ Пояркова) вѣроятно сумѣютъ пояснить, а коли и не сумѣютъ, такъ придумаютъ (за такими бездѣльцами стоитъ ли останавливаться?!)

Не вдалекѣ отъ тѣхъ же мѣстъ есть два урочища, именуемыя *Конь* и *Жеребенокъ*, получившія названіе свое отъ сходства съ этими животными двухъ камней, на нихъ лежащихъ. Между этими урочищами осталось множество слѣдовъ старинныхъ землянокъ, принадлежавшихъ, кто говоритъ старцамъ, а кто разбойникамъ.

Въ одной изъ землянокъ этихъ предполагаютъ множество золота и какую-то золотую пушку; въ слѣдствіе чего искатели кладовъ изрыли всю мѣстность, но до сихъ поръ поиски были тщетны.

Я могъ бы указать въ дѣсахъ нашихъ множество слѣдовъ, какъ одиночныхъ, такъ и многочисленныхъ, т. е. въ нѣкоторомъ сближеніи и вѣроятно, подъ однимъ духовнымъ началомъ, существовавшихъ скитовъ, которыхъ настоящее значеніе трудно проникнуть. Всѣ они заводились въ глухихъ мѣстахъ, на маленькихъ островкахъ, едва возвышающихся надъ окружающими, почти непроходимыми болотами. Всѣ они по возможности старались имѣть средства къ утеку и даже защитѣ въ случаѣ розысковъ. Въ послѣднее время, нѣтъ никакого слуха о

скитахъ многочисленныхъ; но нѣтъ также никакого сомнѣнiя, что одиночные скиты далеко еще не вывелись и не выведутся, покуда лѣса не будутъ приведены въ надлежащiй порядокъ. Я знаю людей, которые сами жила въ нихъ по нѣскольку лѣтъ и потомъ возвращались въ свои волости или къ помѣщикамъ по доброй волѣ, или разысканные какими-либо средствами. Люди эти, протаскавшись всю свою молодость, безъ пользы міру и помѣщикамъ, платящимъ за нихъ всѣ повинности до ревизiи, возвращаются, подъ старость лѣтъ, уже ни къ чему не способными, на руки къ тому-же міру или къ помѣщикамъ.

Быль прежде въ краяхъ нашихъ старинный обычай хоронятъ не въ оградѣ церковной, но гдѣ кому пошлетъ Богъ по сердцу, и я слышалъ отъ мужиковъ, что бывали старики, которые всю жизнь копили деньги, для нужныхъ расходовъ на исполненіе ихъ желанiя, и что бывали наследники, довольно добросовѣстные, которые, при средствахъ весьма недостаточныхъ, употребляли всѣ эти деньги по назначенію, безъ всякой утайки, считая гораздо позволительнѣе обсчитывать и обманывать живыхъ, нежели послушаться воли покойника и затаить деньги, назначенныя имъ для исполненiя изувѣрнаго обычая. Бывали тоже семьи, которыя дѣлали изъ подполья избъ своихъ, называемаго голубцемъ и служащаго выѣсто домашняго подвала, домашнее кладбище цѣлаго семейства.

Какъ умудрялись они утаивать подобныя продѣлки и какъ ухитрялись добывать тѣла покойниковъ изъ кладбища, гдѣ они должны были зарываться, объяснить не умѣю, ибо все это составляетъ тайны семейныя, и я слышался о нихъ, какъ о дѣлахъ минувшихъ, отъ одного извѣстнаго мнѣ искателя кладовъ, который, какъ заговорщикъ крови и отъ укуса змѣй и ужей, ползавался въ окологдѣ значительнымъ довѣріемъ суевѣрныхъ и былъ приглашень, какъ знахарь, откопать кладъ въ голубцѣ одной избы. Кладъ этотъ, по увѣренію хозяйки, являлся нѣсколько ночей съ ряду, въ видѣ бѣлаго гуся, прохаживающагося по полу избы, надъ голубцемъ. Заговорщикъ крови, въ первый разъ рискнувшiй на новый промыселъ, приступилъ къ дѣлу съ полуночи, заложивъ для храбрости добрую шапку Русскаго пѣтника и, прочитавъ всѣ заклинанiя чрезвычайно дѣйствительныя, по мнѣнію его, противъ укуса змѣй, ужей и для остановленiя крови, съ *могуча-плеча* принялся за дѣло и, въ скоромъ времени, вырылъ яму, чуть не въ сажень. Наконецъ, подъ заступомъ, что-то *звякнуло*.... Виднѣй не было, и храбрость его не колебалась. Обрадованный звукомъ, онъ осторожно поддѣлъ заступомъ твердый и бѣднѣйшій при мерцающемъ свѣтѣ желтой восковой свѣчки кладъ, и разомъ выворотилъ его на поверхность. Но увы!.. Ужасъ овладѣлъ имъ, когда, вмѣсто клада, курносый черепъ покатился съ заступа и какъ бы щелкалъ на

него оскаленными зубами. Выронивъ заступъ, съ молитвами кинулся онъ изъ ямы и едва смогъ выскочить отъ ужаса. Подъ влияніемъ того же паническаго страха и съ громкими молитвами онъ ринулся изъ избы, чрезъ дворъ, на улицу и едва добѣжалъ до хаты своей, гдѣ продрожалъ всю ночь подлѣ лучины, а на утро узналъ отъ хозяйки, что она запомнила сказать ему, что встарь все семейство ея хоронилось въ голубці и что даже старшія дѣти ея тутъ похоронены.

Быль тоже обычай держать кладбища безъ церквей подлѣ деревень, потому что во многихъ, дальнихъ отъ прихода деревняхъ, мнѣ показывали такія обширныя кладбища, что нѣтъ вѣроятія, чтобъ онѣ могли существовать въ такихъ большихъ размѣрахъ, безъ какихъ нибудь разрѣшеній.

XII.

О пустошахъ.

Пустошей, или вѣрнѣе лѣсныхъ угодій, въ здѣшнемъ краю, какъ уже было сказано мною въ № 4-мъ Моск. Вѣд., десятины по 12-ти на душу *) въ общемъ расчетѣ помѣщичьихъ имѣній, кромѣ одной вотчины,

*) За вычетомъ необходимаго, для залога въ кредитныхъ установленіяхъ.

принадлежавшей нѣкогда помѣщику изъ купцовъ, имѣвшему гдѣ-то далеко посессионные заводы. Но это имѣніе такъ замѣчательно по огромности своихъ угодій, для Нижегородской губерніи; что о немъ, въ качествѣ крошеннаго статистико-этнографа, считаю не лишнимъ сказать подробнѣе.

Вотчина эта лежитъ вдоль праваго берега рѣки Ветлуги и нынѣ, по окончательномъ размежеваніи съ сосѣдними владѣльцами, имѣющими въ пустошахъ около той же обыкновенной у насъ двѣнадцати-десятинной пропорціи, занимаетъ пространство верстъ съ небольшимъ 15-ть въ длину и почти столько же въ ширину. Въ настоящее время вотчина имѣетъ, кажется, около 200 душъ и около 26 тыс. десятинъ земли; но до спеціальнаго размежеванія и послѣдней ревизіи въ ней числилось около 120 ревизскихъ душъ и, при чрезполосномъ владѣніи, могло считаться по паямъ слишкомъ 30 тыс. десятинъ земли, гдѣ разбросанныя, такъ сказать, заблудившіяся въ лѣсу, одиночныя избы съ дворами носили торжественное названіе деревень: *такой-то и такой-то*, изъ множества которыхъ пять или шесть, населенныхъ *гласно* крестьянами другихъ чрезполосныхъ дачниковъ, имѣли видъ *дѣйствительныхъ деревень*; но остальные были въ родѣ Юкагирскихъ, Бурятскихъ или Тунгусскихъ юртъ, такъ что даже у *семго* или *сомо-ѣдовъ* (не знаю, за что такъ прискорбно названныхъ *Самовдами*, тогда какъ они

по преимуществу *Рыбоды*) вѣроятно немного сыщешь такихъ деревень, какъ въ этой вотчинѣ лѣтъ за 18-ть; ибо здѣсь иногда отецъ былъ *старостой*, одинъ сынъ *выборнымъ*, или *десятникомъ*, а другой *крестьяниномъ*. Надо замѣтить, что такъ было почти во всѣхъ деревняхъ, заселенныхъ собственно одними крестьянами сказанныхъ наслѣдниковъ, безъ примѣси крестьянъ другихъ чрезполосныхъ дачниковъ.

Не подумайте однако, чтобы холера или чума какая нибудь образовали такой просторъ въ этомъ имѣнии, гдѣ всѣхъ крестьянъ далеко не хватало для усмотра за своими слишкомъ 200 лѣсными десятинами на душу, при чрезполосности съ другими вотчинами, въ десятеро многочислѣннѣйшими и едва имѣющими 15-ю долю такой пропорціи на душу.

Не подумайте также, чтобы Ветлуга, вышедъ изъ береговъ, перетопила всю вотчину! Нѣтъ! холера и моровая язва пощадили край нашъ отъ смертности! Ветлуга же у насъ рѣка благонравная и не беретъ примѣра съ Запада: она хоть и *сорнячка*, да за то *мирнычка*! Поднимется и опустится *)! Нѣтъ! повторю, опустошеніе произошло во

*) А тамъ! На что это похоже? И рѣки-то путемъ дѣла своего не дѣлаютъ! Какъ начнутъ дуться, да булгачиться—такъ и удержи нѣтъ, и давай все топить, да вверхъ дномъ опрокидывать!...

второй половинѣ прошлаго вѣка самымъ обыкновеннымъ по тогдашнему образомъ.

Въ пустошахъ нашихъ пашеть отдѣльно каждый желающій крестьянинъ, сколько успѣлъ и захотѣлъ, безъ всякой мѣры и пошлины помѣщику. Эти запашки, по здѣшнему *кулиги*, *поляна*, или *пахоти*, и луговья *чищобы*, или *пожни*, т. е. расчищенныя низины, не входятъ въ составъ и исчисленіе полевыхъ и луговыхъ дѣлянокъ; крестьяне владѣютъ ими по какимъ-то *допотопънымъ* преданіямъ; находясь въ глуши лѣсовъ, иногда въ размѣрахъ чрезвычайно малыхъ (гораздо менѣе осинника), запашки эти бывають часто неизвѣстны самимъ вотчиннымъ начальникамъ, какъ не касающіяся ихъ власти, безъ особыхъ какихъ либо случаевъ или жалобъ.

Не слѣдуетъ, однако же, заключать, чтобы при такихъ обширныхъ пустошахъ и при безднѣ луговъ, какъ объяснено мною въ № 4 Моск. Вѣд., скотина у насъ *благоденствовала* во время подножнаго корма. — Нѣтъ! Лѣсныя деревни, при отдѣльномъ положеніи своемъ, окружають каждое поле изгородью, а со стороны лѣса, къ которому обыкновенно поля примыкають, — *осѣнками* *), и огораживаються какъ отъ луговъ; такъ и

*) Осѣнкомъ называется изгородь, устроенная изъ молодыхъ деревьевъ, срубленныхъ на мѣсть, безъ очистки сучьевъ, и наваленыхъ одно на другое, чтобы замѣнить недостающую изгородь, или *прѣсла* по нашему.

отъ лѣсу, т. е. отъ пустошей своихъ. Такимъ образомъ скотина, сосредоточенная на однихъ поляхъ, чрезвычайно малыхъ въ лѣсныхъ деревушкахъ, видитъ отличный кормъ за осыкомъ, а сама чуть не издыхаетъ съ голоду. Но иногда прорывается чрезъ осыкъ, вытаптываетъ и выѣдаетъ всѣ мелкія пахотныя кулиги, разбросанныя вблизи полей и не огороженныя осыками, и часто разбѣгается по лѣсу, такъ что даже совсѣмъ пропадаетъ, ибо пастуховъ нѣтъ во всемъ заволжѣ нашего уѣзда, и кромѣ полей нѣтъ другихъ пастбищъ. — Въ степномъ прибрежѣ Ветлуги, гдѣ поля гораздо обширнѣе и въ концахъ полей всегда есть значительныя залежи, хотя всѣ поля тоже огорожены пряслами, съ безчисленнымъ множествомъ воротъ, чрезвычайно надѣждающихъ непривычнымъ проѣзжимъ, безпастушная скотина часто пробирается съ паровыхъ полей на лѣбныя, не смотря на всѣ хитрѣя, доморощенныя пружины, оцѣпы и проч. курьезныя штуки. Однако въ этихъ деревняхъ скотина, на подножномъ корму, бываетъ гораздо сытѣе, нежели въ лѣсныхъ; ибо, при смежности полей различныхъ деревень, образуются такъ называемыя *суполци*, т. е. нѣсколько паровыхъ полей рядомъ. Въ такихъ случаяхъ нарочно обрушаютъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ прясла, или дѣлаютъ *заворы*, т. е. нарочно устроенныя передвижныя жерди, которые и вынимаются для прохода скотины изъ одного пароваго поля

въ другое, смежное, составляющее *суполци*. Такимъ образомъ скотина гуляетъ по всѣмъ смежнымъ полямъ и, стало быть, пользуется излишками тѣхъ деревень, гдѣ болѣе залѣжей. По этому можете судить, въ какомъ младенчествѣ находится скотоводство.

Безпастушье бываетъ причиною не только обидѣнія всѣй скотины, гибнущей свѣрхъ того весьма значительно отъ волковъ, но развиваетъ еще особый родъ воровской промышленности, именуемой *волчьимъ промысломъ*. Этотъ промыселъ служить подтвержденіемъ извѣстной аксіомы, что *всякій беспорядокъ ведетъ за собой другіе*. — Вотъ какъ узналъ я о существованіи его:

Разъ проѣзжая чрезъ сосѣднее имѣніе, я встрѣтилъ толпу крестьянъ, ведущихъ на арканѣ, за шею, съ какими то полудикимъ, неистовымъ триумфомъ, пожилаго мужика со связанными руками, безъ рубахи, съ накинутаю на голову и висящей вдоль спины свѣжей бараньей шкурою, голова которой укрѣплена была на головѣ такъ называемаго *волка*, вмѣсто шапки. Замѣтно было, что прежде этой *срамной* коррекціи, онъ испыталь уже порядочную расправу русскаго самосула да и самое путешествіе въ нагоми положеніи до пояса, на страшныхъ комарахъ и мошкахъ, при нѣвозможности отгоять ихъ связанными руками, есть уже преврожденіе времени не самое благополучное. — Я остановилъ толпу, чтобъ спросить о значеніи такого плачевнаго триумфа, и узнать, что мужикъ пойманъ былъ

на известномъ, въ краю нашемъ, преступленіи, называемомъ, какъ сказано, *волчьимъ промысломъ*, и что подь именемъ *двуногого волка* онъ обводится по всѣмъ сосѣднимъ деревнямъ, имѣющимъ суполцы, для личной рекомендаціи. Вотъ домашняя крестьянская расправа въ мошенниковъ этого рода.

Возвратившись домой, я спросилъ обстоятельнѣе о промыслѣ двуногихъ волковъ и узналъ, что одинъ крестьянинъ жены моей, пойманный на зарѣзанной имъ скотинѣ, былъ обыскавъ міромъ: оказавъ, что у него были цѣлыя пересѣлки съ соевымъ мясомъ, добытымъ этимъ промысломъ, на который выходилъ онъ съ вечера на всю ночь, съ ножемъ и топоромъ на длинной рукояткѣ, точь въ точь какъ разбойники. Въ подслѣдствіи при разѣздахъ моихъ по при-Волжскимъ лѣснымъ деревнямъ, гдѣ, также какъ и у насъ, скотина безъ пастуховъ и, кромѣ того, во изобилію поемныхъ луговъ и дубниковъ, держится множество свиней, которыя питаются желудями и не столько вредятъ поемнымъ лугамъ, зависимымъ každогодно съѣжьемъ пломъ, какъ лугамъ по суходолу, я узналъ, что только тѣ изъ охотниковъ на дикихъ звѣрей, которые принадлежатъ къ богатымъ семьямъ, избавляются отъ нарѣка въ этомъ промыслѣ. Но всякій бобыль, занимающийся звериною охотою, даже семейный, но не богатый крестьянинъ имѣющій *турку*, или *винтоску*, всегда подозрѣвается въ

этомъ легкомъ, разгульномъ промыслѣ, ибо въ лѣсныхъ при-Волжскихъ деревняхъ не только свины, но и большая часть скотины съ весны пускается въ лѣса, и только дойныя коровы и та скотина, которая сама возвращается изъ лѣсу, держится въ поляхъ изгородяхъ, а прочая уходитъ иногла версть за 40 и болѣе. Осенью же всѣ прибрежные крестьяне, изъ всѣхъ деревень, вѣшніе и конные ищутъ скотину, загоняя въ ближнія деревни и свою и чужую, а потому уже спомощію бабъ разбираютъ ее между собою, для чего есть особыя мѣты. Зѣсь мошенники бьютъ скотину уже не холоднымъ, а огнесгрѣлымъ оружіемъ; ибо она дичаетъ и не допускаетъ къ себѣ близко. Соленыя же и свѣжія туши продаютъ на барки за весьма дешевую цѣну, какъ и все ворованное, на вѣстахъ, известныхъ опытнымъ лодманамъ и прикащикамъ, извлекающимъ изъ этихъ плутовскихъ закусокъ свои собственные, обоюдныя выгоды.

О чрезполосности въ лѣсныхъ дачахъ.

Упомянувъ въ описаніи пустошей о чрезполосности, считаю не лишнимъ разъяснить ее поподробнѣе.

Чрезполосность нигдѣ не оказывала такихъ рѣзкихъ послѣдствій, какъ въ лѣсныхъ дачахъ, особенно при сплавныхъ рѣкахъ.

Какъ, напримѣръ, было учитывать и уравнивать вывозы изъ лѣсовъ при владѣніи десяти и болѣе чрезполосныхъ дачниковъ,

изъ коихъ иной имѣлъ права на одинъ пай, другой на пять или на шесть, третій на полтора или на два съ четвертью, а нѣкоторые по нѣскольку неравныхъ долей изъ дробнаго числа пай?

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что зачастую, большая часть, а иногда и всѣ чрезполосные владѣльцы живутъ вдали отъ общей дачи, да кромѣ того иные изъ нихъ люди коммерческіе, оборотливые и со средствами; другіе апатичные; третьи рассчитываютъ въ будущемъ и выжидаютъ дорогихъ цѣнъ *современемъ*. А если при этомъ между изворотливыми и коммерческими случится человекъ недобросовѣстный, то онъ можетъ иногда выработать вдесятеро и болѣе противъ того количества, на какое имѣеть право; ибо, при обыкновенной, въ чрезполосныхъ помѣщичьихъ лѣсахъ, неурядицѣ, при множествѣ мелкихъ рѣзущекъ, допускающихъ если не грузовой, то крайней мѣрѣ однорядный, весенній славъ, и, главное, при огромности чрезполосныхъ, лѣсныхъ угодій, нерѣдко заключающихъ въ себѣ десятки и даже сотни тысячъ десятинъ, оставляемыхъ почти безъ всякаго призора, остановить и учестъ его нѣтъ никакой возможности. Оттого завязывается *«судъ да дѣло»*, а мужички добавляются *«собака съгла»*; ловкій же баринъ—*все вывозить, да вывозить*, рассчитывая, что какъ вывезетъ, да выручитъ тысячь на 20, а разуеетъ куда слѣдуетъ тысячь съ 5, то въ годъ-то и очистится тысячь съ 15; а одно-

дачники каждый годъ подаютъ новыя жалобы.

Я знавалъ такихъ спекуляторовъ, которые съ однимъ этимъ расчетомъ покупали чрезполосныя, лѣсныя дачни, или даже пустоши, куда выселили мужиковъ, чтобъ удобнѣе дѣйствовать въ своей коммерціи, имѣя работниковъ на мѣстѣ, въ постоянной осѣлости. Есть даже такіе, которые употребляютъ всю изворотливость и находчивость ума своего, чтобы každогодно отсрочивать специальное межеваніе подъ благовидными причинами, видя, что не весь еще лѣсъ вырубилъ у чрезполосныхъ дачниковъ.

Представьте же себѣ, что такая торговля производится людьми, хоть сколько нибудь образованными, къ несчастію, иногда и *вѣрны образованными*, но которыми, «знать, грамота далась не отъ Господа Бога!»

Что же должно было происходить въ описанной мною, огромной лѣсной дачѣ, въ которой на 120 ревизскихъ душъ, почти при 250 десят. на душу, было слишкомъ 1,000 душъ, принадлежавшихъ чужимъ дачникамъ, имѣвшимъ едва 15-ю долю этого количества на душу?! — Разумѣется, каждый чрезполосный крестьянинъ торговалъ всѣми лѣсными матеріалами этой вотчины, какъ своею собственностію, и дѣйствовалъ рѣшительно какъ помѣщикъ; но все-таки при всеобщей безпечности, большая часть крестьянъ только жила въ довольствѣ, силь-

номъ разгулъ и пьянствѣ, и весьма немногіе составили капиталы.

Въ примѣръ послѣдствій чрезполоснаго лѣснаго владѣнія выскажу только то, что въ описанной мною огромной дачѣ, числящейся сплошнѣе подъ лѣсомъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ сотъ десятинъ пашни и такого же количества луговъ), при окончательномъ размежеваніи изъ 26,000 десятинъ, которыя, во избѣжаніе совершеннаго разгрома, владѣльцы этого баснословнаго имѣнія согласились принять изъ общей дачи, оказалось *дѣйствительно* подъ лѣсомъ, кажется, тысячъ шесть десятинъ, а остальные представляютъ плачевный видъ *лѣсныхъ поминковъ*, гдѣ на сожженномъ или загроможденномъ валежникомъ грунтѣ, торчатъ лишь обгорѣлые пни и зияютъ черныя, дегтярнаго цвѣта страшныя ямы выгорѣвшихъ торфяниковъ, въ коихъ на подобіе дегти стоитъ черная, покрытая смолистыми глазками вода.

Вотъ, повторяю, почти неизбежное послѣдствіе всякой лѣсной чрезполосицы, ибо непремѣнно найдутся, между чрезполосными дачниками или крестьянами, люди изворотливые и неразборчивые въ средствахъ приобрѣтенія, которыя окончательно все таки безопаснѣе прикрыть какимъ либо способомъ; а способъ лѣснаго поджога—*традиционный* и до сихъ поръ *вѣрнѣйшій*.

XIII.

О паляхъ.

Палями вообще называютъ у насъ подготовку земли, или расчистку ея подъ посѣвъ или покосъ посредствомъ огня. Если пале готовится подъ посѣвъ, то именуется, какъ сказано уже, *кулиго*, а если подъ покосъ или луга, то получаетъ названіе *посжи*.

Производится пале слѣдующимъ образомъ: съ осени подрубаютъ лѣсъ, стараясь свалить его въ одну сторону, такъ чтобъ одно дерево накрывало другое по длинѣ его и чтобъ они могли ровнѣе и плотнѣе прикрывать землю срубленными своими вѣтвями, что у насъ называется *валить постелью*; чѣмъ ровнѣе и плотнѣе устлана земля, тѣмъ лучше вышрѣваетъ она во время зимы и осени; ибо, занесенная снѣгомъ сверхъ этой мшистой постели, менѣе промерзаетъ и долѣе прѣтеть отъ осенней влаги, напитавшей всѣ обруленные, мелкіе сучья, плотно укрывшіе землю. Надо замѣтить, что чѣмъ вѣрнѣе по одному направленію лежитъ срубленный лѣсъ, тѣмъ удобнѣе и ровнѣе подрубленные сучья устилаютъ землю, чего, при перекрестной и произвольной свалкѣ, достигнуть очень трудно. Осенью, если возметъ поспѣхъ, или по перевозимости стараются увезти хорошія бревна съ подготовленной пали, или раскатать ихъ по закраинамъ ея; нетолстыя же оставляютъ на мѣс-

тѣ. Весною, по совершенной просушкѣ подрубленныхъ сучьевъ, и вообще, какъ только можно надѣяться, что сваленный лѣсъ загорится, поджигаютъ подготовленное мѣсто и наблюдаютъ лишь: чтобъ огонь не распространился по лѣсу, что, впрочемъ, часто случается, по безопасности лѣснаго народа. Обыкновенно стараются зажечь подъ дождикъ; въ той надеждѣ, что отсырѣвшая земля избавитъ отъ необходимости караула; но извѣстно, какъ лѣтняя туча обманчива; часто, вмѣсто дождя, пройдетъ бури и искусственный поджогъ, раздутый вѣтромъ, обратится въ пожаръ, со всѣми его ужасами.

На палияхъ, сожженныхъ до Петрова дня, сѣютъ по золѣ рѣпу безъ всякой вспашки и боронять, гдѣ можно, обыкновенною деревянною бороной взадъ зубьями; а гдѣ по множеству пеньковъ это невозможно, тамъ употребляютъ такъ называемую *елевую борону*, т. е. берутъ не толстую елку, раскалываютъ на двое, подрубаютъ сучки, оставляя ихъ четверти въ двѣ съ половиной длиной; потомъ складываютъ рядомъ по три и по четыре такихъ пластины сучками внизъ, расколomъ къверху, привязывая въ двухъ мѣстахъ, сверхъ раскола, по батожку, или палкѣ, чтобъ пластины держались рядомъ, и потомъ лошадыю тащатъ эти бороны съ науковыми ножками за веревку, между пеньковъ; если и такая борона неудобна по множеству пеньевъ, то просто заматаютъ сѣмя граблями.

Если палъ не поспѣла, т. е. не высохла

къ посѣву рѣпы, то зажигаютъ ее около Успеняго дня и сѣютъ озимый хлѣбъ; если поспѣла не прежде глубокой осени, то сѣютъ уже на другой годъ раннею весною, почти по снѣгу и рѣшительно въ грязь, яровые посѣвы, которые, не смотря на то, согрѣтые пепломъ, иногда даютъ самъ-двадцать пять урожая, при посѣвѣ довольно рѣдкомъ. Озимые посѣвы тоже удаются иногда самъ-осмнадцать и болѣе; но какъ тѣ, такъ и другіе, бываютъ иногда неудачны.

Однако не слѣдуетъ думать, чтобы пали заготовлялись всегда съ осени, иногда подрубаютъ лѣсъ и раннею весною, съ тѣмъ, чтобъ по просушкѣ сдѣлать посѣвъ рѣпы, или озимаго хлѣба; но эти пали далеко не такъ надежны; ибо земля не успѣваетъ пропрѣть. На этихъ палияхъ, называемыхъ въ послѣдствіи уже *кулигами*, сѣютъ хлѣбъ безъ удобренія до вспашки каждагодно, болѣе и болѣе взламывая и выворачивая пеньки и вспашивая, или мотыжа землю; но если земля отъ *перегара*, или отъ *плохаго достоинства почвы*, выпашется прежде, нежели выворотятъ всѣ пеньки на кулигѣ, которую каждагодно взмотыживаютъ или пропахиваютъ, если возможно, *прямухами*¹⁾,

1) Родъ сохи *безъ палицы*, въ которой рога для сошниковъ и вся *платина* почти прямая, а ве подкосая, т. е. не изогнутая дугою какъ у обыкновенной сохи, что даетъ *прямухъ* возможность прыгать съ корня на корень, а не поддвѣгать его снизу.

то оставляют кулигу эту отдыхать до тѣхъ поръ, пока всѣ пеньки подопрѣютъ и тогда, повыворотивъ ихъ вагами, т. е. деревянными длинными рычагами, снова начинают пахать до выпашки.

Для сѣнокосныхъ палей обыкновенно выбираютъ мѣсто на низинахъ, и по сожженіи лѣса, только убираютъ его, ибо надо замѣтить, что по большей части сгораютъ только сучья, а бревна *обугливаютъ*. Убравши лѣсъ, выворачиваютъ пеньки по возможности и по спѣху, что и дѣлаютъ ежегодно, или подрубаютъ ихъ такъ, чтобъ не мѣшали косѣ; въ первые же годы косить между пеньками.

Травы на паляхъ, именуемыхъ въ послѣдствіи *пожнями*, бываютъ превосходны ростомъ, но, по сырости грунта, чаще всего *осока*, которую скашиваютъ *весьма молодую*, для сѣдобности; еслибъ на этихъ паляхъ заняться травосѣяніемъ при небольшой осушкѣ, то нѣтъ сомнѣнія, что сѣнокосы были бы отличные.

Я не раздѣляю мнѣнія, чтобъ пали были *всегда неминуемо вредны* *) и видалъ своими глазами, что удачная *паль*, хорошо подопрѣвшая, сожженная во время, т. е. тогда, когда лѣсъ уже обвѣтривъ и высохъ, но земля держитъ еще значительную влагу, не допускающую прогорать глубже кореньевъ лѣснаго моха, такъ мало уничтожаетъ растительнаго слоя и даетъ такіе обильные

*) Не говорю о дальнемъ-будущемъ.

урожаи нѣсколько лѣтъ съ ряду *при весьма малыхъ трудахъ*, что считаю ихъ однимъ изъ средствъ, допускаемыхъ, въ обширныхъ лѣсныхъ дачахъ, лишь бы дѣлались они съ *надлежащей осторожностію* и *токовымъ обрзомъ*; ибо иначе въ сильные жары можно сжечь весь растительный слой, да и произвести пожаръ.

Если есть увѣренность въ возможности уберечь сосѣдній лѣсъ, то всею лучше пускать *паль* при *хорошемъ вѣтрѣ*, гонящемъ огонь стремительно и не позволяющемъ ему *слишкомъ долго задерживаться на одномъ мѣстѣ*; причемъ всегда болѣе прогараетъ земля, а надо, чтобъ огонь, такъ сказать, лишь *оплмля ея поверхность* и *осыпалъ перломъ отъ сгорѣвшихъ лапъ и хвои*.

Кто разводилъ запашки изъ подъ густаго лѣса, тотъ хорошо знаетъ, какихъ огромныхъ трудовъ или огромной цѣны стоитъ каждая расчищенная десятина! — Правда, что продажа лѣса, сучьевъ и наконецъ пеньковъ съ значительными барышами окупаетъ работу, *гдѣ лѣсъ имѣетъ порядочную цѣнность*; но какъ прикажете поступать въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не возьмутъ всего лѣса съ десятины, за одинъ трудъ срубить его и увезти *дома*, т. е. съ лапами и вершинами выворотить пеньки, и уходить землю подъ хлѣбопашество обходится почти въ 50 р. сер. казенная десятина мелкаго лѣса, т. е. по 2 к. сер. съ квадратной сажени, за мелкій, а за крупный не возьмутъ и 4

к., если онъ часть; это составитъ около, а иногда и слишкомъ сто р. сер. за подготовку десятины подъ пашню, тогда какъ въ нашемъ мѣстѣ, можно купить въ вѣчное владѣніе отъ 3 до 10 р. сер. любую, лѣсную десятину, *если только лѣсъ этотъ удаленъ отъ сплава*. Спрашивается: какъ-же не допустить тутъ палей въ глухихъ, дешевыхъ лѣсахъ?—Я, съ своей стороны, полагаю, что покуда не прочистятъ *русь*, по нашему, *стовей* лѣсныхъ рѣкъ, до тѣхъ поръ пали неизбѣжны; иначе некуда дѣваться съ лѣсомъ, продающимъ даромъ и рано, или поздно, всегда дѣлающимъ жертвою неизбѣжныхъ и неотвратимыхъ лѣсныхъ пожаровъ, какъ уже много разъ сказано, ничѣмъ не остановимыхъ.

XIV *).

О ПАШНЯХЪ.

Пахатной земли въ лѣсныхъ деревняхъ чрезвычайно мало, такъ, что едва ли придется по два осминника на тягло въ полѣ; но надо замѣтить, что во всемъ Макарьевскомъ за-Волжѣ поля никогда не были измѣрены на десятины и осминники, и крестьяне дѣлятъ пашню сначала по качеству земли на общіе передѣлы въ различныхъ частяхъ поля; а потомъ уже дѣлятъ

*) По этой-же причинѣ и на дугахъ оставляли ряды деревь вмѣсто граней, или межъ каждаго луговаго владѣнія.

передѣлы эти на полосы, ширина которыхъ опредѣляется количествомъ окладныхъ, оброчныхъ душъ—на семействѣ. И такъ при крошечныхъ поляхъ и нѣсколькихъ передѣлахъ, въ которыхъ каждый крестьянинъ имѣетъ свою полосу, — полосы эти, у однодушныхъ, т. е. полутягольныхъ оброчниковъ, иногда бываютъ шириной съ небольшимъ въ *борону*, а длиной всегда во весь передѣлъ (не рѣдко сажень въ 200); но есть крестьяне, несущіе $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ души оброку и имѣющіе тоже свои полосы. По этому можете судить о достоинствѣ нашей пашни! — Но пристрастіе старовѣровъ такъ сильно ко всему, освященному старинно, что надо *чрезвычайно осторожно* касаться всѣхъ полезныхъ ново-введеній и уничтоженія вредныхъ старинныхъ обычаевъ.

Землю у насъ удобряютъ *рѣшительно всю подъ озимой посѣвъ*, но это дѣлается лишь въ поляхъ, а на кулигахъ, которыя иногда окружаютъ все поле вплотную, каждый хозяинъ дѣйствуетъ по усмотрѣнію. Иногда на ближнія кулиги вывозятъ лишній навозъ, но дальнія никогда не удобряются. Замѣчательно, что не рѣдко *кулига одного семейства*, прилегающая вплотную къ деревенскому полю, бываетъ *больше всего этого поля*, и никогда не возникаетъ жалобъ на неправильное владѣніе, освященное стариннымъ обычаемъ; но еслибъ кто вздумалъ въ полѣ запахать лишній пластъ, то вси деревня поднялась бы на него съ оже-

сточениемъ. Въ степныхъ деревняхъ правдо-го побережья, гдѣ деревни часты и раздѣляются между собою лишь полями своими почти безъ перелѣсковъ и луговъ, которые всѣ на лѣвомъ берегу Ветлуги, или по рѣчкамъ въ лѣсахъ, пахатной земли гораздо больше, но крестьяне тоже стараются удобрять весь озимый клинъ; однако удобрение это такъ незначительно, что, мнѣ кажется, было бы полезнѣе удобрять половину поля, но *гуще*.

XV.

Луга.

Луговъ у насъ бедна, даже *поемныхъ*, не говоря уже о безчисленномъ множествѣ мелкихъ, иногда одно-возовыхъ остожій, разбросанныхъ въ лѣсахъ нашихъ; но луга эти, которыхъ около десятины на ревизскую душу *) и которые могли бы удвоиться при малѣйшей заботливости, въ такомъ запустѣннѣи и безпорядкѣ, въ какомъ владѣютъ ими развѣ гдѣ нибудь въ Азїи, но не въ Европѣ, что и подтверждаетъ справедливость даннаго нашему краю прозвища *Нижнегородской Сибири*. Не говорю уже о томъ, что всѣ луга поросли кустьями и даже цѣлыми рядами елошника и другихъ водорослей частію стѣ безпечности, частію отъ стариннаго способа владѣнія лугами,

*) Въ тѣхъ вотчинахъ, которыя сохранили всю свою землю, т. е. не лишились части ея продажею или какимъ либо другимъ способомъ.

требующаго опредѣлительныхъ межъ. На тотъ-то допотопный способъ и прошу читателей обратить вниманіе. Я слегка коснулся его въ № 4-мъ Моск. Вѣд., объясняя, что большая часть луговъ, въ рукахъ богатыхъ мужиковъ, владѣющихъ ими въ разныхъ мѣстахъ, иногда за 30 и за 40 верстъ отъ своего селенія, какъ говорилъ я, «по благословенію крестнаго отца, или матери, или другаго родственника, передающаго эти луга по своему усмотрѣнію, какъ свою собственность, не имѣя на это ни малѣйшихъ правъ, утвержденныхъ закономъ»; но обычай и безпечное невѣжательство конторъ въ сдѣлки крестьянъ между собою укоренили эти передачи, и до прїѣзда моего въ здѣшній край случилось видѣть какую нибудь вдову зажиточнаго мужика, не несущую никакихъ повинностей ни предъ казною, ни предъ помѣщикомъ, ни передъ міромъ, владѣющую сотней и болѣе возовъ сѣна, тогда какъ у многихъ семейныхъ крестьянъ той же деревни, несущихъ по нѣскольку тяголъ, едва хватаетъ по одному возу на тягло. — Не думайте, чтобъ мужъ вдовы этой имѣлъ собственную землю, утвержденную актами, или когда либо купленную, по старому обычаю, на имя помѣщика, какъ множество домовъ въ столицахъ носили и носятъ еще лишь одно названіе богатыхъ баръ нашихъ, но принадлежатъ крестьянамъ ихъ, или слугамъ; — нѣтъ, ничего подобнаго у насъ не было, да правду сказать и нужды въ томъ не ока

зывалось, потому что покосныя мѣста доставались богатымъ безъ купли (покупки) въ видѣ процентовъ займа, а черезъ три, четыре года подъ разными предлогами и при поклонахъ въ конторѣ начинали числиться совершенно за ними, такъ что старшій владѣлецъ несмѣлъ и заикнуться о нихъ, а сынъ его, или внукъ только уже наслышкой помнилъ, что у стариковъ его бывали хорошіе покосы, но что оттягали ихъ такой-то богатый мужикъ.

Приступая къ размежеванію съ шурьями моими и своячицей и собираясь раздѣлить луга по тягламъ, я сталъ ближе вникать въ странность владѣнія лугами (да и кулигами, которыя часто мѣшаютъ расширенію настоящихъ полей) и, распрашивая съ подробностію о причинахъ такихъ несообразностей, дозналъ, что множество покосовъ, которые помалонаселенности края ни когда не дѣлились, но расчищались крестьянами, гдѣ кому вздумалось, не рѣдко пропивались домохозяевами на базарахъ, прометывались въ орлянку и продавались, какъ собственность; а еще чаще служили обезпеченіемъ займовъ въ видѣ процентовъ, такъ что я знаю много случаевъ, гдѣ отъ 10 до 15 возовъ сѣна на прекрасныхъ поемныхъ лугахъ скашивались въ видѣ процентовъ на заемный рубль; если безпечный владѣлецъ не выплачивалъ этого рубля нѣскольکو лѣтъ, то лишался совершенно правъ на покосъ, подъ предлогомъ прибавленной приростки, очищенія кустевъ на заросшемъ,

якобы прежде покосъ его и подъ другими мошенническими предлогами; а старшій хозяинъ, какъ человѣкъ мотоватый и пьяный, не имѣлъ значенія въ конторѣ и не могъ уже выхлопотать приказанія возвратитъ ему покосы его, и такъ — дѣло забывалось, а смѣтливые, богатые мужики такимъ образомъ прибирали къ рукамъ своимъ всѣ лучшіе покосы и пережвали ихъ въ видѣ наслѣдства или собственности даже вдовамъ своимъ или незамужнимъ дочерямъ, рѣшающимся на всю жизнь остаться стариками, по нашему, т. е. старыми дѣвками. Вотъ одна изъ причинъ, которыя довели всѣ части одного огромнаго, раздѣливагося имѣнія до неоплатныхъ недоимокъ. (Имѣніе это состояло по 7-й ревизіи тысячъ изъ 9 душъ при 200 т. десятинахъ земли въ одной окружной межѣ, т. е. принадлежавшихъ одному помѣщику, безъ чрезполосности.)

XVI.

Оброкъ и натуральныя повинности.

Въ здѣшнемъ краю оброкъ собирается самымъ курьознымъ и затруднительнымъ образомъ, т. е. круглый годъ еженедѣльно, и тѣ помѣщики, которые въ послѣднее время рискнули переимѣнить старинную методу и попробовали собирать его одновременно чрезъ каждыя полгода, находятся, кажется, не въ блестящемъ положеніи въ отношеніи исправности сборовъ и количества накопившихся недоимокъ за крестьянами, или со-

вершено изменили бытъ послѣднихъ противъ старыхъ подворныхъ описей. Не знаю, когда вкоренился этотъ неудобный обычай; знаю только, что онъ бываетъ причиною большихъ хлопотъ и досадъ, но вывернуть-ся изъ этого положенія человѣку, безъ значительныхъ денежныхъ средствъ и обремененному непремѣнными, текущими расходами, нѣтъ никакой возможности. Обыкновенный оброкъ, включая подушныя и всѣ натуральныя повинности, отправляемыя уже конторой, въ здѣшнемъ краю около 15 р. сер. съ окладной, оброчной души, а такихъ душъ большею частью бываетъ гораздо меньше ревизскихъ. (Отступленія отъ этой цифры весьма незначительны, глядя по количеству и достоинству угодій). Однако прошу замѣтить, что заплативъ 15 р. сер. съ окладной души, крестьянинъ уже не знаетъ никакихъ натуральныхъ повинностей, ни постоянного подушнаго оклада, ни барскаго сѣнокоса, ни огорода и никакихъ поборовъ; въ иныхъ вотчинахъ даже самый караулъ и отопленіе господскихъ строеній производится наймомъ.

Такимъ образомъ, изъ 15 р. сер. въ пользу владѣльца не останется и 12-ти съ окладной, а не ревизской души, тогда какъ въ каждой почти вотчинѣ, окладныхъ душъ меньше противъ ревизскихъ, въ пропорціи слишкомъ 100 на 1,000. (Колебанія этой нормы самыя малыя).

Чтобъ яснѣе представить расходъ конторы, приведу таблицы натуральныхъ повин-

ностей съ прибавкою постоянного подушнаго оклада. Первая, за годъ до составленія кадастровъ, а вторая, за 1856 годъ; эти сборы дѣлаются, какъ извѣстно, по количеству ревизскихъ, а не окладныхъ душъ, которыхъ меньше противъ ревизскихъ, какъ уже сказано, слишкомъ на 10%.

		Серебр.
1-я таблица.		Руб. Коп.
Подушныхъ съ души около	---	2 "
За расчистку сѣнга	-----	" 3 $\frac{1}{2}$
За трансп. и этап. подвод.	---	" 32
За Дорогучинскую станцію	---	" 18 $\frac{1}{4}$
За Евдокимовскую	-----	" 17 $\frac{1}{2}$
За мосты и гати по Казанскому тракту	-----	" 3
Поземельныхъ	-----	" 7
Итого съ души		2 81 $\frac{1}{4}$

		Серебр.
2-я таблица.		Руб. Коп.
Подушныхъ съ души около	---	2 "
За расчистку сѣнга	-----	" 3 $\frac{3}{8}$
За трансп. и этап. подвод.	---	" 30
За Дорогучинскую станцію	---	" 21 $\frac{1}{2}$
За Евдокимовскую	-----	" 21 $\frac{1}{2}$
За мосты и гати по Казанскому тракту	-----	" 6
Поземельныхъ	-----	" 7 $\frac{1}{2}$
Итого съ души		2 90

Къ указаннымъ здѣсь расходамъ прибавьте наемъ пикетчиковъ, траты на подводы и разъѣзды для подрядовъ на все вышесказанное, и получите болѣе 3 р. сер.

съ ревизской души расхода, лежащаго на самомъ помѣщикѣ, ибо крестьяне уволены не только отъ натуры, или платежа за нее, но даже отъ всякихъ хлопотъ и подводъ по этому дѣлу, а всѣмъ завѣдываетъ контора; исправный же плательщикъ во весь годъ совершенно свободенъ всѣмъ семействомъ. Изъ остающихся 12 р. сер. съ души въ пользу помѣщика надо выкинуть по крайней мѣрѣ 10 процентовъ на разность, существующую между окладными и ревизскими душами; слѣд. окажется чистаго оброка съ ревизской души въ пользу помѣщика около 10 р. 80 к. сер., если оброкъ будетъ собранъ сполна, безъ недоимокъ; къ сожалѣнію, это довольно трудно.

Вотъ краткое поясненіе прилагаемыхъ таблицъ:

Подушный окладъ понятенъ для всѣхъ.

$3\frac{1}{2}$ и $3\frac{3}{4}$ копѣйки съ души за расчистку сѣнга означаютъ наемъ отъ конторы за исполненіе этой повинности на Казанскомъ трактѣ, пролегающемъ въ нашемъ уѣздѣ; часть же этого тракта должна очищать натурою Веллужская половина уѣзда, отстоящая отъ него на 70—160 верстъ.

32 и 30 копѣекъ съ души за транспортныя и этапныя подводы точно также означаютъ наемъ отъ конторы за эту повинность, неудобную къ отправленію натурою въ столь далекомъ отъ насъ разстояніи.

$18\frac{1}{2}$ и $21\frac{1}{2}$, а также $17\frac{1}{2}$ и $21\frac{1}{2}$ за Дорогичинскую и Евдокимовскую станціи означаютъ тоже наемъ отъ конторы ямщиковъ

на эти земскія станціи для проѣзда земской полиціи. Цѣна этихъ наймовъ, простиравшихся въ годъ составленія кадастровъ совокупно за обѣ станціи до 36, въ прошломъ году до 43, въ нынѣшнемъ году возвысилась до 48 к. сер. съ ревизской души.

3 и 6 к. за мосты и гати по Казанскому тракту означаютъ наемъ отъ конторы за эту повинность, вмѣсто того чтобъ чинить ихъ натурою въ такомъ дальнемъ отъ насъ разстояніи.

7 и $7\frac{1}{4}$ к. поземельныхъ понятны всякому.

Разъяснивъ значеніе таблицъ, спрошу специалистовъ: не удобнѣе ли было бы всѣ подобнаго рода натуральныя повинности раздѣливать деньгами въ тѣхъ уѣздахъ, которыхъ географическое положеніе растянуто на сотни верстъ и гдѣ нѣкоторыя повинности отброшены къ одному краю уѣзда; или, по крайней мѣрѣ, опредѣлять мѣстную, справочную цѣну на тѣ повинности и предметы, въ которыхъ можетъ случиться притѣсненіе со стороны мѣстныхъ жителей?

Для незнакомыхъ съ предметомъ расскажу примѣръ:

Я знаю мостъ въ одномъ уѣздѣ, котораго постройка кромѣ работъ могла бы обойтись по мѣстнымъ, справочнымъ цѣнамъ, рублей въ 10 сер. на лѣской матеріалъ, какъ-то: сваи, выстилку и проч.; мостъ этотъ находится въ срединѣ одной огромной вотчины, которой владѣлецъ не участвуетъ въ его починкѣ, и контора ли, самъ ли помѣщикъ,

установили цѣну за лѣсъ, растущій подлѣ самой дороги и весьма дешевый; но мостъ, коего новая постройка обошлась бы несколько не дороже сказанныхъ 10 р. сер. за весь лѣсной матеріалъ, обходится одною починкою слишкомъ въ 80 р. асс., а еслибъ досталось строить его съизнова, то иные участники просто разорились бы! Миновать же покупки матеріаловъ у мѣстнаго владѣльца нѣтъ никакой возможности, ибо дача его тянется на 20 версть по обѣ стороны этого моста вдоль дороги, а вывозить изъ проселка въ этомъ мѣстѣ весьма трудно. Тоже можно сказать вообще о всѣхъ натуральныхъ повинностяхъ по Казанскому тракту для Ветлужскаго народонаселенія, которое, по дальности своей, не можетъ исполнять эти повинности натурою и неминуемо должно нанимать мѣстныхъ жителей, пользующихся этою невозможностію, дѣлающихъ стачку и устанавливающихъ такія цѣны, которыя безъ стачекъ могли бы несравненно понизиться. Въ сложности Казанскій трактъ обходится нашему краю, какъ видно изъ таблицъ, около 40 к. сер. съ души, а въ обстоятельствахъ моста обошелся бы гораздо дороже. По этому денежный сборъ, или по крайней мѣрѣ обязательныя, справочныя мѣстныя цѣны на необходимые, подручныя матеріалы, едва ли не удобнѣе.

XVII.

Охота.

Такъ какъ и самая охота составляетъ или нѣкоторое подспорье въ крестьянской жиз-

ни, или отрасль промышленности, то считаю нужнымъ слегка коснуться и этого предмета:

Съ небольшимъ лѣтъ 10 тому назадъ, въ нашемъ краю такъ еще изобиловали лоси, что мнѣ однажды случилось видѣть въ деревнѣ Орѣхахъ, всѣхъ дальше врѣзавшейся въ обширные лѣса Макарьевскіе, почти въ каждомъ дворѣ по пересѣку *) и по два соленого лосинаго мяса.

Въ этотъ годъ Орѣховскіе крестьяне, а ихъ было тогда около 60 ревизскихъ душъ, убили 22 старыхъ лосей, не считая телятъ; лѣтъ-же за 20, край нашъ изобиловалъ и оленями, которые прихаживали изъ-за Ветлуги огромными стадами, по нѣскольку десятковъ штукъ, тогда какъ лоси чаще приходять штукъ по 6-ти, и рѣдко до 12-ти.

Въ тоже время бывали у насъ рыси; но, кажется, время это прошло безъ возврата, ибо лѣсные пожары мѣстами слишкомъ прорядили лѣса, мѣстами слишкомъ завалили ихъ, и лѣса не доставляютъ уже тѣхъ средствъ кормежки, по нашему, которыя нужны оленямъ, а смольный и другіе промыслы, дѣлая лѣса наши почти жильями, во всякое время года при безчисленномъ множествѣ огней и шумѣ, распугиваютъ этихъ чуткихъ звѣрей.

Однако и теперь еще Макарьевскіе охотники бьютъ не мало медвѣдей и лосей,

*) Пересѣкомъ называется кадка, или половина бочки, распиленной на двое.

кой-когда куницъ, и значительное число бѣлокъ; но объ оленяхъ и рысяхъ совершенно не слышно. Много ловятъ волковъ, лисицъ, зайцевъ, норокъ, изрѣдка выдръ.

Желая скорѣе кончить описанія свои, не стану здѣсь распространяться объ охотѣ и извѣстныхъ мнѣ случайностяхъ ея; но, по изданіи статей своихъ отдѣльною книгою и чтобъ чѣмъ нибудь заманить публику, я издамъ второй томъ, гдѣ послѣдую примѣру чичероне въ звѣринцахъ, которые, разъяснивъ всѣхъ крупныхъ звѣрей менажеріи, показываютъ, въ видѣ собственнаго бенефиса, какого нибудь плюгаваго, но рѣдкаго звѣрюшку, рассказывая о немъ самыя забавныя и курьозныя вещи. Такъ и я, съ точностію указавъ публикѣ все истинно замѣчательное въ краю нашемъ, позволю себѣ въ бенефисѣ своемъ, т. е. во второмъ томѣ, не входящемъ въ составъ газетныхъ статей, коснуться мелочей (иногда довольно крупныхъ), и между прочимъ охоты.

Графъ Н. Толстой.

(Изъ №№ 3, 4, 7, 36, 39, 41, 44, 47, 48, 50, 56, 71, 74, 78 и 79 Моск. Вид. 1857 года.)

XVIII.

РАЗНЫЯ МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

Теперь приступаю къ разнымъ мелочностямъ, можетъ быть, и скучнымъ, но необходимымъ для полноты всякаго описанія статистико-этнографическаго. И такъ да простятъ мнѣ читатели, что я снова заставляю ихъ пропутешествовать по вѣсколькимъ столбцамъ не весьма занимательнымъ, но пускай винятъ тѣхъ, которые увѣрили меня, челевѣка отсталаго и живущаго болѣе воспоминаніями, чѣмъ дѣйствительностію, что нынѣшняя публика не похожа на публику моего времени, не признающую натуральной школы, гордую своимъ прошедшимъ, чрезвычайно привередливую и щекотливую какъ въ выраженіяхъ, такъ и въ самыхъ предметахъ разговора, такъ что бывало какой нибудь *пьянжда* — *полмищикъ*, хотя благодѣтельный для окружающихъ и доведшій свое хозяйство до возможнаго въ Россіи улучшенія, еслибы рискнулъ коснуться *общественно-насуциныхъ* вредящихъ въ такъ называемомъ *порядочномъ* (нынѣ, какъ увѣряютъ, уже сильно повывдохшемся) обществѣ, то вѣроятно с оро замѣтилъ бы, что *это общество* также брезгаетъ имъ, какъ *навозомъ* и проч.; о чемъ онъ *продовѣдуетъ*. Да и самъ я, любящій читать вслухъ, встрѣчаю въ любимыхъ публикою

авторахъ такіе предметы и такіе выраженія, что старинные предрасудки мои невольно останутся на дыбы и, какъ робкая лошадь, стараются обойти *грязное мѣсто*, чтобъ не смутить слушающихъ; а слушающіе, болѣе меня знакомые съ *нынешнимъ обществомъ* и приличіями его, въ тихомолку забавляются моею *традиціональной скромностію*, что однако не всегда ускользаетъ отъ моего вниманія и *понемногу осмѣляютъ меня*. Вотъ почему и рѣшаюсь вкратцѣ коснуться въ фельетонныхъ статьяхъ своихъ предметовъ, о которыхъ въ старыя годы не позволили-бъ себѣ говорить иначе, какъ въ спеціальной брошюрѣ.

Запашка, цѣна на припасы и т. д.

Въ уничтоженной мною предъ ополченіемъ образцовой запашкѣ, клалось отъ 250 до 400 возовъ навозу (навозу) на казенную десятину и рожь не падала, (но пашни были заведены на старыхъ выпашкахъ чрезвычайно *тощихъ*) на обыкновенныхъ-же крестьянскихъ поляхъ подобное удобрение подъ каждый озимовый посѣвъ было бы лишнимъ, но чрезъ посѣвъ — *необходима*.

Количество сѣмянъ на образцовой запашкѣ высѣвалось слѣдующее:

Ржи на десятину казенной мѣры высѣвалось по 10 пудъ, овса $2\frac{1}{2}$ четверти, гороху мелкаго по 6 пуд.; крупнаго по 10 и болѣе, гречихи по 1 четверти.

При хорошемъ урожаѣ у нѣкоторыхъ ;

рачительныхъ крестьянъ хлѣба хватаетъ на весь годъ, но весьма рѣдкіе сѣютъ его, сколько слѣдуетъ, не находя разчета заниматься имъ при огромныхъ лѣсныхъ угодьяхъ, не запрещаемыхъ помѣщиками, потому большая часть крестьянъ покупаютъ хлѣбъ мѣсяца за 3 и за 4 до зови; въ плохіе же годы — съ новаго года и ранѣе. Но это, собственно, въ *лѣсныхъ деревняхъ*, а въ степномъ прибрежьи позже.

Но есть крестьяне въ лѣсныхъ деревняхъ совершенно предавшіеся лѣсному промыслу и *совсѣмъ не сѣющие*.

Кополы не сѣютъ; *ленъ* лишь на собственное продовольствие въ *самомъ маломъ количествѣ* и то не *всѣ*.

Садовъ нѣтъ; *огороды* лишь для себя и *всѣма не достаточныя*.

Земли въ наемъ не отдають, но занимаютъ ею сами, иначе *пустуетъ*, за немѣнѣемъ наемщиковъ. (*) *Соломы* мало, *мохъ* и мелкая *хвойная лапа* могли бы значительно замѣнить ее, какъ то было у меня на образцовомъ хуторѣ; но хлѣбопашество въ младенчествѣ и въ немъ не чувствуютъ еще нужды.

*) Замѣчательно, что богатые мужики и тутъ пользуются общою безопасностію; именно, берутъ у бѣдныхъ за двугривенный, за польшточа водки, а иногда въ видъ процента съ какого нибудь полтинника, лучшія полосы подъ яровой посѣвъ, тогда какъ подъ озимь полосы эти были удобрены самимъ хозяиномъ, несохранявшимъ яровыхъ сѣмянъ и не могущимъ купить ихъ.

Лошадей мало, но рогатого скота и овец изобильно. Продажа рогатого скота происходит обыкновенно на ярсть, живьем деревенскимъ, или заѣзжимъ мясникамъ, а овец не продаютъ, но съѣдаютъ ихъ дома, шкуры же и шерсть изводить на себя.

Скотина весьма дешева и продается отъ 5 до 10 руб. сер. за штуку, чему причиною разумѣется, безпастушье и ранній обгулъ.

Есть цѣлыя селенія, имлюція отъ 6 до 12 рогатыхъ скотинъ на дворъ.

Пчеловодство чрезвычайно незначительно для угодій, изобилующихъ вѣзмъ для него нужнымъ.

Тутъ же кстати представлю, для свѣдѣнія, разныя цѣнности наймовъ, существовавшихъ въ нашемъ краю, въ годъ составленія кадастровъ и весьма мало измѣнившихся; а также цѣнность разныхъ продуктовъ.

Работникъ у насъ стоитъ въ годъ около 30 руб. сер.; въ лѣто около 17-ти; а въ зиму около 13-ти руб. сер.

За жнитво казенной десятины на образцовой господской запашкѣ платилось около 1 руб. 50 к. сер. какъ ржаного, такъ и ярого хлѣба.

За вспашку косулею (родъ одноконнаго плуга) посѣвъ и запашку ярого, по 4 р. с. за десятину.

За подъемъ косулею нови, (обыкновенная русская соха у насъ не употребляется) безъ хлѣса, 3 руб. сер.

Съ мелкимъ и рѣдкимъ кустарникомъ 4 руб. сер.

Подъ озимъ съ навозомъ не было опытовъ, потому что навозъ всегда вывозили домашними средствами.

За подводу на 20 верстъ платится отъ 30 до 40 к. сер.

Дрова въ здѣшнемъ краю съ привозомъ на мѣсто отъ 1-й до 2-хъ и 3-хъ верстъ сбодѣлись предъ ополченіемъ отъ 40 до 45 к. сер. за сажень, а нынѣ отъ 50 до 60 к. сер. (по случаю дороговизны провозовъ), аршинной длины, на половикъ березовыхъ съ прочими.

Говори о дешевизнѣ у насъ дровъ, замѣчу, что непомѣрная дешевизна эта происходитъ единственно отъ засоренія лѣсныхъ рѣкъ; ибо съ половины теченія Люнды можно бы сплавать дрова на устье Ветлуги; Люнда же съ тремя важнѣйшими своими притоками, Хмѣлевой, Быстрцомъ и Висючемъ, могла бы доставлять десятки тысячъ сажень швырковыхъ дровъ каждагодно. Точно также, еслибъ близкіе къ намъ притоки Керженца были почищены, — они могли бы доставлять на устья его еще большее количество дровъ, нежели Люнда на устьѣ Ветлуги, а на обоихъ устьяхъ всѣ парходныя общества запасаются ими. Но надо добавить, что сплавъ дровъ требуетъ довольно глубокой воды, безъ чего сплавлять ихъ будетъ не выгодно, тогда какъ бревна, за невозможностію отъ заваловъ, хорошаго грузоваго сплава, могутъ съ нѣко-

торой выгодой, сплавляться съ однорядками*).

Народъ здѣшній, какъ придерживающійся нѣсколько старообрядства, въ праздники соблюдаетъ въ одеждѣ чистоту, но не роскошь, въ будни-же смольникъ всегда черенъ, а рогожникъ въ рубахѣ и мокорь, слѣдовательно не до щегольства, къ тому же надо замѣтить, что многія семьи рѣшительно не носятъ ничего покупнаго, но всегда во всемъ домашнемъ. Тутъ же должно отдать справедливость необыкновенной чистотѣ, въ которой живутъ крестьяне. Здѣсь хозяйка оmyваетъ каждую недѣлю съ дресвой**) потолокъ и стѣны, а полъ гораздо чище, и старая гнѣлая изба также чиста, какъ новая. Зимомъ, порядочные мужики никогда не живутъ въ той же избѣ, въ которой лѣтомъ. Для скотины, для рогожного и другихъ промысловъ всегда особья избы, и какъ бы стары они ни были, однако это чрезвычайно способствуетъ здѣшней опрятности.

*) Впрочемъ для достиженія предполагаемой мною дешевизны лѣса, при переходѣ воровскаго промысла въ нормальный ходъ промышленности, прочистка рѣкъ составляетъ необходимое условіе.

***) Дресвой называется мелкій камешникъ, похожій на леденецъ, бѣлаго и желтаго цвѣта, который толкутъ, если онъ крупень. Этотъ камешникъ чрезвычайно любятъ глухіе тегерева и даже разрываютъ снѣгъ, чтобъ доставать его.

Пищу здѣсь употребляютъ вообще хорошую, такъ что въ первые годы жизни моей въ здѣшнемъ краю весьма затруднительно было достать *что либо*, потому что теляти, барановъ, домашнюю птицу и даже дичину крестьяне съѣдали сами и ничего не хотѣли продать.

Въ послѣдствіи, зачтенные хорошею цѣнностію, стали болѣе разводить живности и даже скотины собственно для продажи и скоповъ и, въ послѣдніе годы предъ ополченіемъ, я покупалъ масло по 4 р. 50 к. сер. за пудъ, говядину отъ 70 к. до 1 р. 50 к. сер. за пудъ. Телянокъ безъ шкурки стоялъ отъ 50 к. до 80 к. сер. Цыплята по 10 и 12 к. сер. за пару. Пара рябчиковъ и тетеревовъ бывала отъ 10 к. до 20 и до 25 к. сер. Глухарь одинъ по цѣнѣ пары рябчиковъ. Баранина дороже телятины, потому что и теперь всю съѣдаютъ сами. Зайцевъ — не ѣдятъ. Брагу варятъ въ печныхъ корчугахъ, а не въ большихъ мірскихъ пивоварныхъ котлахъ, называемыхъ *варями*; а потому къ несчастію, варятъ ее слишкомъ часто, и вообще, въ здѣшнемъ краю, существуетъ крестьянская гастрономія и какое-то радужное хлѣбосоольство, и я, какъ человекъ неприхотливый, нередко захаживалъ, совершенно неожиданный, къ инымъ крестьянамъ, далеко не самымъ зажиточнымъ, но которые, увидавъ меня въ окошко, идущаго съ поля, или изъ лѣса и уставшаго, всегда зывали или откушать бражки, или холодныхъ ягодокъ (съ мед-

комъ, у кого пчелы), или наконецъ, если семья обладаетъ, то откушать хлѣба-соля, и говорю безъ преувеличенія, что у хорошей стряпухи и рачительной хозяйки, при здѣшнемъ изобиліи ягодъ, грибовъ, дичины и рыбы, даже у незажиточнаго крестьянина—можно быть сытымъ при неспорчевномъ вкусь. Для прамѣру скажу, что мяѣ не разъ случилось, въ будничныи день у небогатыхъ крестьянъ хлѣбать похлѣбку изъ глухаго тетерева, съ разной приправкой и лукомъ, что сказать по совѣсти, очевь вкусно, собливо когда подумаешь, что въ Германіи на блюдо глухаго тетерева съѣзжаются владѣтельные герцоги.

Но съ прискорбіемъ долженъ сказать, что хотя въ общемъ смыслѣ крестьяне живутъ достаточно и ѣдятъ вусно, но именно въ тѣхъ деревняхъ, которыя далѣе углублены въ лѣса и сѣдственно легче могутъ добывать пропитаніе, по близости неистраченныхъ еще лѣсныхъ промысловъ и большому изобилію ягодъ, грибовъ, дичины, а часто рыбы и звѣрей, болѣе чѣмъ гдѣ либо развито *бобыльство и бездомство*, какъ, уже говорилъ я въ статьѣ о промышленности *отъ безпечной увѣренности въ прокормленіи, лишь созыми топоръ*, и отъ трудности и частію безпечнаго усмотря со стороны конторъ за нравственностію и домохозяйствомъ въ этихъ дальнихъ мѣстныхъ деревняхъ, гдѣ обыкновенно вѣтъ другаго начальника, кроиѣ десятскаго, по большей части выбираемаго тоже изъ бобылей въ оброчныхъ имѣніяхъ, чтобъ незани-

мать этой обязанностию хорошаго крестьянина; а почему деревенскій народъ живетъ также, какъ и безпастушвая скотина его, *на свободу*, и привычка шататься безъ удилловъ и шторы, имѣеть и здѣсь обыкновенное свое вліяніе, такъ что многіе изъ крестьянъ деревень этихъ, доживаютъ до старости по чужимъ хатамъ и часто вовсе не являются въ вотчины, а всю жизнь таскаются, то въ бурлакахъ, то по смольнымъ ямамъ, то по другимъ лѣснымъ промысламъ, то за охотою, то наконецъ во міру, или за волчьимъ промысломъ и живутъ, какъ говорятъ Французы: *au jour la journée* или по нашему: *съ дня на день перекочачиваются*, не имѣя ни своего прова, ни своего куска хлѣба. Отъ этой горькой картины безпечности и безначалія возвращаюсь къ курьозному иногда радушію и хлѣбосольству крестьянъ нашихъ; ибо, при всемъ этомъ радушіи, странно для непривычнаго видѣть и слышать иногда хозяйку, которая, отъ души угощая васъ, не менѣе того подаетъ вамъ *особую посуду и ложку*, напередъ отдѣляя назначенную вамъ порцію изъ общихъ чашекъ и корчагъ; а если вы, по невѣдѣнію спросите: для чего такіе хлопоты или церемоніаль, то безъ обиняковъ получите въ отвѣтъ: *«чтобъ не опоганилъ кормилецъ!»* ибо здѣсь, тѣ изъ крестьянъ, которые придерживаются старообрядства, не считаютъ грѣхомъ напоить васъ *съ полнымъ радушіемъ*, но не стануть ѣсть съ вами изъ одной чашки и сочтутъ ее *опоганенною*, если вы прикоснетесь къ ней, или къ лож-

камъ, или къ стакану и т. п. губами вашими.

Крестьяне наши очень радушно угощаютъ и нашихъ дворовыхъ, но тѣмъ не менѣе, мало употребляя обыкновенныхъ русскихъ поговорок и бранясь между собою по вѣстному обычаю: «ератикомъ или ерегичей» (мѣстный выговоръ) иногда прибавляютъ, желая упрекнуть въ чемъ нибудь «ты, парень, облатился, словно хуторской, т. е. лѣкѣй для дворовый.»

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Июля 24 дня, 1857 г.

Ценсоръ В. Флеровъ.

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка.	Напечатано:	Лучше читать:
2	10	свер. Слово «люе»	выбросить
3	6	связ. 180,	180 и
5	13	свер. барышамъ,	барышамъ—и
7	5	— таинственнаго	таинственностию
8	11	связ. дѣла	дѣло
8	10	— рабочя	рабога
10	11	— деламаъ	дѣламаъ
21	15	— богаче	богаги
21	6	— шюграхъ	шюграхъ
21	5	— лаговыхъ	луговыхъ
21	3	— слово «ольхою»	выбросить
21	3	— словникомъ	елюшникомъ
23	9	— слово «бъ»	выкинуть
23	2	— теченстволья	тльниги, смолье
24	18	свер. првныхъ	пресныхъ
24	7	связ. валы	волы
24	6	— Битука	Битуха
24	4	— значительно	рагительно
26	9	— слово «робы»	выбросить
27	4	— на 4	са 4
29	12 и 13	— слова	т. е. средняго пласта между скалою и горною древесной
			выкинуть
33	8	свер. хотя бы они	хотя бы иные изъ
		и были	нихъ были и
35	10	— наволоку	наволоку
35	7	связ. выростеть	выростеть. Ещепри-
			лнръ
36	1	свер. помоги	помози
38	3	— въ другихъ	во всякъ
43	10	связ. Не лучше ли	Но не лучше ли

II

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Нужно читать:</i>
45	7—8	свер. на шейки (завозные канаты) конныхъ машинъ	<i>на подаги (завозные канаты) и шейки (сталовые канаты) конныхъ машинъ</i>
60	2	— Если.	<i>А если</i>
60	9	сниз. вѣжій Русскій крестьянинъ	<i>вѣжїе Русскїе крестьяне</i>
60	7	— събѣтъ	<i>събѣдѣтъ</i>
61	14	свер. не что	<i>ни это</i>
66	18	— и охваченныя	<i>и были охвачены</i>
68	16	— соображай, какъ хочешь	<i>воображай, какъ хочешь</i>
69	7	— взлетая	<i>взлетаетъ</i>
70	6	сниз. проселками	<i>просѣлками</i>
76	10	— насущныхъ	<i>наущныхъ и.м.</i>
88	6	— смола	<i>смолье</i>
88	6	— положена	<i>положены</i>
91	3	свер. удается	<i>удается таки</i>
91	14—15	— льбичихъ по одному	<i>по одному льбичиху</i>
93	8	— ребромъ, отъ патиска	<i>ребромъ отъ патиска, патиска</i>
96	12	— ихъ связь безъ перегрузки	<i>плоты связь безъ перегрузки</i>
96	6	сниз. въ заключеніи	<i>въ заключеніе</i>
110	7	свер. болѣе	<i>больше; счастья</i>
116	5	— и сътей	<i>съ стей</i>
123	10	сниз. обитанія,	<i>обитанїя.</i>
124	16	свер. Подъ Ливхой	<i>Подъ Левихой</i>
146	15	— хой кинетографической	<i>кичетъ зоографической</i>
161	8	— слово сказанныхъ	<i>выкинуть</i>
161	9	— слѣдниковъ	<i>слѣдниковъ сказал назо кутца</i>